

Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

**Главы 17-18.
Океан**

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67 **Митюшёв П.В.**
М-остров. Главы 17-18 (Океан). – М.: Мибук, 2016. – 197 с.: ил.

Книга «М-остров» раскрывает тайну бессмертия. В завершающих двух главах следы «особых точек» Новой Земли уходят в бесконечность, а сама история переходит на новый уровень. Для всех и каждого.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)

1. Точка входа
2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
3. Москва

(КЛАСТЕР)

4. Топонимический кластер
5. Шар
6. Лоция Мерша
7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)

8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)

9. Земля после синдрома
10. Пылинка
11. Молодые ль вы

(АКТИВАЦИЯ)

12. Бабочка
13. Как метеоролог пытался страну спасти
14. Активация

(ПОЛЕ)

15. Теория понятийного поля
16. Лирика

(ОКЕАН)

- ▶ 17. Подводная часть айсберга
- ▶ 18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ 17-18:

17. Подводная часть айсберга	6
Василий Калика	6
Источник	6
Текст	7
Слои	12
Датировка	17
Локализация	17
Смысл	22
Личный мотив	25
Questa isoletta	28
Кое-что ещё	32
Два корабля	34
Итак	41
Неопознанные Картографические Объекты	44
18. Исходная точка	75
Откуда что вообще берётся	75
Жизнь текстового леса	75
Хорошо известный пример	76
15 тысяч исключений	78
Локальная версия	80
Чужое, зато своё	83
Южные братья по разуму	89
Поляна	92
Три цитаты	93
Источники	94
Острова	101
Обновляйтесь или умолкните	105

Рассекая тернии: смысл порождает значение	113
Условия Далласа	113
Столяр перепрыгивает льва	114
Правило пазла	118
Поля разбегающихся значений	118
Хараш-хаос	119
Заговор молчания	120
Утерянное значение	121
Под сенью биньянов в цвету	122
Обретённое значение	125
Конечная истинность	126
Три ошибки или ни одной?	127
Проблема 45:16	127
Наваждение	129
Просто читаем буквы	131
Инверсная суперпозиция	133
Три ошибки переводчика	135
Авторская версия	136
Главный вывод	138
Новый остров у северного края Земли	139
Объёмные свойства слов	139
Парижский шулер и заготовка грибов	139
Скрытый объект	141
Всякая математика	144
Геолокация	146
Из вод морских	148
Книги	151
Четыре загадочные буквы	146
М-стринг	146
Самая последняя математика	155
Снег	157
Имя	158
Природа взаимодействия	158
Проявленная реальность	159
Послание	168
Океан	172
Ось	191
Исходная точка	193

17. Подводная часть айсберга

Василий Калика – Источник – Текст – Слои – Датировка – Локализация – Смысл – Личный мотив – Questa isoletta – Кое-что ещё – Два корабля – Итак – Неопознанные картографические объекты

Василий Калика

В 1347 году, за 33 года до Куликовской битвы, было документально зафиксировано событие, разительным образом напоминающее то, что произошло 525 лет спустя, когда в 1873 году видение, открывшееся помору-промышленнику на горе Митюшёв Камень, радикально изменило течение жизни не только самого свидетеля, но и Фёдора Достоевского. Возможность наличия связи между этими двумя событиями мы сейчас и рассмотрим.

Источник

Упомянутое выше событие (условно – «плавание Моислава») описано в Послании архиепископа Новгородского Василия (он же Григорий Калика) к епископу Тверскому Фёдору Доброму.

Само же «Послание...» Василия можно видеть в ряде списков ряда летописей. Таких как «Софийская первая», «Новгородская третья», «Воскресенская» и других, среди которых «Софийская первая летопись» является наиболее авторитетной.

Самым древним, самым полным и самым достоверным сохранившимся списком «Софийской первой летописи» считается «список Оболенского», хранящийся в Москве в Архиве Древних Актов. Его я и буду придерживаться в дальнейшем. По поводу датировки данного экземпляра «Софийской первой летописи» (то есть собственно «списка Оболенского») существуют разные мнения, но с большой уверенностью можно говорить о 1470-х годах.

«Софийская первая летопись» – документ сам по себе бесценный. В ней содержится, навскидку, и «Повесть временных лет», и «Русская Правда», и «Рассказ о Донском побоище». И много чего ещё.

В том числе и «Послание архиепископа Новгородского Василия к епископу Тверскому Фёдору», размещённое в Летописи под годом 1347.

Текст

Как я уже говорил, «Послание» содержится в ряде сохранившихся списков ряда летописей. Так что де-факто существуют различные его версии. Однако в части, касающейся «плавания Моислава», все имеющиеся версии близки между собой.

Тем не менее, существуют некоторые незначительные с виду различия между разными публикациями «Послания». А потому для пущей надёжности я приведу ниже текст «Послания», снятый мной непосредственно со «списка Оболенского» «Софийской первой летописи» (РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. II, док. 3). Точнее, того места «Послания», в котором говорится о «плавании Моислава» (лл. 365, 365 об., 366). Орфографию я осовременил в самой минимальной степени. Знаки препинания, а также разбивка на предложения и абзацы в оригинале отсутствуют. «Юма» – собирательное обозначение судна, «щегла» – бревно с глубокими поперечными насечками, «ужище» – верёвка. Теперь мы знаем всё, что нужно знать. Итак, читаем «Послание...» Василия Калики:

<...> А то место святого рая находил Моислав новгородец и сын его Ияков; а всех их было три юмы, и одина от них погибла много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к великим горам.

И видеша на горе той написан Деисус лазарем чюдным и велми издивлен, паче меры, яко не человеческыма рукама творен, но Божию благодатью.

И свет бысть в месте том самосиянен, яко не моши человеку исповедати. И пребыша долго время на месте том, а солнца не видеша, но свет бысть многочастный, светлуясь паче солнца.

А на горах тех ликования многа слышахуть, и веселия гласы поюща.

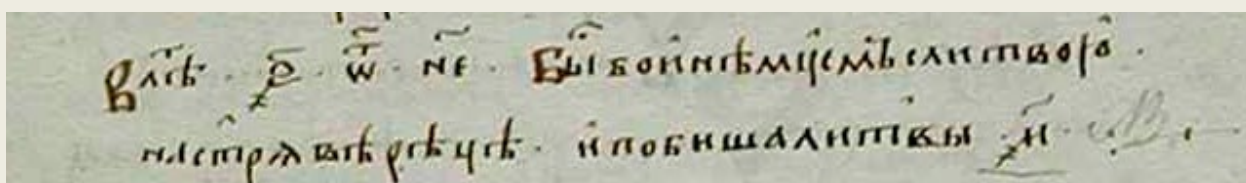
И повелеша единому другу своему взити по щегле на гору ту, видети свет-от и ликованныя гласы; и бысть, яко взиде на гору ту, и абие въсплеснув руками, и засмияся, и побеже от друзей своих к сущему гла-су.

Они же велми удивлешеся, и другаго послаша, запретив ему, да обратився скажет им, что есть бывшее на горе. И тот тако же сътвори, нима-ла възвратися к своим, но с великою радостью побеже от них.

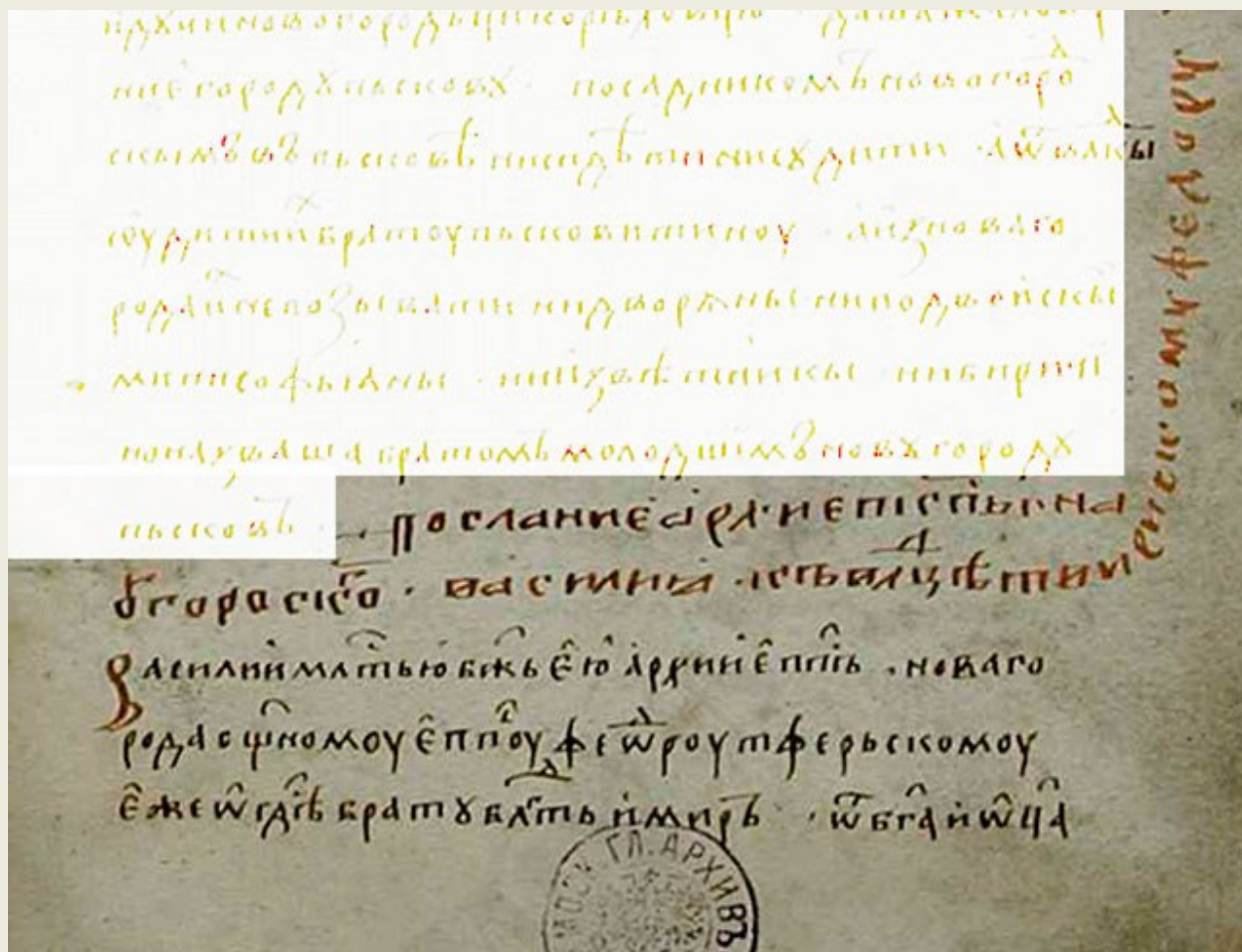
Они же страха исполнишася, и нача размышляти в себе, глаголюще: «Аще ли и смерть случится, но видели быхом светлость места сего». И послаша третьяго на гору, привязав ужищи за ногу ему. И тако же и тот въсхоте сътворити: въсплескав радостно и побеже, в радости забыв ужища на нозе своей. Они же здернуша его ужищом, и том часу обрете-ся мертв.

Они же побегоша въспять, не дано есть дале того видети светлости тое неизреченный, и веселия, и ликования тамо слышащаго.

А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добри-здорови. <...>

[Илл. 17-03-01-1. «Софийская первая летопись», «Список Оболенского». РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. II, док. 3, л. 360. «Год 1347».]

[Илл. 17-03-02-1. Там же, л. 362. Начало «Послания Василия».]

[illegible]

365 об.

горѣ тѣлнкова ннѣ многа слышаша хрѣтъ . и вѣ
 анѣ слѣбѣ тоюща . и повелѣша ернѣ моу ррѣ
 своѣмоу вхрѣти поше глѣ на гороу тоу вхрѣти
 свѣтѣ тоу . и лнкова ннѣ глѣ . и бѣ іаковѣ
 рѣ на гороу тоу . и а нѣ ѿплеснахъ рхѣ лн
 нза смнѣ слѣ по вѣже ѿ ррѣ говѣ своѣ кѣ соу
 цѣмъ глѣ соу . ѿ ннже велми оу рн влѣ шѣ слѣ
 гаго послѣ шѣ . да прѣбѣти вѣмоу да ѿвѣ
 ти слѣ слѣ жѣтѣ нѣмъ . что ѣ стѣ вѣ шѣ
 на горѣ . и то тѣ лнкова ннѣ стѣ творн . ннмала
 хрѣтн слѣ своѣ нѣмъ . нѣ свѣ лнкова рѣ стѣ
 повѣже ѿ ннѣ . ѿ ннже стѣ рѣ хѣ и сполнншѣ
 и на чѣ рѣ хѣ мѣ шѣ лѣ пн вѣ свѣ глѣ . а цѣ лн
 смѣ слѣ хѣ ннѣ слѣ . нѣ вѣ рѣ лн вѣ хѣ мѣ свѣ тѣ
 стѣ мѣ глѣ слѣ . и послѣ шѣ трѣ тѣ лѣ на горѣ
 прѣ нѣ лѣ зѣ вѣ оу жн цн нза ногоу ѣмоу . и тѣ лѣ
 и то вѣ хѣ стѣ стѣ творн . ѿ плесна вѣ рѣ
 стнѣ нѣ повѣже . вѣ рѣ стнѣ лѣ вѣ оу жн цн
 на нѣ рѣ своѣ . ѿ ннже зѣ рнѣ шѣ ѣго оу жн цн
 и то мѣ чѣ соу ѿ вѣ рѣ стѣ слѣ мѣ рѣ вѣ . ѿ ннже

[Илл. 17-03-04-1. Там же, л. 365 об. «Плавание Моислава», продолжение.]

Слои

Разумеется, приведённые выше слова нельзя воспринимать буквально. У каждого подобного «документированного» события, даже если оно и имело место в реальности, существуют как минимум четыре слоя.

Слой первый – собственно само событие.

Слой второй – устный рассказ о нём очевидцев, обращённый слушателям ближнего круга.

Слой третий – каноническая версия легенды (пока всё ещё устная), возникающая в результате многократного пересказа сторонними людьми услышанной ими истории.

Слой четвёртый – письменная фиксация легенды уже неким конкретным автором, вносящим в неё коррективы в соответствии со своими текущими задачами.

При переходе от одного слоя к другому любая история обычно претерпевает изменения, часто значительные.

Так вот. В руках мы сейчас держим «четвёртый слой» (письменную фиксацию архиепископом Василием устной легенды о «плавании Моислава»), а интересуем нас «слой первый» (само событие, послужившее основой для текста «Послания...»).

Любая реконструкция подобного рода в той или иной степени предположительна. Однако, процесс мифологизации реальных событий массовым сознанием протекает по более-менее известным законам. Так что некоторые обоснованные предположения можно сделать. При реконструкции мы будем двигаться строго от слоя к слою, но в обратном порядке, последовательно удаляя внесённые искажения.

4. Искажения «четвёртого слоя» (текст с повествованием о «плавании Моислава»).

Надо понимать, что рассказ о «плавании Моислава» не являлся для архиепископа Василия самоцелью. Этим частным примером он лишь подкреплял центральный тезис своего «Послания», а именно – что «земной Рай» не исчез после изгнания оттуда Адама и Евы, а продолжает где-то на Земле существовать. В то время данная концепция разделялась далеко не всеми одноверцами Василия и её приходилось аргументировать.

В таких случаях можно ожидать от автора некоторых натяжек известного рода. Как и в данном конкретном случае, где мы имеем дело с искажением устной легенды при помощи типового приёма «сакральной визуализации реального объекта».

Суть приёма состоит в том, чтобы снабдить реальный объект какой-нибудь ярко выраженной сакральной атрибутикой. Полная неправдоподобность получающейся в результате картины для мифологизированного сознания парадоксальным образом только увеличивала достоверность события.

В данном конкретном случае применение приёма «сакрализации» хорошо видно в задействовании автором «Послания...» слова «деисус».

Словом этим в русском языке обозначается особый жанр иконописи. А именно – композиция, где в центре находится Иисус, а по бокам от него располагаются обращённые к нему фигуры (как правило Девы Марии и Иоанна Крестителя).

Отсюда и название – «Деисус», то есть – «две фигуры» по краям («де» по-гречески означает «два»), а сам «Иисус» в центре. Всё просто.

Только что я привёл пример «кухонной этимологии», для тренировки внимания. Утверждение предыдущего абзаца целиком ложно, забудьте его. Не всегда всё просто.

Во-первых, «два» по-гречески будет не «де-», а «ди-» (диптих, диполь, диплодок). Во-вторых, греческое слово, от которого произошло название данного иконописного сюжета – «дЕисис» («δέησις», «δέησις», с ударением на первом слоге, последняя гласная «и»), то есть – «моление». В русском же языке это трансформировалось в нечто привычное слуху («-исУс»).

Основным отличительным признаком «деисусного» жанра является то, что персонажи, окружающие Христа, обращаются к нему с молением. При этом персонажей этих может быть как двое, так и четверо, и вообще любое чётное число. Так, например, «Деисус» той же Мартирьевской паперти исходно насчитывал, несмотря на скромные свои размеры, кроме центрального Христа ещё шесть персонажей.

Итак, «Деисус» – это просто обозначение одного из иконописных жанров. Иконы, относимые к этому жанру, выглядят все очень по-разному.

Так как же тогда понимать слова Василия «И видеша на горе той написан Деисус» (то есть «на горе была нарисована некая многофигурная композиция»)?

А понимать их следует так, что автор и не пытался описывать конкретный вид местности (которой он, к слову, сам и не видел), а заменил описание абстрактным сакральным понятием, призванным создать общую ауру святости данного объекта.

Неужели это работает, спросите вы? Работает, и ещё как. Особенно если снабдить абстрактный сакральный образ какой-нибудь конкретной узнаваемой деталью.

Например, фигурировавшая в устном описании местности «голубая от снега гора, издали похожая на человеческую фигуру», превращается в результате «сакральной визуализации» в «Деисуса, писанного лазарем чюдным». И вот этот-то «лазарь чюдный» (насыщенная голубая краска) берётся автором как раз из жизни, а именно – в полукуполе алтарной апсиды собора Спаса Преображения в Мирожском монастыре, чьего величественного «Деисуса» на сияющем голубом фоне автор «Послания» (Василий Калика) не мог не видеть по роду своей деятельности.

[Илл. 17-04-01-1. «Деисус» полукупола алтарной апсиды собора Спаса Преображения Мирожского монастыря, Псков. До 1220.]

Так, политически нужный вымысел ретушируется реальной лазурью – и очарованный читатель не видит в повествовании никаких швов.

Ну, или «почти не видит». Поскольку «швы» здесь всё-таки немного проступают. Слово «Деисус» в данном описании, даже с учётом всего вышесказанного, смотрится несколько неестественным и труднопредставимым. Если автору так уж нужна была «сакральная визуализация», то, казалось бы, что мешало ему использовать вместо «Деисуса», например, слово «Спас» или просто «Лик, писанный лазурем чудным»? За ними, по крайней мере встаёт хоть какой-то зрительный образ.

Но в тексте, тем не менее, значится «Деисус». Похоже, у архиепископа Василия имелся некий личный мотив, побудивший его использовать именно этот образ. Об этом предполагаемом мотиве я скажу чуть позже.

Искажения, внесённые Василием в описание «плавания Моислава», не ограничились, впрочем, одним «Деисусом». В описании события появились такие детали, как слышимые на пустынных горах «ликования многа» и «веселия гласы». Василию нужно было предъявить своему адресату пример очевидного обнаружения «земного Рая» – а какой же рай без «ликований» и «веселия».

Промежуточный итог. При переходе от третьего к четвёртому слою в рассказ о «плавании Моислава» добавились «Деисус» и «гласы веселия» в пустынных горах.

3. Искажения «третьего слоя» (каноническая устная легенда).

Тут всё достаточно очевидно. При создании устных легенд дело редко обходится без таких приёмов, как деформация пространства («семимильные шаги») и замена реальных чисел числами магическими («три брата», «семь посохов»).

В нашем конкретном случае «деформация пространства» возникает в том месте описания, где один из путешественников залезает на «великую гору» (километровой примерно высоты) по «щегле» (то есть по бревну с насечками, максимум в 10-15 метров общей длиной), а другой забирается на ту же гору с верёвкой на ноге, тянущейся от самого низа (вес такой верёвки должен был бы быть под тонну). Но в народной легенде только так и бывает – геометрия пространства подгоняется под повествовательный кураж, а не наоборот.

Точно так же, арифметика магических чисел даёт нам следующий результат вычислений. Сколько бы ни было реально посланных на гору путешественников, в легенде их обязательно будет три. Аналогично, именно три судна мы видим на старте путешествия (если бы экспедиция была большая, то их сразу стало бы «семь», а никак не шесть и не восемь).

Промежуточный итог. При переходе от второго к третьему слою в рассказе о «плавании Моислава» появились нереальные пространственные масштабы и недостоверные числа.

2. Искажения «второго слоя» (рассказ очевидцев происшествия).

Итак. Люди ушли в плавание с Моиславом и некоторые из них назад не вернулись. В таких случаях по возвращении всегда предстоят трудные объяснения.

Мы не можем знать реальных обстоятельств гибели спутников Моислава. Однако рассказ о якобы умильном и добровольном уходе их прямо в «Рай» – наводит на некоторые смутные подозрения. А именно, что реальные обстоятельства гибели были таковы, что выжившие товарищи посчитали целесообразным эти обстоятельства несколько, мягко говоря, романтизировать – в приближении пятьсот семьдесят третьего рассвета.

Реальность обычно проста. Посланные на берег в разведку скрылись за горой – и не вернулись. Что могло с ними произойти? Да что угодно. Попали под лавину, задрал медведь, резко испортилась погода и они заблудились. А посланные на их поиски никого не нашли, и при спуске назад один из них упал и расшибся о камни насмерть.

Промежуточный итог. При переходе от первого ко второму слою в рассказе о «плавании Моислава» бытовая гибель товарищей превратилась в идиллическую картину буквального ухода их в «мир иной».

1. Искажения первого слоя (самого события).

Увлёкшись исследованием «слоёв», надо не забывать о том, что в подобных конструкциях самому исходному событию вообще не обязано было иметь место. Для возникновения легенды требуется только потребность в легенде.

Однако в данном конкретном случае событие, похоже, всё-таки было. На это указывает наличие в рассказе ссылки на ещё живых родственников предполагаемых участников предполагаемого события («А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добри-здорови»).

Во всяком случае, будь у автора какие-то сомнения по поводу подлинности события, он имел возможность прояснить ситуацию из вторых по крайней мере рук (что не так уж и плохо). И, наоборот, если бы автор шёл на сознательное измышление факта, ссылаться на родственников свидетелей было бы не в его интересах.

Промежуточный итог. Я не вижу достаточных оснований сомневаться в том, что само «плавание Моислава» в том или ином виде имело место.

Датировка

В 1347 году был записан рассказ о «плавании Моислава», само же плавание произошло несколько раньше. При определении его даты следует отталкиваться от того, что к 1347 году сам Моислав и его сын Яков (бывший с ним в плавании) успели уже умереть, но другие дети Моислава были ещё «живы-здоровы».

Василий Калика стал архиепископом Новгородским в 1330 году. С этого момента в его прямые пастырские обязанности входило лично разбираться во всех значимых «чудесах» на подведомственной территории. Случай же обнаружения «земного Рая» – это не просто чудо, это Мега чудо. А потому, если бы имелась хоть малейшая физическая возможность встретиться с Моиславом или Яковом, Василий просто обязан был бы это сделать. Однако очевидно, что он так и не был знаком ни с Моиславом, ни с Яковом. Это говорит со всей определённой о том, что и к 1330 году их уже не было в живых.

А потому дату «плавания Моислава» следует отнести где-нибудь к началу 1320-х годов. Это очень примерная точка, но лучших ориентиров у нас, к сожалению, нет.

Локализация

Вопрос о местонахождении горы, к которой буря прибила «юмы» Моислава, является как самым интересным, так и самым малоосвещённым в рассказе. Ни явных, ни косвенных, ни географических, ни климатических указаний на место происшествие в тексте нет. Его вы видели сами.

И тем не менее кое-какие соображения на эту тему у меня имеются.

Речь в рассказе идёт о «новгородцах» и о «море», так что оттолкнёмся от этого. Из списка кандидатов сразу следует исключить моря Чёрное и Каспийское. Ещё лет за сто до этого новгородские суда там вполне могли оказаться, будут они там ходить и сто лет спустя. Однако как раз в интересующий нас период данные направления для новгородских купцов и промышленников были полностью заказаны. Золотая Орда находилась в самом своём зените; в дополнение к этому генуэзские колонии жёстко и бескомпромиссно монополизировали всё черноморское судоходство. Как следствие, в XIII и начале XIV веков в южном направлении полностью пресеклась не только новгородская деловая активность, но даже и паломничества на Святую Землю (которые регулярно, хотя и не часто, совершались в течение всего XI и XII веков).

Таким образом в рассмотрении остаются три моря – Балтийское, Белое и Баренцево. В рассказе о «плавании Моислава», однако, со всей определённой говорится об очень высокой («великой») прибрежной горе. А мы знаем, что берега и Балтийского и Белого морей низменны. Так что методом исключения мы приходим к тому, что «плавание Моислава» технически могло проходить единственно в акватории Баренцева моря.

При выборе конкретного берега, к которому буря могла принести «юмы» Моислава, имеются, однако, варианты. Высокие («великие») горы на Баренцевом море встают прямо из воды а) у побережья Норвегии, б) на Шпицбергене и в) у Северного острова Новой Земли.

Если исходить единственно из текста рассказа, то все три названные варианта следует признать равновероятными. Однако мы располагаем некоторыми дополнительными, хотя и опосредованными, указаниями.

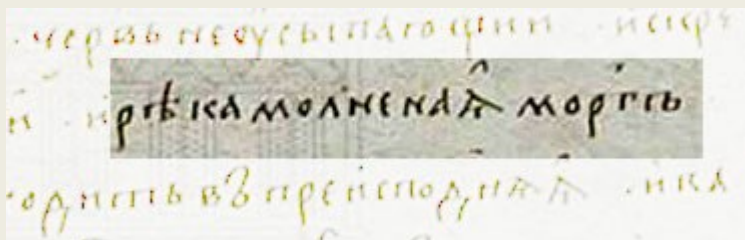
Вспомним само сочинение, в которое в виде вставки попал рассказ о «плавании Моислава». Это – «Послание архиепископа Новгородского Василя...», целиком посвящённое обоснованию тезиса о существовании «земного Рая». Рассказ же о «плавании Моислава» – лишь один из приведённых там аргументов в защиту тезиса.

Берега, которые мы рассматриваем в качестве возможных мест «плавания Моислава», располагаются по сторонам света следующим образом – а) на Западе (берег Норвегии), б) на Севере (Шпицберген) и в) на Востоке (Новая Земля).

И тут важно следующее. Согласно пониманию мироустройства автором «Послания», Рай может находиться где угодно, но только не на Западе. По простой причине – на Западе находится Ад. Об этом Василий Калика со всей определённо-стью и с полным знанием дела сообщает своему адресату, епископу Фёдору Доброму.

А муки – и ныне суть на запади. Много детей моих новгородцев видоки тому – на дышючем море: червь неусыпающий, и скрежет зубный, и река молненная Морг. И что вода входит в преисподняя и какы [по смыслу – «паки»] исходить 3-жды днем. И та вся места мучимая не погибоша.

(«Список Оболенского», л. 364)

[Илл. 17-06-01-1. «Софийская первая летопись», «Список Оболенского». РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. II, док. 3, л. 364. «Послание Василя», «река молненная Морг».]

Итак, на Западе находится Ад. Причём даже понятно, о каком именно месте «на запади» Василий Калика говорит. Достаточно вспомнить «Записки о Московии» Герберштейна, где он описывает Баренцево море у мыса Святой Нос, что лежит на западе от выхода из Белого моря.

Они прибыли к одному мысу, который называется Святым Носом (Sanctus Nasus). Святой Нос – это огромная скала, выдающаяся в море, наподобие носа. Под этой скалой видна полная водоворотов пещера, которая каждые шесть часов то всасывает море, то с большим шумом возвращает пучину, извергая ее обратно. Одни называют это пупом моря, а другие – Харибдой.

(Сигизмунд Герберштейн, «Записки о Московии», запись 1517, первая публикация 1549. «Государев толмач» Григорий Истома, с чьих слов записан эпизод, плывал у Святого Носа ориентировочно в 1496 году)

Это полностью согласуется с достаточно единодушным мнением специалистов по древнерусской лексике, что «дышущее море» (поминаемое и в «Послании...» Василия, и в «Слове о погибели Русской земли», и в «Задонщине») в русских летописях без вариантов означало Белое-Баренцево моря.

Разумеется, Василий не волен был приказать буре, в какую сторону ей нести «юмы» Моислава. Но он был волен в отборе примеров для своего «Послания». И если бы допускалась хоть малейшая возможность того, что обнаруженная Моиславом земля располагается к западу от устья Белого моря, то эта земля просто не была бы упомянута в «Послании», поскольку ни при каких обстоятельствах не могла бы быть признана «Раем».

Итак, вариант «Норвежского берега» определённо отпадает.

Между оставшимися двумя вариантами (Шпицберген и Новая Земля) выбор не столь очевиден. Но с некоторым всё-таки перевесом в пользу Новой Земли. Приведу три соображения.

1. Течения. В горловине Белого моря и прилегающих участках Баренцева моря течения очень сложные. При этом существует высокая вероятность попасть здесь в то ответвление Гольфстрима, которое понесёт судно прямо к Новой Земле, конкретно к южным берегам Северного острова (то есть – прямо к подножью горы Митюшев Камень). Этим воспользовался, в частности, Виллем Баренц в первом своём плавании.

2. Сияние. Основным признаком, по которому Моислав и его спутники поняли, что они попали в какое-то не простое место, было особое освещение. Свет был «самосиянен» и «многочастный» – при том, что путешественники «солнца не видели».

Прилагательное «многочастный», не типичное для русской лексики, является точной калькой с греческого «полимерис», что значит – «многосоставной», «дробный». Что применительно к свету можно понимать либо как «разноцветный» либо «мерцающий».

Обе эти характеристики как нельзя лучше подходят для описания такого феномена, как Полярное Сияние. С которым, учитывая широтность, очевидно и столкнулся Моислав.

Но есть здесь одна проблема. Полярное Сияние – сияние относительно слабое и на светлом небе его не видно. А на севере, как известно, летом стоит Полярный день. Зимой же Сияние отлично видно, однако Баренцево море перестаёт быть судоходным. Возникает вопрос – существует ли такой сезон, когда у берегов Шпицбергена и Новой Земли сияние уже может быть видно, а плавание – всё ещё возможно?

Так вот. Первые наступления так называемых «навигационных сумерек» (то есть уже достаточно плотной темноты) на широте самых южных гор Шпицбергена

начинают наблюдаться только с десятых чисел сентября, а у самой южной из прибрежных гор Новой Земли (горы Митюшёв Камень) – уже с конца августа. Общее правило таково – чем южнее находится точка, тем раньше по сезону там может быть на небе различимо Полярное Сияние.

В Арктике ни весны, ни осени не бывает. Лето начинается в конце июня и заканчивается в двадцатых числах августа. Дальше сразу обрушивается зима.

В любом случае «окно возможностей» будет шире у более южной точки – там, где на побережье Новой Земли возвышается гора Митюшёв Камень.

С начала осени <...> в ясные погоды завсегда блистают над Новою Землею огнеобразные сполохи (северное сияние), смущающие ужасом незнающих людей.

(Василий Крестинин, «Географическое известие о Новой Земле Полуночного Края». «Новые Ежемесячные Сочинения», т. 31, с. 29, СПб, 1789)

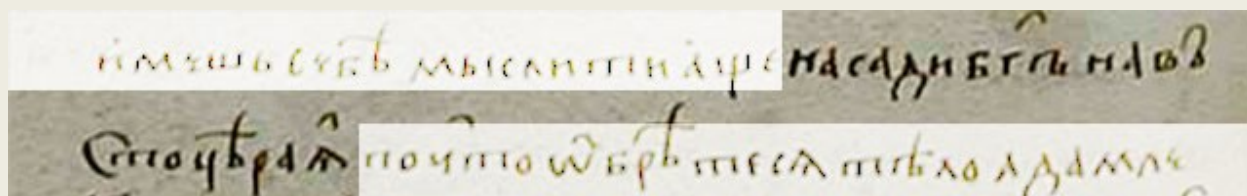
...Маточкин шар, куда мы вошли ночью на 4 сентября [1875, н. ст.] во время великолепного северного сияния, виденного нами в первый раз во время нашего путешествия.

(Адольф Норденшёльд, «Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов», СПб., 1880, с. 59-60)

3. Канон. Те же представления о мироустройстве, которые предписывают Аду быть на Западе, предписывают Раю быть на Востоке. Автор «Послания» это знает, это помнит и об этом многократно в «Послании» пишет. Например,

Или, брат, имешь себе мыслити аще насади Бог на Востоце рай

(«Список Оболенского», л. 364 об.)

[Илл. 17-06-02-1. Там же, л. 364 об. «Насади Бог на востоце рая».]

Или:

И ты, брате Федоре, о сем словеси не смущайся, рай на Востоце не погибл

(Несколько завершающих строк «Послания» Василия, включая вышеприведённую цитату, в «списке Оболенского» отсутствуют; привожу её

по «Новгородской третьей летописи», СПб, 1879, издание Археографической комиссии, с. 230)

Данная геометрическая традиция была настолько устойчивой, что оставалась вполне живой практически вплоть до настоящего времени:

...это место, где не умолкают птицы, ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех – может, он и был – там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен.

(Венедикт Ерофеев, «Москва – Петушки», Реутово-Никольское. Речь здесь идёт о Петушках, символизирующих «рай земной» и расположенных именно на востоке от Москвы – символизирующей, в свою очередь, «ад».)

В любом случае, из «Послания» Василия очевидно, что расположение «земного Рая» на Востоке для автора является само собой разумеющимся. И было бы крайне странным, если бы приводимый им тут же пример «реального» обнаружения «земного Рая» не соответствовал бы этим представлениям. А потому «восточный» вариант в любом случае приоритетней «северного».

Итак, методом исключения мы получили, что наиболее вероятным местом, где Моислав с товарищами увидел в 1320 году «великую гору» в «свете самосиянном и многочастном», является Новая Земля, предположительно гора Митюшёв Камень.

Смысл

Смысл текста зависит от способа его прочтения. Буквальное прочтение (после реконструкции «первого слоя») даёт смысл бытовой – «Просто рассказ об одном эпизоде одного морского плавания».

Два судна новгородцев (некто Моислав, его сын Яков и другие) были принесены бурей к неизвестной земле, где прямо из моря поднималась высокая гора. Над горой они видели необычное небесное явление (свечение). При попытке подъёма на гору несколько людей пропали и как минимум один погиб при обратном спуске. Оставшиеся в живых спешно уплыли от этого берега и благополучно вернулись домой.

Символическое прочтение («четвёртый слой»), расцвеченное «самосиянным и многочастным» лучом алмаза «Китаб ал-джамахир» Абу-Рейхана, рождает другой смысл, былинный – «Рай земной находится за великой горой, высящейся над морем. Там сияет неземной свет и слышатся ликующие голоса. Все, кто видят этот Рай, умирают.»

Что в свою очередь полностью сводится к уже известной нам формуле Достоевского: «Красота Небесная влечёт смерть Земную».

Эквивалентность символических смыслов истории «плавания Моислава» (записанной в 1347) и истории о «видении Града Небесного на горе Митюшён Камень» (записанной в 1873) очевидна.

Есть у этой истории, однако, ещё третье прочтение, дающее возможность говорить о смысле эсхатологическом, бытийном – «Человек, наставляющий других в следовании неким правилам и растолковывающий им высшие материи, оказывается неспособен следовать своим же собственным правилам и понять смысл простого послания, напрямую его касающегося и лежащего у него прямо под носом.»

Архиепископ Василий в ходе написания текста о некоем неопределённом явлении, известном ему только с чужих слов, генерирует в своём сознании (а потом сам же созерцает и описывает) умозрительную картину «небесной красоты», выстроенную по подобию реальных зрительных образов, ранее виденных им в жизни, конкретно – в Мирожском монастыре. Эти «реальные зрительные образы» суть ничто иное, как стенная роспись с сюжетом «Деисус на лазоревом фоне», явившаяся в свою очередь результатом воссоздания некими художниками на сырой штукатурке умозрительной картины «небесной красоты», сгенерированной их сознанием по подобию реальных зрительных образов, которые сами суть ничто иное, как виды очередных фресок в их родном Константинополе.

Пока всё нормально. Это, собственно, и называется «культурная традиция». Представления базируются не на реальности, а на изображениях предыдущих представлений, которые, в свою очередь... и так далее.

Но вернёмся в 1347 год. В этом году Василий, держа в уме конкретную фреску «Деисуса», работает над описанием редкого случая – случая обнаружения его земляками «земного Рая». В горном пейзаже преддверия Рая в описании Василия появляется уже знакомый нам «Деисус» из Мирожского монастыря. А сам Рай,

находящийся за горой и испускающий свет, характеризуется тем, что никто, кто хоть раз на него взглянет, не возвращается назад живым.

Пять лет спустя, в 1352 году архиепископ Василий снова оказывается около тех самых фресок Мирожского «Деисуса». И через несколько дней скорпостижно умирает.

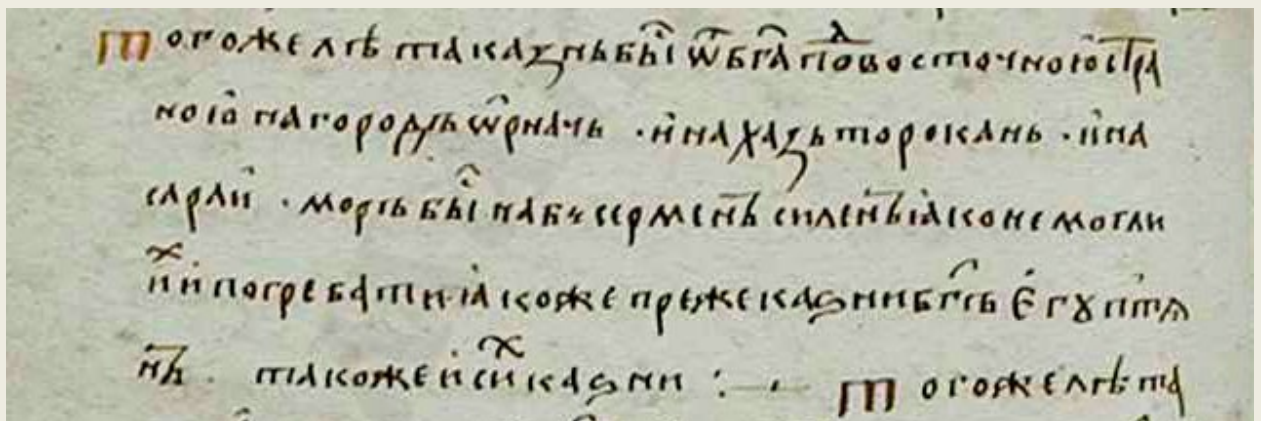
Основной пафос «Послания» Василия состоит в призыве к внимательному чтению текстов. Неумение (или нежелание) просто прочитать написанное – вот причина всех роковых заблуждений (в частности, заблуждения епископа Тверского относительно Рая). Читайте внимательно книги, там всё написано.

Добавить мне к этому нечего, всё именно так и есть. И тем не менее, сам Василий, записывая свои пламенные и справедливые слова о важности чтения, не смог правильно прочитать слова, написанные чёрным по белому (а реально – железисто-коричневым по светло-кремовому) как будто специально для него, совсем рядом с его «Посланием», всего двумя листами ранее.

А а смысл этих слов был тот, что Смерть Василия уже спустилась на эту Землю и идёт к нему.

Того же лета [в 1346] казнь была от Бога под восточную страну на город Орначь, и на Хазьторокань, и на Сарай. Мор был на бесермен силен яко не могли их и погребати, якоже преже казни Бог египтян, также и сих казни.

(«Список Оболенского», л. 359 об., запись за 1346 год)

[Илл. 17-07-01-1. Там же, л. 359 об. «Мор был на бесермен».]

В приведённых выше строках слегка проступает чувство удовлетворённой справедливости от возмездия, настигшего «неверных» за все их прегрешения. География упоминаемых поселений соответствует Прикаспийским и, возможно, Приазовским степям.

Однако, ни автор приведённой исторической записи, ни фактический её адресат (архиепископ Василий) не смогли разглядеть в этом рутинном, по тем временам, сообщении первую весть о приближении к Европе пандемии «чёрной смерти» (чумы), которая станет одной из самых смертоносных за всю историю человечества.

В Новгород «чёрная смерть» не торопилась. Огромное её колесо покатилося по часовой стрелке по югу, западу и северу Европы, начав свой путь в Причерноморье. Хроника такова. 1346 – Крым, Босфор, Константинополь; 1347 – Афины, Мальта, Корсика, Марсель; 1348 – Рим, Флоренция, Валенсия, Авиньон, Лондон; 1349 – Вена, Любек.

От этой пандемии погибла четвертая часть населения Европы, что привело к глобальному изменению всего. К стенам Пскова «черная смерть» подошла летом 1352 года.

Архиепископ Василий немедленно отправился в Псков на помощь своей пастве, заразился и через несколько дней разделил её судьбу.

Тело почитаемого иерарха было привезено в Новгород. Отпевание, проходившее в Софийском соборе перед великолепным деисусным чином, собрало весь город. Присутствовавшие на этой скорбной службе, полной величественной красоты, практически все вскоре умрут. Пандемия, выкосив Новгород, покатилась к Москве.

Когда же Василий Калика писал своё «Послание» о Рае, эпидемия чумы уже подбиралась к Флоренции. А пять лет спустя, в тот год, когда «чёрная смерть» настигла самого Василия, Бокаччо закончил свой «Декамерон», начатый во время эпидемии и сюжетно основанный именно на ней.

Пусть же все судят и рядят о моей книге, как им угодно; я же <...> умолкаю. А вам, очаровательные дамы, дай бог жить в мире, и если чтение моей книги принесло вам хоть малую пользу, то вспоминайте обо мне.

Личный мотив

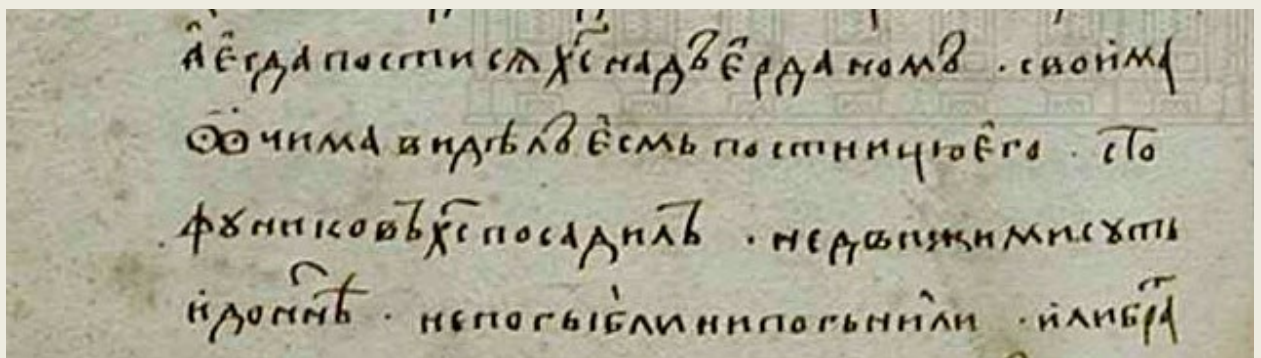
Выше я говорил, что начиная с нашествия Батыя и до самого «плавания Моислава» новгородские паломничества в Святую Землю полностью пресеклись. Это так.

Но потом, после более чем векового перерыва, они мало-помалу возобновились. И первым известным случаем такого возобновления стало – вы не поверите – паломничество в Иерусалим странника божьего Григория Калики. Да-да, того самого – будущего архиепископа Новгородского Василия.

Об этом путешествии известно, впрочем, только со слов самого Василия Калики, всё из того же «Послания...». Где он, говоря о месте искушения Христа «над Иорданом» (гора Каранталь), между делом сообщает, что самолично видел данное место.

А егда постися Христос над Ерданом – своима очима видел есмь постницу Его – сто фиников Христос посадил, недвижими суть и донине.

(«Список Оболенского», л. 364 об.)

[Илл. 17-06-02-2. Там же, л. 364 об. «Своима очима видел есмь постницу Его».]

Вот так, ни больше ни меньше. Других прямых свидетельств путешествия Василия Калики науке, впрочем, не известно.

Но в качестве косвенного свидетельства этого путешествия выступают аж целых два текста («Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда»), предположительно созданных на основе некоего анонимного «Хождения» (не сохранившегося) – как раз и приписываемого Василию.

Если путешествие Василия действительно имело место, то с наибольшей вероятностью оно должно было состояться в начале 1320-х годов (поскольку именно так с уверенностью датируются события анонимного – несохранившегося – «Хождения»).

И тогда в нашем деле открываются новые обстоятельства. А именно – ещё один «лазарь чудный», связанный с изображением Иисуса.

До сих пор мы говорили в этом контексте только об алтарной фреске из Мирожского монастыря в Пскове, сыгравшей роковую роль в жизни архиепископа Василия

Калики. И вот теперь выясняется, что было в его жизни ещё одно знаковое изображение Иисуса. Иерусалимское.

Не имеет значения, сколько раз ты видел ту или иную картину. Важно, какими глазами ты на неё смотрел.

Все христианские паломники, добравшиеся до Иерусалима, оказываются в храме Гроба Господня. А оказавшись в этом храме, предстают (в указанной ниже последовательности) перед 1. Камнем Миропомзания, 2. самим Гробом Господним, 3. Голгофой и 4. Местом Обретения Креста.

И вот там-то, всего лишь в каком-нибудь метре от места Обретения Креста Господня, слева на стене пещеры, по сырой штукатурке был писан Иисус и два других персонажа, обращающихся к нему с молением. И писано это было не чем-нибудь, а именно «лазарем чудным». Не видеть этого Василий не мог.

Он знал, что видит эту картину в первый и последний раз в жизни. Такие образы запечатлеваются навсегда.

[Илл. 17-08-01-1. Фреска с изображением Иисуса из грота Обретения Креста Господня в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Фото автора]

Но это был совсем другой Иисус, нежели в Пскове. Не «пантократорный», а «мужескорбейный».

А разница в том, что в первом случае вы обращаетесь со своими просьбами к Царю Царей, попирающему ногой Рай Земной и Рай Небесный, а во втором случае – к человеку, обеими ногами уже стоящему в могиле. Такая вот разница.

И теперь становится понятно, почему много лет спустя, при изложении истории «плавания Моислава», начавшейся с обретения Земного Рая, а окончившейся смертью участников, Василий Калика выберет в качестве главного символа образ именно «Деисуса», писанного небесным цветом («caesius») – цветом двух самых ярких эмиссионных линий «цезия-137», соответствующих длинам волн в 4555 и 4593 ангстрем. Образ, в котором именно для него, Василия Калики, в силу особенности личного опыта, совместились обе темы «плавания Моислава» – тема торжества обретения Рая (Мирожский Деисус) и тема смерти и скорби (Иисус Иерусалимский).

Questa isoletta

Итак, на дворе стоит 1320-й год. Моислав находит «земной Рай» на горе Митюшёв Камень.

И в этом же году, по случайному совпадению, Василий Калика видит своими глазами Иерусалим земной, а сердцем – Иерусалим горный («Град Небесный»), и становится апологетом «земного Рая» (а через него – и виденного Моиславом острова).

Но существует ещё и третий человек, который в том же самом году оказывается плотно вовлечён в тему обретения Рая, расположенного на далёком острове. Зовут его Данте Алигьери.

Как раз во время «путешествия Моислава» и путешествия Василия он заканчивает свою «Комедию» – именно ту её часть, что посвящена Раю. Закончив книгу в 1321 году, Данте умирает.

Своеё описание «земного Рая» Данте поместил, однако, не в разделе «Рай», а в разделе «Чистилище». О «земном Рае» из его текста можно узнать следующее.

«Земной Рай» находится, как и положено, на Востоке, однако в Южном полушарии – строго зеркально (относительно центра земного шара) Иерусалиму.

Эта точка располагается в открытом океане (на тот момент ещё не-открытом). Ближайшая к ней хоть сколько-то известная земля (и то в полутора тысячах километров) – остров Бора-Бора во Французской Полинезии.

Остальные параметры Рая Данте совпадают с теми, что приведены в тексте «путешествия Моислава».

Посмотрите, как всё это выглядит у Данте в оригинале. Вместо классического (и совершенно невозможного в чтении) перевода Михаила Лозинского, рискну предложить перевод самый простой, прозаический:

«Земной Рай» у Данте – это остров...

«Questa isoletta intorno ad imo ad imo,
là giù colà dove la batte l'onda»

Этот островок кругом-кругом окружают
бьющие внизу волны

(Чист. 1,100-101)

... с которого никто из прибывших не возвращается назад...

«Venimmo poi in sul lito deserto,
che mai non vide navicar sue acque
omo, che di tornar sia poscia esperto.»

Затем мы вышли на пустынный берег,
 воды у которого никогда не видели прибывшего сюда
 человека, который после вернулся бы назад.

(Чист. 1, 130-132)

... и где прямо из воды поднимается очень высокая...

«e diedi 'l viso mio incontr' al poggio
 che 'nverso 'l ciel più alto si dislaga.»

Я «возвёл свои очи» на гору,
 которая возносилась до самых небес.

(Чист. 3, 14-15)

...и очень крутая гора.

«Noi divenimmo intanto a piè del monte;
 quivi trovammo la roccia sì erta,
 che 'ndarno vi sarien le gambe pronte.»

Между тем мы подошли к горе,
 чьи склоны были столь круты,
 что тщетно [самые сильные] ноги пытались бы [их осилить].

(Чист. 3, 46-48)

«Lo sommo er' alto che vincea la vista,
 e la costa superba più assai
 che da mezzo quadrante a centro lista.»

Вершина была настолько высока, что взгляда не хватало [достичь её]
 и склон [букв. «берег»] был более [крутой]
 чем половина квадранта [т.е. значительно круче сорока пяти градусов].

(Чист. 4, 40-42)

Однако верхняя часть горы – практически плоская. Там, собственно, и расположен
 «земной Рай» (а не на склонах).

«sanza più aspettar, lasciai la riva,
 prendendo la campagna lento lento»

Больше не медля, я покинул верхнюю кромку обрыва,
 пустившись [далее] по пологому-пологому уклону.

(Чист. 28, 4-5)

У Моислава о форме вершины ничего не сказано, но мы-то с вами знаем, что
 вершина горы Митюшёв Камень (крутой, высокой и выступающей прямо из моря)
 действительно плоская.

На горе у Данте слышатся звуки ликования...

«e 'l dolce suon per canti era già inteso.»

сладостный звук, напоминающий пение, был уже различим.

(Чист. 29, 36)

...и видится необычный сильный свет...

«tal che di balenar mi mise in forse.

Ma perché 'l balenar, come vien, resta,
e quel, durando, più e più splendeva,
nel mio pensier dicea: “Che cosa è questa?”»

я решил было, что это молния.
Но поскольку сияние, возникнув, не исчезало,
а продолжало и продолжало сиять,
я мысленно спросил себя: «Что бы это могло быть?»

(Чист. 29, 18-21)

«Di sopra fiammeggiava il bello arnese
più chiaro assai che luna per sereno
di mezza notte nel suo mezzo mese.»

Над ними сияло прекрасное нечто,
что было ярче, чем луна в ясную
полночь во время полнолуния.

(Чист. 29, 52-54)

...переливающийся и многокомпонентный.

«...e vidi le fiammelle andar davante,
lasciando dietro a sé l'aere dipinto,
e di tratti pennelli avean sembiante;

sì che lì sopra rimanea distinto
di sette liste, tutte in quei colori
onde fa l'arco il Sole e Delia il cinto.»

...и я видел движущееся пламя,
оставляющее за собой в воздухе след
в виде мазков кисти [такой красоты] какую только можно себе предста-
вить.

Так, что вверху тянулись явственные
 семь полос, каждая своего цвета,
 наподобие радуги или «пояса Дианы» [лунного гало].

(Чист. 29, 73-79)

А теперь соберём всё вместе.

«Земной Рай» у Данте – это остров (1, 100), откуда никто не возвращается назад (1, 130) и где прямо из воды (3, 14) поднимается очень высокая (3, 46) и очень крутая гора (4, 40), верхняя часть которой практически плоская (28, 4). На горе слышатся звуки ликования (29, 36) и видится необычный свет (29, 52), переливающийся («многочастный») и многокомпонентный (29, 73).

Ничего не напоминает?

Кое-что ещё

Но в «Божественной комедии» есть кое-что ещё. Данте сообщает нам название острова, на котором расположен «земной Рай».

В переводе Михаила Лозинского интересующие нас строки переданы в общем верно, а в целом ошибочно. Поэтому обратимся к оригиналу «Божественной комедии». К тому её фрагменту, где герой во время своего путешествия по Аду слушает рассказ находящегося там Одиссея о его последних земных днях.

Согласно рассказу Одиссея, в последнем своём плавании он вышел из Средиземного моря через Гибралтарский пролив, после чего плыл на юго-запад пять месяцев в южном полушарии в открытом океане («per l'alto mare aperto»). И в тот момент, когда он впервые за пять месяцев увидел поднимающуюся из воды гору, налетел вихрь («un turbo») и отправил корабль ко дну, а его команду (включая Одиссея) в мир иной (Ад 26, 90-142).

Представления Данте об устройстве Земли известны. Автор «Божественной комедии» понимал нашу планету как сферу, в северной части которой сконцентрирована вся имеющаяся суша. Эту Евразию со всех сторон омывает океан, который покрывает собой сплошь всю остальную часть земной поверхности. И в этом безжизненном океане Данте своей волей размещает один-единственный остров с Чистилищем и «земным Раем». Находится эта точка в южной части современного Тихого океана.

Зная всё это, нетрудно вычислить где именно море поглотило Одиссея. Речь идёт о точке, находящейся в прямой видимости того самого острова, на котором находится «земной Рай». Я не делаю этим никакого открытия – все специалисты по Данте, комментировавшие данные строки, уверенно сходятся в такой гео-локации.

Теперь прочитаем сам текст. Итак, перед Одиссеем в море по курсу показалась:

[...] una montagna, bruna
per la distanza, e parvemi alta tanto
quanto veduta non avea alcuna.

[...] гора, тёмно-коричневая
от расстояния, показавшаяся мне столь высокой,
каких я не видел раньше никогда.

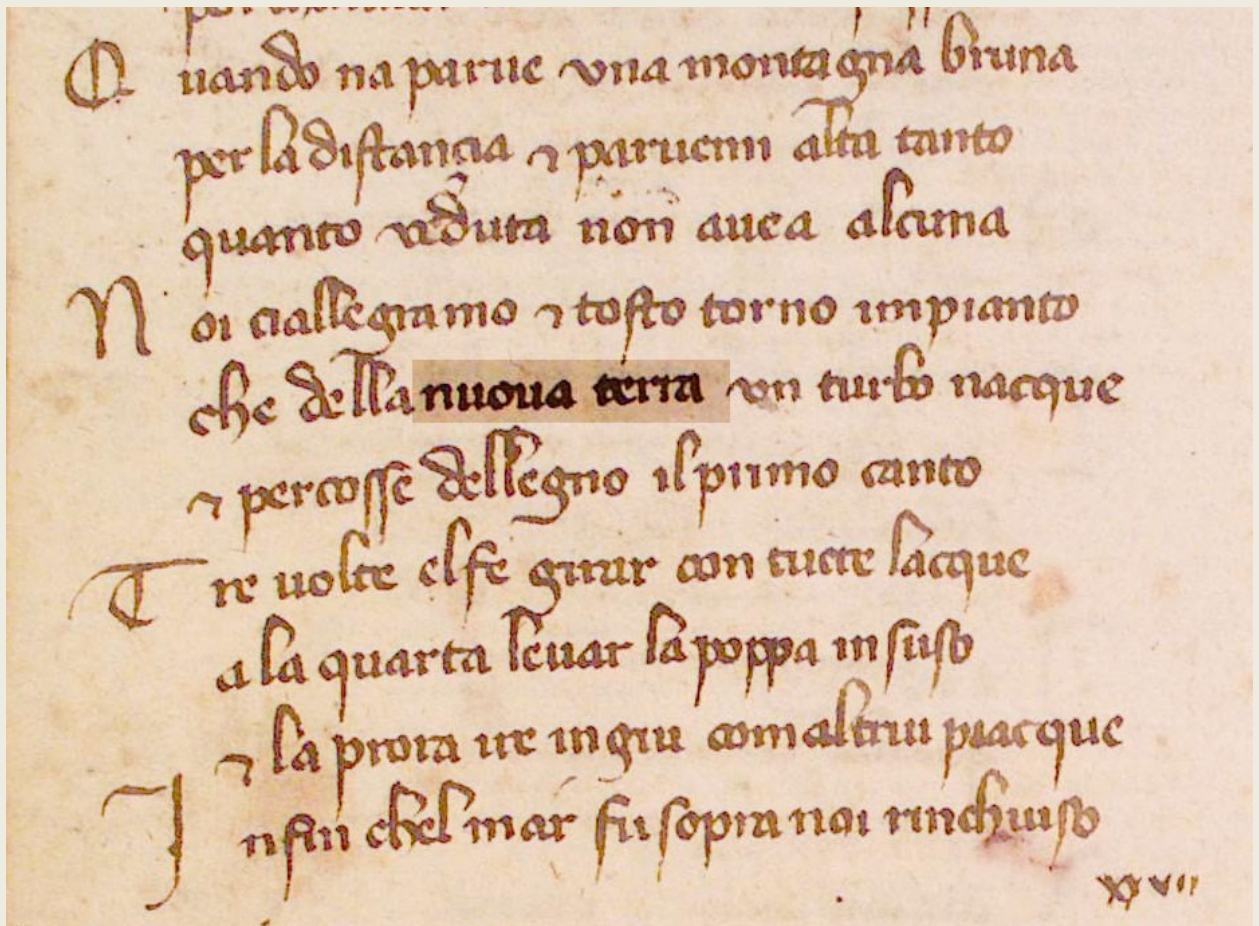
(Ад 26, 133-134)

А дальше идут следующие слова (выделение моё):

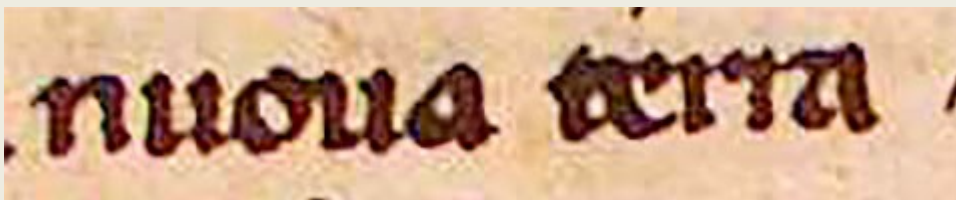
...de la **nova terra** un turbo nacque,
e percosse...

...со стороны **Новой Земли** налетел вихрь
и ударил...

(Ад 26, 137-138)

[Илл. 17-10-01-1. Ранняя рукопись «Божественной комедии», Biblioteca Nazionale Centrale, Флоренция. Fondo Nazionale II.I.36; (Magl. VII 1032; Strozzii 1281), переписчик Giovanni Ciatini da Certaldo, XIV век, л. 29v. Ад 26, 133-138.]

[Илл. 17-10-01-2. Там же. Фрагмент. «Nuoua Terra».]

Название острова следует в переводе давать именно с большой буквы, поскольку в оригинале стоит определённый артикль («la»).

Два корабля

Итак, Новая Земля.

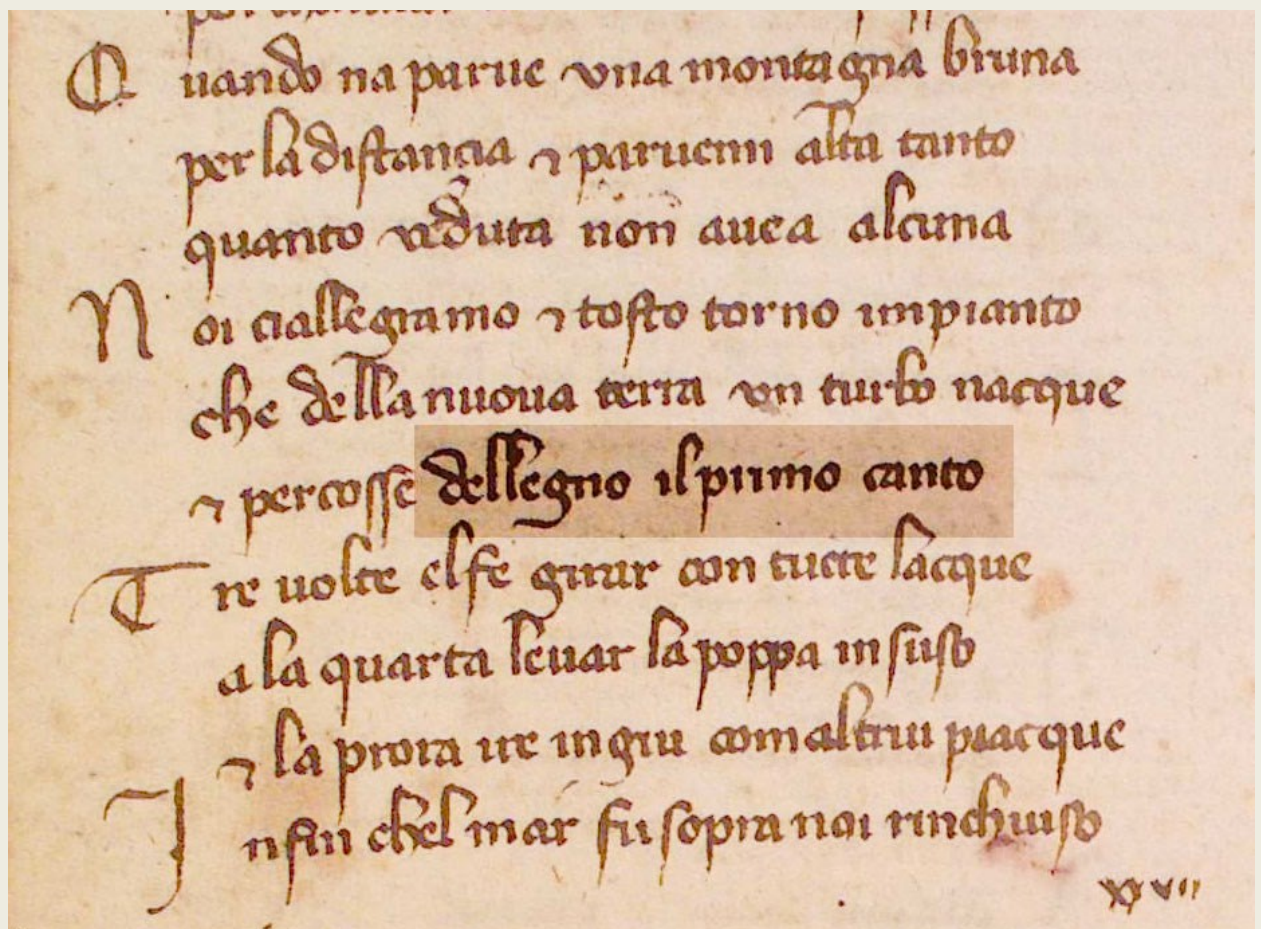
И появляется она посреди безжизненного океана именно в той точке поэмы, что является не только критически важной для Одиссея, но и ключевой для понимания всей «Комедии». Этот момент как-то выпал из поля зрения специалистов, так что остановлюсь на нём чуть подробнее.

Я не зря в последней цитате привёл из всей второй строки (138-й по тексту) только первое её слово («percosse»). Чтобы правильно понять остальную часть этой строки, нужно сделать определённое усилие и отказаться от некоторых предубеждений. Полностью эта строка выглядит так:

..... un turbo nacque,
e percosse del legno il primo canto.

... вихрь налетел,
и ударил «del legno il primo canto».

(Ад 26, 138)

[Илл. 17-10-01-3. Там же. Фрагмент. «...del legno il primo canto».]

То, во что ударил вихрь – вещь, мягко говоря, неоднозначная. В тексте она обозначена последовательностью слов («del legno il primo canto»), каждое из которых в отдельности лишено смысла в контексте описываемого происшествия.

Традиционно данную последовательность слов переводят, как «нос корабля» – что сюжетно представляется вроде бы оправданным («вихрь ударил в нос корабля»). При этом слово «legno» («древесина») трактуют, как «корабль» (в уничижительном смысле: «посудина», «дрова»), с чем можно, пожалуй, согласиться.

С трактовкой же «primo canto», как «нос» согласиться сложнее. Для начала, это словосочетание в данном значении не замечено больше нигде в «Божественной комедии». А также и вообще больше нигде.

То, что оно не было в ходу в значении «нос корабля» у современников Данте, следует из одного уже того, что первые же комментаторы «Комедии» посчитали необходимым это выражение растолковывать читателям. Смотрите сами (заодно освежите свою латынь):

- 1327, Гвидо Пизанский (один из самых первых известных комментаторов Данте):

«qui turbo cum magno impetu primam partem navis Ulixis, idest proram, rotando percussit»

- 1350, Кассинеский кодекс:

«Il primo canto – proram. Del legno il primo (chiose sincrone) – alibi est. Del legno primo el canto – et tunc percussit primo cantum, idest costam, lengni, idest navis»

- 1359, Пьетро Алигьери (сын и комментатор поэта):

«et quomodo inde turbo ventus quidam expiravit qui percussit lignum eorum primo in canto, idest in costa»

- 1375, Бенвенуто да Имола:

«e percosse il primo canto del legno, scilicet proram navis»

И так далее и так далее.

Как мы видим, комментаторы-современники все как один исходили из того, что данное выражение в значении «нос корабля» читателям не знакомо.

Скажу больше. Выражение «primo canto» никак не связывалось с «носом корабля» не только в сознании современников, но по-видимому и в сознании самого Данте. По крайней мере, когда в другом месте «Комедии» ему нужно было дать описание колесницы, то он ничтоже сумляшеся использовал выражение «il primo legno» (Чист. 32, 24), не узнав в нём свой же собственный (якобы «морской») термин.

Подведём промежуточный итог. Выражение «primo canto» с самого начала воспринималось современниками в данном контексте, как «тёмное». Традиция его толкования как «нос корабля» пошла с комментария Гвидо Пизанского (1327) и

затем механически воспроизводилась последующими комментаторами за неимением лучшей версии.

Поплыли дальше. Строго говоря, сама конструкция «del legno il primo canto» является грамматически некорректной – вне зависимости от значений входящих в неё слов. Понятно, что Великая хартия поэтической вольности дарует поэтам право использовать порядок слов, запрещённый простым смертным. Из-за чего, кстати, простым смертным при чтении стихов зачастую приходится вначале восстанавливать в уме человеческий порядок слов в предложении, и только затем пытаться вникнуть в смысл послания. Поступим так и мы.

У данного набора слов есть два грамматически допустимых варианта их взаимного расположения. Первый – это «il canto primo del legno», что означало бы тот самый «нос корабля» (ну допустим). Второй вариант – «il legno del canto primo». Что означает буквально «корабль из первой песни». А это вообще что такое?

А это то такое, что и написано буковами: «Корабль-из-Первой-Песни». «Canto primo» означает «Первая Песня», если кто не знал. Причём это – единственное общепотребимое значение данного словосочетания. И в контексте поэмы это понятие является более чем конкретным.

«Божественная комедия» разбита на главы, которые называются Песнями («Canto»). Нумерация в книге используется не сквозная, поэтому каждая из трёх её частей («Ад», «Чистилище» и «Рай») начинается со своей собственной Первой Песни («Canto Primo»). Таким образом в книге имеются три Первые Песни.

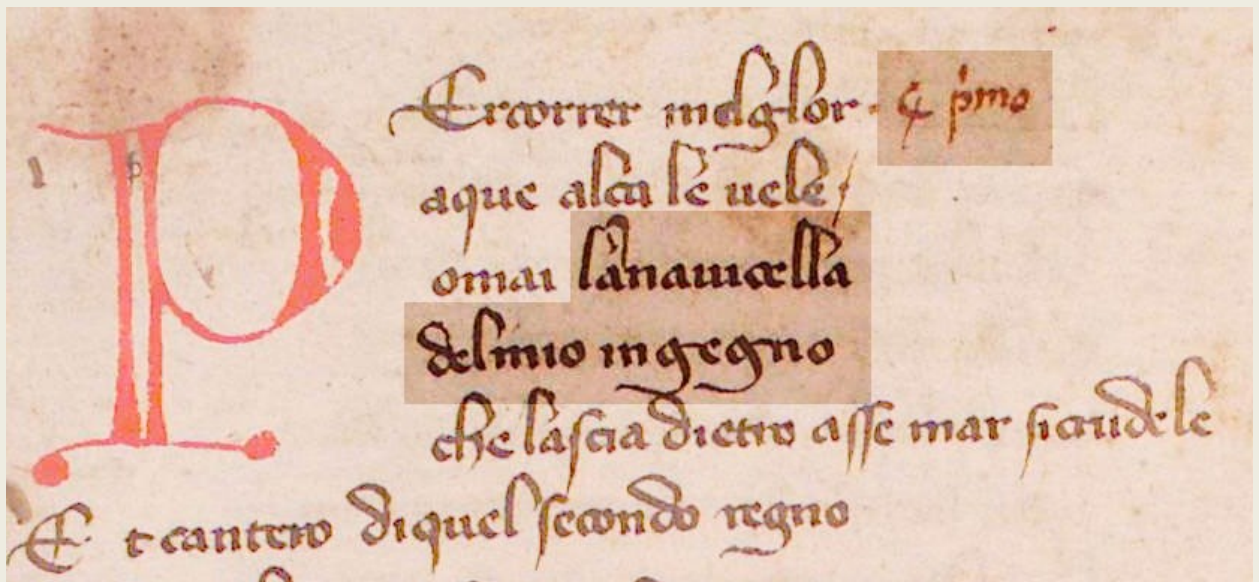
Но речь в данном случае идёт о вполне определённой главе – Первой Песне «Чистилища». Во первых, она находится ближе всех к эпизоду с Одиссеем (чисто по расположению в тексте). Во вторых, именно в ней (и только в ней) речь идёт о том же самом географическом месте, что и в рассказе Одиссея – острове, на котором расположен «земной Рай». А самое главное – только в этой «Первой Песне» присутствует Корабль. Но зато какой!

... la navicella del mio ingegno.

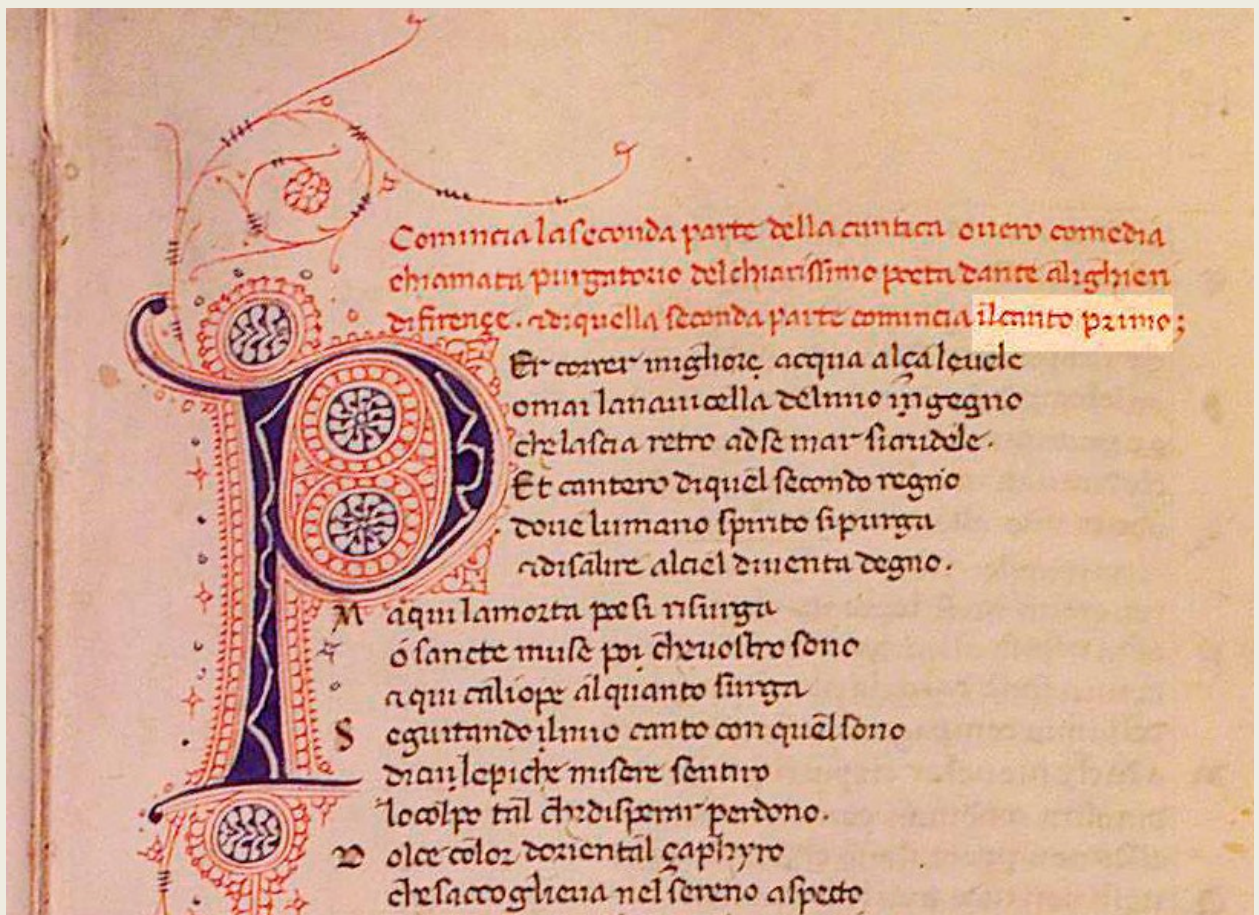
(Чист. 1, 2)

Даже переводить не буду. «Корабль Моей Гениальности». Да уж.

Терцина с этими словами открывает Первую Песню «Чистилища». В ней Данте, покидая Ад, поднимает паруса над «кораблём своей гениальности» и беспрепятственно вливается на нём сначала в «Чистилище» и затем и в «земной Рай». Вот что такое «корабль из Первой Песни»!

[Илл. 17-11-01-1. Там же, л. 38r. Чист. 1, 1-3, «la navicella del mio ingegno», «C. primo».]

[Илл. 17-11-02-1. Рукопись «Божественной комедии», выполненная рукой Джованни Бокаччо. Biblioteca Riccardiana, Флоренция. Riccardiano 1035; (O.II.17), XIV век, л. 59r. Чист. 1, 1-3, «il primo canto».]

Итак, Одиссей, рассказывая Вергилию об обстоятельствах своей гибели, называет свой корабль «кораблём из Первой Песни», то есть – «кораблём гениальности Данте». Звучит на первый взгляд немного странно. Понять точный и безжалостный смысл этой фразы нам поможет следующая подсказка: Данте в поэме по всем признакам отождествляет себя именно с Одиссеем, это в каком-то смысле одно и то же лицо.

Достаточно взглянуть на биографию автора «Божественной комедии», чтобы всё стало понятно. В деятельном возрасте поэт вынужден в силу неодолимых обстоятельств покинуть свою Итаку (Флоренцию), и всю оставшуюся жизнь пытается в неё вернуться. В тот самый момент, когда он оказывается как никогда близок к этому (1310), судьба (ветер Эола) снова отбрасывает его далеко назад. Процесс возвращения оборачивается бесконечной чередой странствий. Под конец он находит приют у Алкиноя (Гвидо да Полента). Эпилог истории тот же. Данте методично и беспощадно расправляется (на бумаге) со своими земляками-обидчиками («Ад»), после чего воссоединяется (на бумаге же) со своей Пенелопой («Рай»). Всё это лежит на поверхности.

На глубинном же уровне всё ещё прозрачней. Данте, как реальный поэт, по самой своей сути – Одиссей. Ведь поэт это не тот, кто владеет навыком писания в рифму, поэт – это человек особой внутренней судьбы. Которая вся без остатка состоит в отчаянном движении, вопреки законам природы, к априорно недостижимой цели. В движении вперёд, в результате которого он постоянно оказывается отброшенным далеко назад.

Теперь конкретно по тексту. «Божественная комедия» – это классическая «road роем», поэма-странствие. И не случайно в качестве главного действующего лица (кроме самого героя) Данте выбирает Вергилия, автора «Энеиды» – латинского варианта «Одиссеи» («Еней був парубок моторний, и хлопець хоть куды козак»). Многие в «Комедии» становятся на свои места, если принять тождественность Данте и Одиссея.

Напомню обстоятельства, предшествовавшие рассказу Одиссея о собственной гибели (Ад 26). Данте в сопровождении Вергилия заглядывает в Восьмую щель Восьмого круга Ада. Там в глубине он видит неясные блуждающие огоньки («lucicchiole giù per la valle», «как светлячки в долине», Ад 26, 29). Понять что это такое из-за большого расстояния невозможно, поэтому Вергилий (обладающий априорным знанием) вынужден пояснить Данте, что эти маленькие «огоньки» – грешники, которые окружены сферами сжигающего их огня. Тут происходит первая малопонятная вещь. Данте, который только что не мог из-за расстояния разобрать, что это вообще за «огоньки», вдруг каким-то необъяснимым образом умудряется безошибочно распознать в одном из «огоньков» именно Одиссея.

Надо сказать, что к данному месту книги Данте уже перевстречал в Аду неисчислимое количество самых экзотических и именитых персонажей, и со множеством из них он успел наговориться от души. Так что к тому времени острота восприятия у него уже должна была сильно притупиться. И вот, несмотря на всю его «коммуникационную усталость», как только появляется крохотный шанс поговорить именно с Одиссеем, так Данте в этот шанс вцепляется мёртвой хваткой. Он не просто просит Вергилия организовать эту встречу, он с совершенно необъяснимой горячностью «просит, умоляет, закликает тысячу раз» («maestro, assai ten priego e

ripriego, che il priego vaglia mille», Ад 26, 65-66). Это, пожалуй, самая отчаянная просьба Данте к Вергилию за всю поэму. С чего бы это вдруг?

Дальше – больше. Вергилий сразу всё прекрасно понимает, но что именно он понимает – нам так и не говорят. Как бы там ни было, Вергилий соглашается организовать данную встречу. Но при одном не очень понятном условии: Данте должен во время всей этой встречи строго молчать («la tua lingua si sostegna», Ад 26, 72), спрашивать будет только Вергилий. После чего он подзывает огненный шар с Одиссеем и целенаправленно допрашивает последнего – причём исключительно на предмет обстоятельств его смерти.

Тут на первый взгляд странно всё. Если не вспомнить, что Одиссей и Данте являются в книге одним и тем же лицом. Вот тогда всё становится логично. Данте-поэт не в состоянии различить мелкие «огоньки», но он не может не знать, в котором из них находится он сам – Данте-Одиссей. Более чем понятно его необоримое желание узнать у самого себя (прошлого) обстоятельства своей смерти (будущей). Вергилий не может помешать встрече – но при этом и не может допустить, чтобы Данте допрашивал сам себя – это была бы уже полная шизофрения. Поэтому он и обязывает Данте молчать – слушать свой внутренний голос пока ещё не запрещено.

Итак, Одиссей – это и есть Данте, – о чём и без меня хорошо знал, к примеру, Борхес («Dante fue Ulises...», «Данте сам и был Улиссом». Эссе «Последнее путешествие Улисса»).

Соответственно, одиссеевский «il legno del canto primo» – это в самом прямом смысле «Корабль Гениальности Данте». И именно этот «корабль» в 26-й Песне «Ада» идёт ко дну.

Что этим автор хотел сказать? Да собственно то, что и сказал. Если тут требуются пояснения, то я поясню – только закончим сперва с формальностями.

Так вот, означает ли всё вышесказанное, что толкование «canto primo», как «нос корабля», попросту неверно? Не совсем. Правильнее будет сказать, что оно неверно в качестве главного смыслообразующего толкования. Но при большом желании слова «первая песня» можно интерпретировать, как «передняя конструкция», а от неё уже не так далеко и до «носа корабля». Но это примерно то же, как если выражение «последние хитросплетения» переводить как «бакштов» (кормовой канат), или «железное правило» переводить как «румпель» (металлический рычаг управления рулём).

Разумно-взвешенной здесь будет следующая позиция. В 26-й песне «Ада» Одиссей (он же Данте) говорит именно о гибели своего таланта, но автор вкладывает в уста героя такие для этого слова, какие хоть и с натяжкой, но могут быть одновременно истолкованы, как и сообщение об обычном кораблекрушении. Это и есть высшее мастерство. Ну, да.

Остаётся обсудить мелкие технические детали. Например, как Одиссей мог у Данте сослаться на Первую Песню «Чистилища», если к тому моменту она не была ещё написана? Как раз в этом я не вижу большой проблемы. Каждый поэт знает (хотя не каждый скажет), что длинная поэма никогда не пишется строго последовательно. В ходе работы неизбежно возникают строки, которые опережают собы-

тия. И очень часто именно такие фрагменты, вылежавшись как следует, становятся активными «точками роста» будущих частей книги. Поэт может порой не иметь понятия, о чём будет следующая часть, но при этом точно знать какими словами она начнётся (или – какими закончится).

Первая терцина Первой Песни «Чистилища» по ряду признаков весьма напоминает как раз такую раннюю «заготовку». Обычное дело.

Гораздо интересней в данном примере попробовать отследить, как Данте накидывает кренделями канат Времени на кнехты сюжета. Одиссей-Данте в Настоящем (Ад, 26) рассказывает себе о себе же в Прошлом (до Ада), из глубины которого он умудряется цитировать Будущее (Чист. 1). Продвинувшись через некоторое время вперёд по шкале реального Времени (то есть приступив к работе над «Раем»), Данте-поэт в новой точке Настоящего созерцает с небес свой же собственный путь (Рай 27, 82), совершаемый им же (Данте-Одиссеем) в ещё более далёком Прошлом, чем вначале. А ведь это ещё крайне упрощённая схема, поскольку каждое из перечисленных времён протекает попеременно в трёх разных плоскостях, непринуждённо переходя из одной в другую – в «реальной» плоскости (жизнь поэта во время работы над книгой), «условной» плоскости (время действия в книге) и «гипер-условной» плоскости (вне «книжного» отрезка времени).

Вот теперь можно вернуться к отложенному вопросу – зачем всё это было нужно? Грубо говоря – какая нам разница, какой корабль пошёл у Одиссея ко дну – просто корабль или «корабль гениальности» автора?

А разница в том, что это кардинально меняет понимание смысла данного эпизода – а через него – всей поэмы. И смысл этот заключается в следующем послыле.

Реализовать своё жизненное предназначение напрямую, нахрапом, гению не дано (говорит нам Данте) – «корабль его гениальности» будет неизбежно потоплен в Тихом океане Судьбой-камикадзе (как у Данте-Одиссея). Единственно возможный путь к цели тяжёл, болезнен и скорбен, поскольку он пролегает через Ад (как у Данте-поэта). Но только тогда есть шанс, что «корабль его гениальности» сможет донести гения до его «Новой Земли». Красоте Небесной сопутствует смерть Земная.

Таково видение Данте, и именно на нём он выстраивает свою «Комедию». Насколько убедительно у него это получилось – пусть каждый решает для себя сам.

Я же хочу лишь акцентировать внимание на чисто инженерной стороне дела. Личию, проходящую через «Ад 26, 137-138» и «Чистилище 1,1-3», следует рассматривать, таким образом, как одну из главных осей книги. Эта ось продолжается и дальше – через «Чистилище» (19, 22-24) и «Рай» (27, 82-83), протыкая насквозь Восьмое небо.

У Данте всё выверено. Одиссей в Восьмом кругу Ада отражается в Одиссее на Восьмом небе Рая. «Il legno» («корабль» Одиссея) рифмуется с «ingegno» («гениальностью» Данте). Всё откликается во всём, согласованно вращаясь вокруг единой оси.

И ось эта проходит у Данте точно через «Новую Землю» (Ад 26, 137).

Итак

- Сколько фигурантов проходят по делу о предположительном обнаружении «земного Рая» Моиславом? Перечислите всех, с указанием роли каждого.

Всего по делу о предположительном обнаружении «земного Рая» проходят пятеро – четыре информационных «донора» и один «реципиент». А именно:

Данте Алигьери, автор синхронного описания Рая. 1321.

Моислав-новгородец, предположительно открыватель предположительного Рая на горе Митюшёв Камень. 1320 (предположительно).

Василий Калика, автор литературной обработки устной легенды о плавании Моислава. 1347.

Неустановленный «помор-рассказчик», автор устного рассказа об оптическом явлении неустановленной природы, имевшем место на горе Митюшёв Камень и приведшем к гибели свидетеля. 1870 (предположительно).

Фёдор Достоевский, пострадавший. 1873.

- Можно ли на основе полученных данных говорить о перенесении даты открытия Новой Земли с 1553 на 1320 год?

Нет, открывателем Новой Земли по-прежнему остаётся сэр Хью Уиллоуби, а датой – 1553 год.

Идентификация «великой горы» из «Послания Василия», как горы Митюшёв Камень, остаётся предположительной. Это лишь наиболее вероятная версия из всех известных.

Кроме того, сам по себе факт физического нахождения путешественников у подножия горы Митюшёв Камень ещё не делает данное событие географическим открытием. Моислав со спутниками так и не поняли, где они побывали, и сведения, сообщённые ими по возвращении, не привели ни к каким географическим последствиям.

- Почему в списке фигурантов отсутствует автор эссе «Неведомые пустыни» (Немирович-Данченко), но присутствует Достоевский?

Василий Немирович-Данченко в своём эссе передаёт рассказ «помора-рассказчика» в форме прямой речи. Таким образом его роль сводится лишь к факту распространения информации, но не её формированию.

Фёдор Достоевский – единственный, кто смог адекватно оценить произошедшее и сделать правильные выводы.

- Какое максимальное количество прямых взаимодействий теоретически возможно между пятью объектами?

Двадцать, с учётом направления взаимодействия («А» действует на «Б» и «Б» действует на «А» – считаются раздельно).

- Все ли из числа теоретически возможных взаимодействий между пятью фигурантами дела реально наличествуют?

Нет. Из 20 возможных выявлено 6 линий влияния, о существовании которых можно говорить с достаточной уверенностью. Как то:

«Моислав → Василий»,

«Василий → помор-рассказчик»,

«Помор-рассказчик → Достоевский»,

«Данте → Достоевский»,

«Василий → Достоевский»,

«Моислав → Достоевский».

- Не лучше ли было изобразить это графически?

Ни в коем случае. Схемы и графики, присутствующие в книге, воспринимаются издателями, как верный признак неадекватности автора, что не способствует возникновению обстоятельств, благоприятствующих развитию ситуации ко всеобщему дальнейшему расположению.

- Существовала ли у Достоевского и у «помора-рассказчика» техническая возможность ознакомиться с содержанием «Послания архиепископа Новгородского Василия»?

Да. К 1873 году «Послание...» было многократно опубликовано в составе разных сборников, например «Софийском временнике» Павла Строева (1820, Москва, с. 330-334) или в «Полном Собрании Русских Летописей», томе 7 (1859, СПб, с. 212-214). Не знать о «Послании...» образованному человеку было просто невозможно.

Что касается «помора-рассказчика», то он имел возможность узнать историю обнаружения «земного Рая» в процессе отправления религиозной практики от других участников процесса.

- Почему мы говорим о прямом воздействии Моислава на Достоевского – при том, что Достоевский мог узнать его историю только опосредованно (из «Послания...» Василия)?

Достоевский, как и любой крупный писатель, не мог не различать различные «слои» текста. Так что посыл «Послания...» неизбежно становился для него двойным – тем, что шёл от автора текста (Василия), и тем, что шёл от «информационного источника», то есть от самого Моислава.

- Исчерпываются ли каналы воздействия на Достоевского со стороны «агентов влияния» четырьмя вышеозначенными каналами?

Отнюдь. Поскольку при подсчёте к прямым каналам следует добавить каналы опосредованные. Например, Василий воздействует на Достоевского напрямую посредством текста своего «Послания...», а кроме того и опосредованно, воздействуя своим «Посланием» на «помора-рассказчика», который (помор-рассказчик) после этого воздействует собственным рассказом на Достоевского.

В результате, можно говорить о 15 каналах, по которым «агенты влияния» оказывали воздействие на Достоевского.

Прямые каналы: «Данте → Достоевский», «Моислав → Достоевский», «Василий → Достоевский», «помор-рассказчик → Достоевский», «дополнительный агент влияния → Достоевский».

Опосредованные каналы: «Моислав → Василий → Достоевский», «Василий → помор-рассказчик → Достоевский», «Моислав → Василий → помор-рассказчик → Достоевский», плюс 7 каналов типа «дополнительный агент влияния → <...> → Достоевский».

- Что такое «дополнительный агент влияния»?

Агент влияния, дополняющий имеющихся.

- Можете его назвать?

Да. В своё время.

- Возможен ли кумулятивный эффект действия пятнадцати перечисленных каналов?

Более чем.

- Какой?

История о том, как над одной и той же горой путешественникам периодически открывается Красота Небесная, которая губит всех, кто её видит – эта история обретает звучание закона природы.

- Когда?

Iterum. 1320 год (плавание Моислава, предположительно), 1321 год (завершение описания Рая Данте), 1347 год (первое письменное сообщение о плавании Моислава), 1873 год (сообщение о «видении Града Небесного» в журнале Достоевского «Гражданин»). Если я правильно понял вопрос.

- Where?

Что значит – «where»?

Неопознанные Картографические Объекты

Точнее было бы сказать «неидентифицированные», но двадцать букв подряд – это уж слишком. Пусть будут «неопознанные». Двенадцать, хорошее число.

А коли речь о «неопознанном», то всё нижесказанное по определению относится к области чисто гипотез. Насколько обоснованных – оценивайте сами, тут я не советчик.

Так вот, на некоторых древних картах имеются некоторые объекты, про которые непонятно – откуда составитель карты их взял, что он имел ввиду, что означает приведённое им название (если оно есть), и чему этот объект мог бы соответствовать в реальном (или хотя бы мифологическом) мире.

Но, с другой стороны – откуда-то он их взял, и что-то ввиду да имел?

В частности, на ряде средневековых карт у северных берегов Евразии устойчиво появляется некий остров. Который явно не Британия, не Исландия, не мифический Туле, и, видимо, не Гренландия. А тогда – что?

В те времена, к которым относятся рассматриваемые ниже карты, о Новой Земле напрямую никто ещё слыхом не слыхивал. Но при этом нельзя исключить возможность «отзвука отзвука отзвука». Смутное информационное эхо, дошедшее через десятки руки от неких северных народов. Теоретически, почему нет?

Тут лучше один раз увидеть. Тем более, что эти карты сами по себе невероятно красивы. Возможно, это и есть истинная причина, побудившая меня к написанию данной главы. Итак.

1. «Коттоновская» Карта Мира, 1050. Безымянный остров.

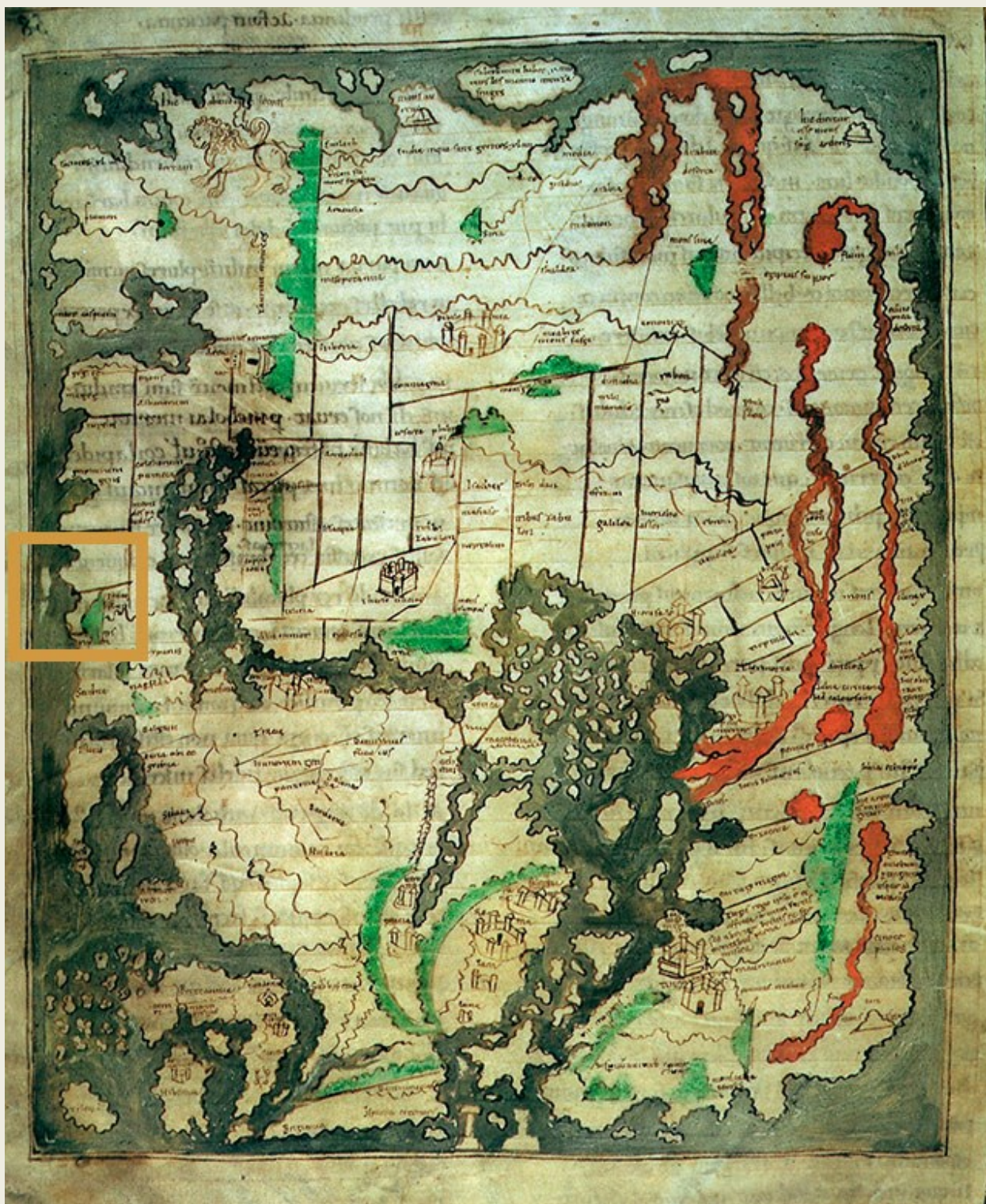
В исторической науке эта карта известна, как «Anglo-Saxon Cotton Mappa Mundi» из коллекции Роберта Коттона (Sir Robert Bruce Cotton), условная датировка 1025-1050 годы, изготовлена на юго-востоке Британии, в Кентербери.

Оригинал хранится в Британской Библиотеке и представляет собой лист в составе толстого пергаменного «кодекса» (Cotton MS Tiberius B.V., 56v). Знаменита тем, что содержит первое более-менее достоверное изображение Британии.

Но нам она интересна другим. У северных берегов Евразии в Ледовитом океане на ней обозначен безымянный остров. Он расположен восточнее Исландии, но западнее страны «Гога и Магога», примерно напротив условной «Скифии» («Scythia») и точно напротив Рифейских (Уральских) гор. Согласно карте, это – узкий и длинный остров, разделённый посередине проливом. Новая Земля?

В изображении данного объекта отразилась определённая его виртуальность. Поскольку это единственный на карте остров, контуры которого не обведены тёмной краской. Что даёт скептику возможность считать, что это вообще не «остров», а область карты, случайно оставленная незакрашенной. Смотрите сами.

Восток расположен сверху, север – слева.

[Илл. 17-13-01-1. «Комтоновская Мappa Mundi», 1050. Британская Библиотека, Cotton MS Tiberius B.V., 56v.]

[Илл. 17-13-01-2. Там же, фрагмент. Неизвестный остров.]

[Илл. 17-13-01-3. Там же. Неизвестный остров у берегов «Скифии» («Scithia»)].

2. Карта Аль-Идриси из «Книги короля Роджера», 1154. «Остров Женщин» («Джезира аль-Нуса»).

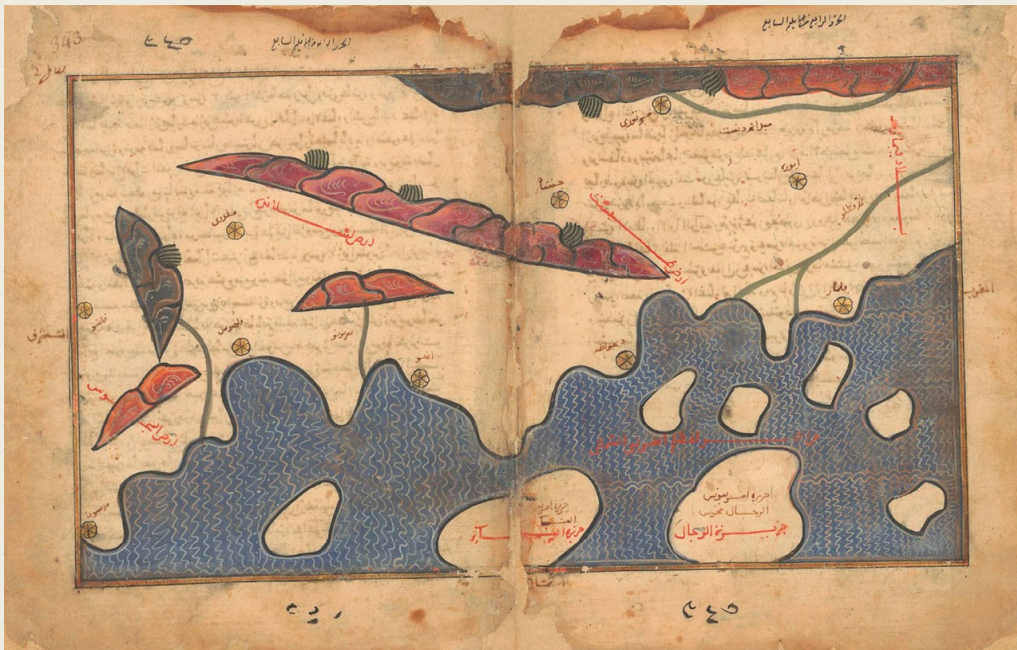
Составлена на Сиции в 1154 году арабским картографом и путешественником Мухаммадом аль-Идриси по заказу короля Роджера. Собственно, единой «карты мира» как таковой автор не делал, это род Атласа – набор листов с отдельными картами в составе большой текстовой книги под названием «Отрада Страстно Желającego Пересечь Мир» («Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак»). Это и есть так называемая «Книга короля Роджера». Современная реконструкция «карты мира» по отдельным листам этой книги выглядит так (север внизу):

[Илл. 17-13-02-1. Карта аль-Идриси 1154 года, современная реконструкция.]

И на этой карте, у северных берегов России («билад ар-русиа», внизу), в Ледовитом океане («бахр аль-музлим», «Море Мрака») лежат два острова: «Остров Мужчин» («джезира ар-Ригал») и, дальше, «остров Женщин» («джезира аль-Нуса»).

Самая старая сохранившаяся копия книги Идриси «Нузхат аль-муштак», датированная 1250-1325 годами, хранится в Национальной библиотеке Франции (шифр MS Arabe 2221). Фрагмент карты, содержащий «Остров Женщин», находится здесь на листах 342v и 343r:

[Илл. 17-13-04-1. Там же. Фрагмент с островом «Джезира аль-Нуса» в «Море мрака» (внизу, по центру)]

[Илл. 17-13-04-2. Там же. «Остров женщин».]

Нижняя надпись внутри контура острова (красные чернила) гласит – «джезира аль-Ниса» («Остров Женщин», читаем справа налево). Средняя надпись (железистые чернила) дублирует название острова – «аль-Ниса».

Конечно, в мифологической парадигме (где Дания примыкает к Исландии, Эстония находится на берегу Ледовитого океана, а Новгород – в Уральских горах), это может быть всё что угодно. Но в чисто геометрической – наиболее подходящий здесь вариант – это Новая Земля.

Дальше по карте Идриси в Ледовитом океане имеется только один безымянный остров (в случае Новой земли это был бы Вайгач). Чуть выше и правее «Острова Женщин», на фоне синих волн, значится надпись: «бахр аль-Музлим», «Море Мрака».

[Илл. 17-13-04-3. Там же. Надпись: «Море Мрака» («Бахр аль-Музлим»)].

Впрочем, в арабской мореходной школе не сложилось единства в понимании этого картографического объекта. 300 лет спустя, в 1475 году, во второй редакции своей гигантской навигационной поэмы «Книга Польз об основах и правилах морской науки», страстный поэт и беспристрастный мореход Ахмад ибн Маджид посчитал нужным заявить свою по этому вопросу позицию:

Что касается острова Джезира аль-Ниса, <...> то нет нужды говорить о нём, ибо рассказчики не видели его сами.

(Ибн Маджид, «Книга Польз...», Польза девятая)

Так полагал ибн Маджид, совершенно справедливо на мой взгляд не доверявший алгоритму, использованному для получения широты и долготы данного конкретно-го острова – той широты и долготы, что были начертаны золотыми буквами за 300 лет до аль-Идриси и согласно которым остров должен был, вопреки его карте, находиться чуть ли не в Финском заливе – что мы имеем отраду видеть в несравненных «картинах Земли» (¹⁹), которые кистью сердца написал для нас человек, давший имя всем алгоритмам мира.

3. «Херефордская Карта Мира», 1300. Остров «Примыкающая Земля» («*Insula Terraconta*»)

Самая большая из известных средневековая карта на пергамене, примерно полтора на полтора метра, датируется около 1300. Хранится в библиотеке кафедрального собора в Херефорде (Hereford), Англия.

На этой карте вдоль северного побережья Евразии помещено множество фантастических островов. Но именно в том же месте, что и на «Коттоновской карте», то есть напротив условной «Скифии» («*Scithan*»), и напротив условных же «Рифейских (Уральских) гор» (на карте – «*Biphay mont*», описка в первой букве) – именно в этом месте помещён остров с говорящим названием – «*Terraconta Insula*».

В слове «*conta*» хорошо прочитывается латинское «*contagio*» – «соприкосновение», «примыкание», «контакт». И всё вместе даёт что-то вроде «Примыкающая Земля». А если вспомнить, что единственный крупный остров на севере Евразии, который подходит близко к материку и является его очевидным продолжением – это Новая Земля, то концы начинают сходиться с концами.

Фантазия автора карты населила «Примыкающую Землю» диким народом «*turchi*» и «*gog et magog*», но это-то как раз в порядке вещей.

[Илл. 17-13-05-1. «Херефордская Карта Мира», 1300. Библиотека кафедрального собора Херефорда, Великобритания.]

[Илл. 17-13-05-2. Там же. Фрагмент. Надписи: «Scithan» (Скифы), «Biphar mont» (Рифейские горы), остров «Terrasonta».]

[Илл. 17-13-06-1. Там же. Современная копия (надписи более разборчивы).]

4. «Карта Валспергера», 1448. «Суровый остров» («*Insula Dycolzi*»)

Карта по нашим меркам довольно поздняя, зато точно датированная, 1448 год. Через сто лет Новую Землю уже откроют по-настоящему. Изготовлена Андреасом Валспергером (Andreas Walsperger) на юге Германии в городе Констанс (Konstanz). Оригинал хранится в Ватиканской Библиотеке (Biblioteca Apostolica Vaticana, Pal. lat. 1362. pt. B).

Здесь у нас вот что. В необитаемом Северном море-окияне («*mare oceanum septemtionale magnum inhabitabile*»), к востоку от Норвегии («*norwegie*»), к северу-востоку от Новгорода («*norgadia*»), напротив «Рифейских гор» («*riphei montes*») – находится некий остров «*Insula Dycolzi*». Название острова на первый взгляд не ассоциируется ни с одним латинским словом, однако при лёгком усилии в нём можно углядеть латинское «*dy(s)colus*» – «неласковый», «суровый».

Таким образом мы имеем здесь дело с «Суровым Островом» – достаточно точная описательная характеристика Новой Земли, если бы речь шла о ней.

[Илл. 17-13-07-1. Карта Андреаса Валспергера, 1448. Библиотека Ватикана, Pal. lat. 1362. pt. B.]

[Илл. 17-13-07-2. Там же. Фрагмент. Надписи: «norwegie» (Норвегия), «norgadia» (Новгород), «riphei montes» (Рифейские горы).]

[Илл. 17-13-07-3. Там же. Остров «Insula Dycolzi» (предположительно: «Суровый остров»)].

5. «Карта Мартеллуса», 1489.

Последняя до-Колумбовская карта мира, 1489 год. Создатель – Хенрикус Мартеллус (Hernicus Martellus Germanicus), картограф из Нюрнберга.

Принято считать, что благодаря именно этой карте, а конкретно – одной её существенной ошибке, Колумб окончательно утвердился в мысли о возможности достичь Индии западным путём – а когда он достиг-таки неких земель на западе, то из-за той же самой ошибки карты Мартеллуса он не смог правильно эти земли идентифицировать.

Не знаю, как это всё сходится по датам, но в принципе так быть могло. Согласно карте Мартеллуса, Евразия в широтном направлении простирается на восток гораздо дальше, чем на самом деле. И там, где Колумб уткнулся в некий берег – согласно этой карте как раз и должен был уже начинаться Китай.

Кроме подробнейше топонимированных берегов Африки, у карты Мартеллуса есть ещё один хит. Историки картографии полагают, что изображённая на этой карте длинная полоса суши на юго-востоке Евразии, простирающаяся на юг значительно ниже экватора (так называемый «драконий хвост»), представляет собой ничто иное, как Южную Америку, «приклеившуюся» к Азии. Откуда что взялось – никто понятия, понятно, не имеет. Но любопытно.

Из локальных изюминок: река Волга, известная средневековой картографии как «Rha», на карте Мартеллуса дополнительно обозначена как уже «Uolga». Пустячок, а приятно.

Карта Мартеллуса – рукописная, и существует она в нескольких различных исполнениях. Самый красивый вариант находится в составе рукописного же атласа «Иллюстрированный Островариум» («Insularium Illustratum», Британский музей, Additional MS, 15760, f. 68v-69r). Море здесь – небесная лазурь, а горы посыпаны золотыми блёстками. Реально золотыми.

И в верхней части этой карты, у северных берегов Евразии, изображён не то остров, не то полуостров, подозрительно напоминающий Новую Землю.

[Илл. 17-13-08-1. Карта Мартеллуса, 1489. BM, Add. MS, 15760, f. 68v-69r.]

[Илл. 17-13-08-2. Там же. Фрагмент. Предположительно Новая Земля.]

В пользу Новой Земли здесь говорят несколько вещей: а) характерная форма объекта (длинная и узкая), б) торцевое его примыкание к материковому берегу, в) отделённость от этого берега двумя проливами (или озером с двумя протоками), г) как раз в этом месте заканчиваются «Гиперборейские горы» (традиционно понимаемые, как Уральские), д) данный объект никак не может быть легендарным «мысом Табин» (Таймыр), поскольку последний на карте Мартеллуса размещён восточнее (в месте примыкания к берегу «mons Tabin»).

Да и азиатская гидрография карты Мартеллуса говорит в пользу версии «Новой Земли». Две огромные реки, чьи бассейны покрывают добрую половину площади Северной Азии, впадают в Ледовитый океан в непосредственной близости от нашего острова, к востоку от него. Причём их устья располагаются рядом друг с другом. Обь и Енисей?

Хотя на карте эти реки и обозначены, как «Ochardus» и «Bannsiy» («Эхарда» и «Баутизия» в русской традиции), эти названия – не более, чем дань античной географической мифологии – а вот конкретное расположение этих рек данную мифологию решительно подрывает. Так что, похоже, это всё-таки Обь и Енисей.

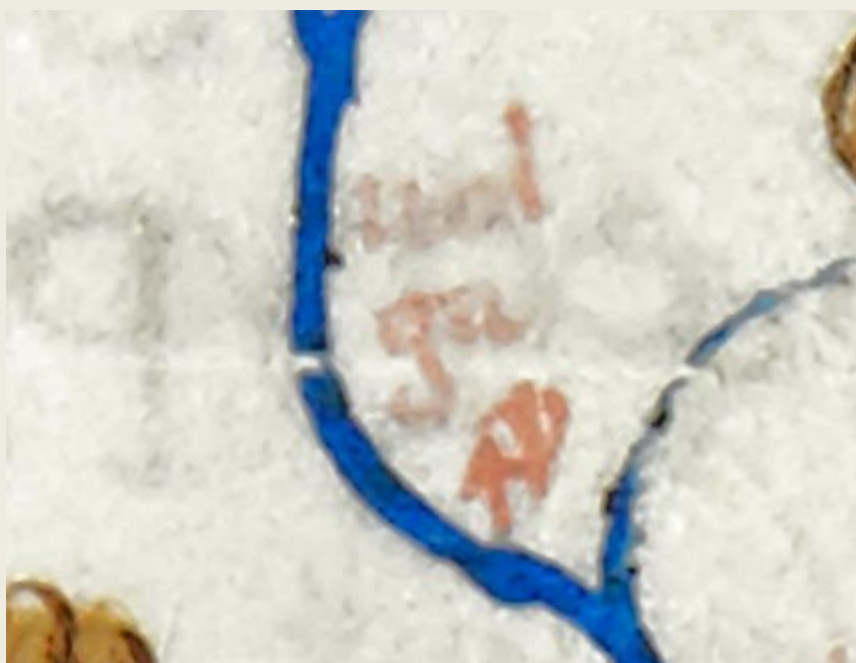

[Илл. 17-13-08-3. Там же. Фрагмент. «Hyperborei montes», «Гиперборейские горы».]

[Илл. 17-13-08-4. Там же. Фрагмент. Реки «Ochardus» и «Bannsiy», горы «mons Tabin».]

Уж заодно покажу и Волгу, раз упомянул.

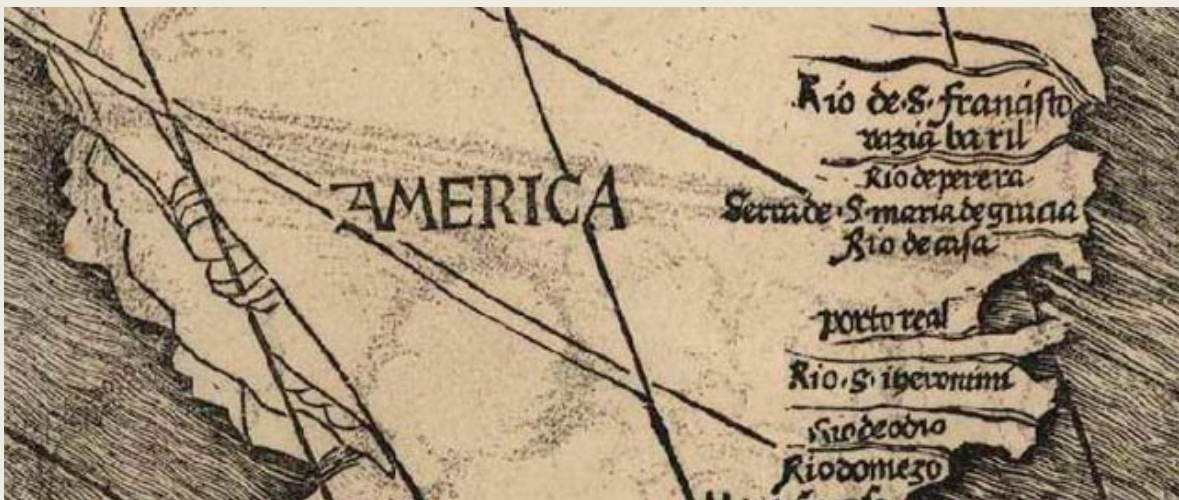
[Илл. 17-13-08-5. Там же. Фрагмент. Река «Uolga», Волга.]

На рассмотренном выше экземпляре карты Мартеллуса не так-то много топонимов в интересующей нас области. Однако, в библиотеке Йельского университета есть другой экземпляр этой карты, большого размера. К сожалению, он очень сильно потёрт, так что кроме общих контуров материков на нём мало что различимо. Но даже и так на «йельском» экземпляре видно, что в районе предполагаемой Новой Земли карта Мартеллуса имела много разных надписей.

Несмотря на все высокотехнологичные ухищрения, прочитывать эти надписи на «йельском» экземпляре пока не удалось. Но тут есть одна лазейка. Через 18 лет после Мартеллуса, в 1507 году другой немецкий картограф, Мартин Вальдзеемюллер (Waldseemüller), создал и напечатал (у нас уже эпоха печати) собственную карту на 12 больших листах, которая прославилась в первую очередь тем, что на ней впервые в картографии чёрным по белому написано слово «America».

[Илл. 17-13-09-1. Карта Вальдзеемюллера, 1507.]

[Илл. 17-13-09-2. Там же. Фрагмент. Первое употребление слова «America» на картах.]

Это Америка. А вот что касается северных берегов Евразии, то здесь Вальдзеемюллер судя по всему просто-напросто скопировал карту Мартеллуса – с её же (логично предположить) надписями. И надписей этих у Вальдзеемюллера имеется множество.

Большая их часть, впрочем, мало что даёт исследователю, поскольку представляет собой популярные цитаты из книги Марко Поло – тех её глав, что посвящены стране «Bargu», «Стране Темноты» или северу России. Так например, на берегу Ледовитого океана у Марко Поло люди выращивают виноград и зерновые («vino et blada»).

Но как минимум пара полезных надписей на карте Вальдзеемюллера есть. Одна из них даёт хорошую географическую привязку по северу России – город Новгород («nogardia»). И наша предположительная «Новая Земля» позиционируется относительно него очень правильно.

А вот ещё одна надпись у Вальдзеемюллера, привязанная к берегу Баренцева моря – ориентировочно между Каниным Носом и островом Вайгач – «здесь есть белые медведи» («hic sunt ursi albi»). Тоже из Марко Поло, но в данном случае эти слова абсолютно уместны.

[Илл. 17-13-09-3. Там же. Фрагмент. Город «Nogardia», Новгород.]

[Илл. 17-13-09-4. Там же. Фрагмент. «Hic sunt ursi albi», «здесь есть белые медведи».]

Ну и наконец – золото на «карте Мартеллуса», а то все уже исстрадались. Вот оно:

[Илл. 17-13-08-6. Карта Мартеллуса, 1489. Фрагмент. Золото.]

6. «Carta Marina» Олафа Магнуса», 1539. Морские монстры

Эта карта, составленная в Риме шведским каноником и изгнанником Олафом Магнусом (Olaus Magnus), и отпечатанная небольшим тиражом в 1539 году – эта карта Новой Земли не содержит. Но она доходчиво показывает, почему эту землю так долго не могли открыть. Ведь путь туда сопряжён с невероятными опасностями. Какими? Да вот, хотя бы (привожу по переизданию 1572):

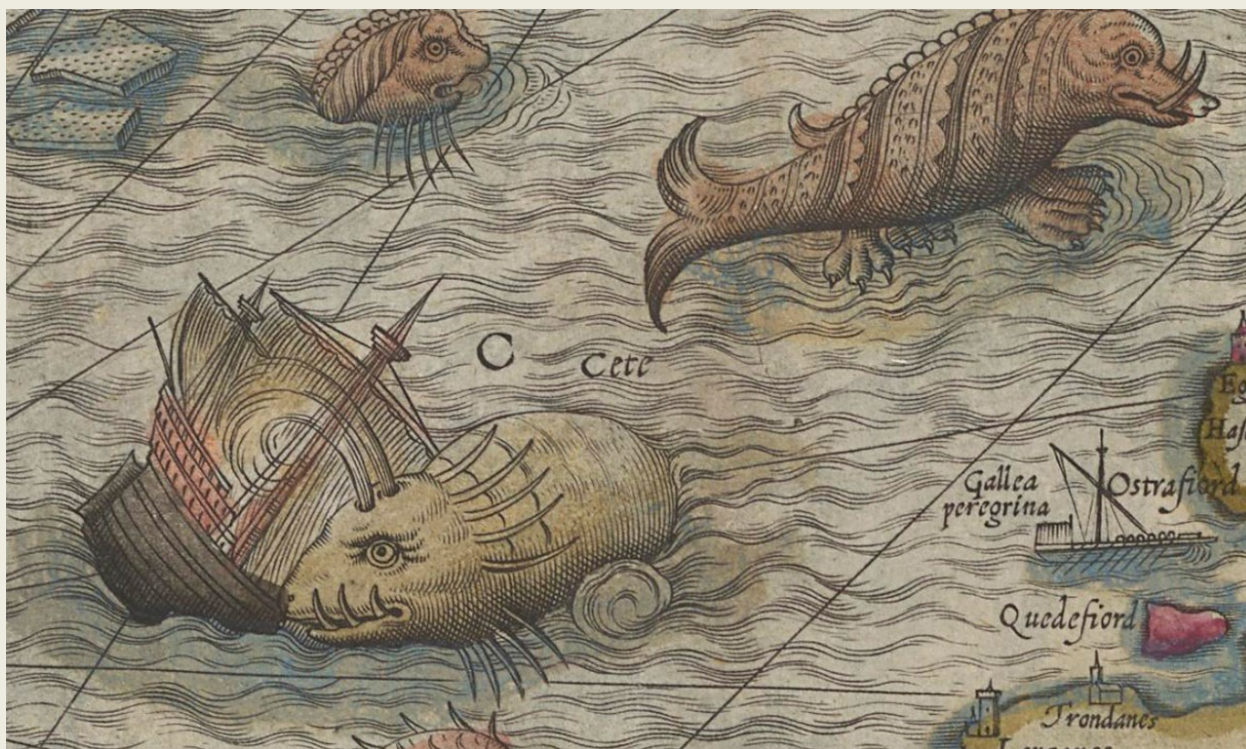
[Илл. 17-13-10-1. «Carta Marina» Олафа Магнуса», первое издание, 1539.]

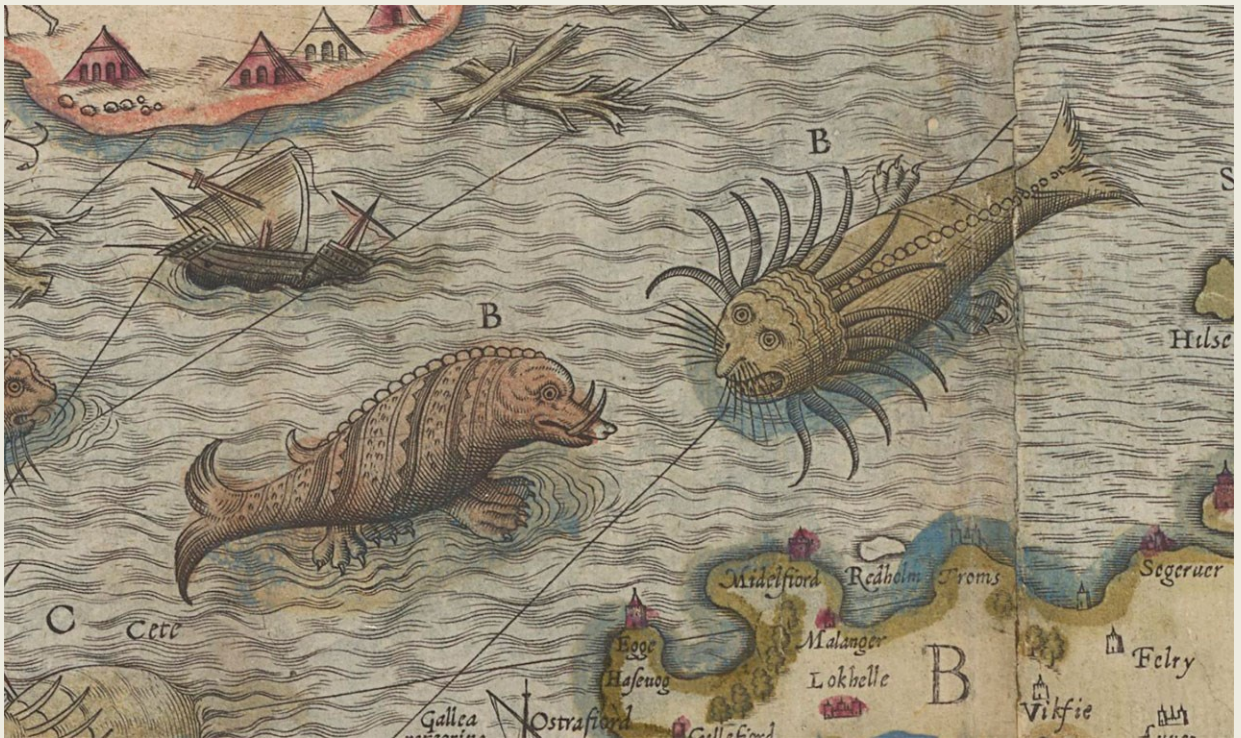
[Илл. 17-13-10-2. «Carta Marina» Олафа Магнуса», 2-е издание, 1572. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-3. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-4. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-5. Там же. Фрагмент.]

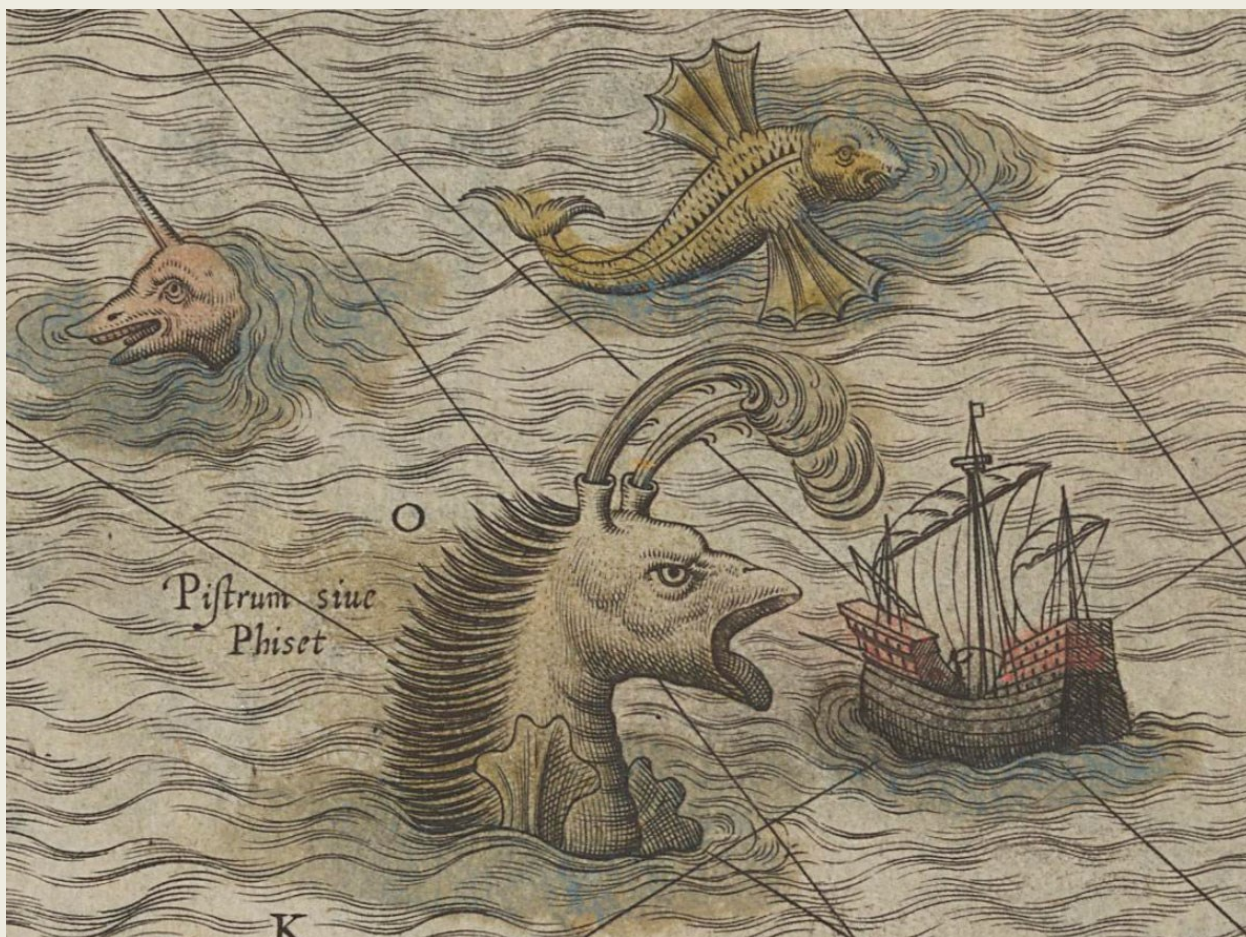
[Илл. 17-13-10-6. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-7. Там же. Фрагмент.]

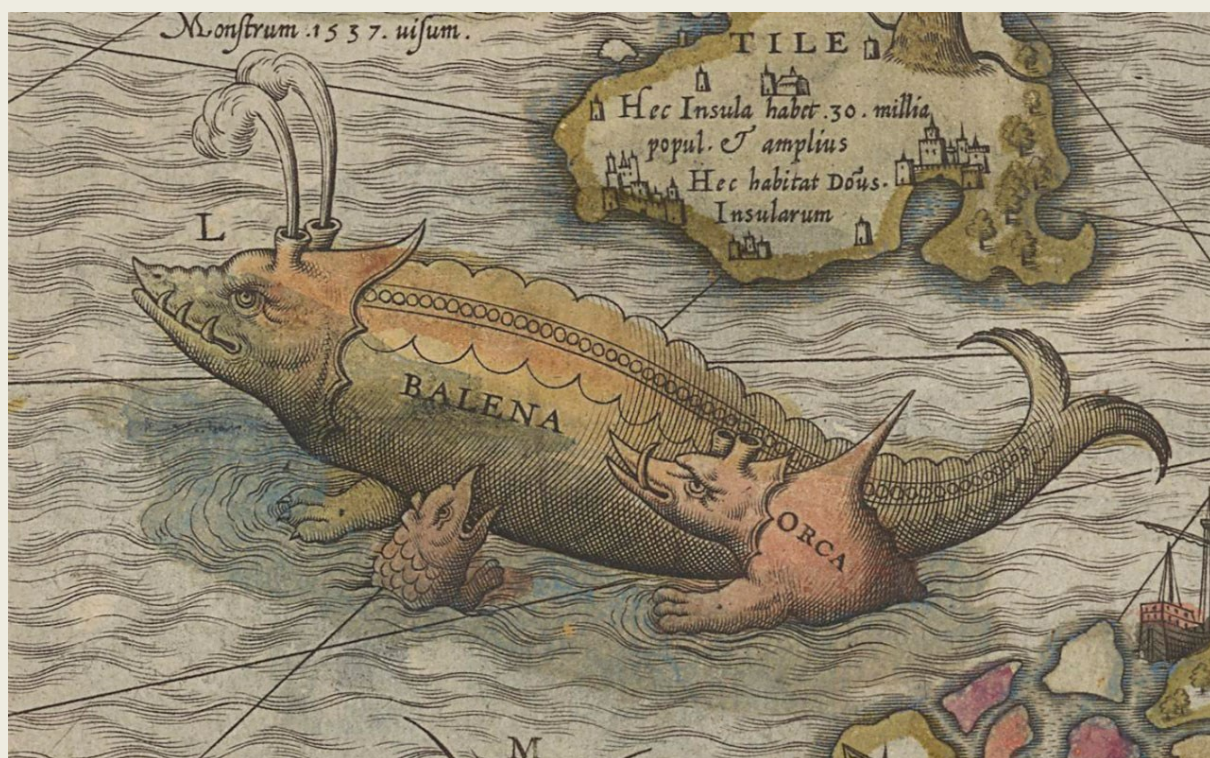
[Илл. 17-13-10-8. Там же. Фрагмент.]

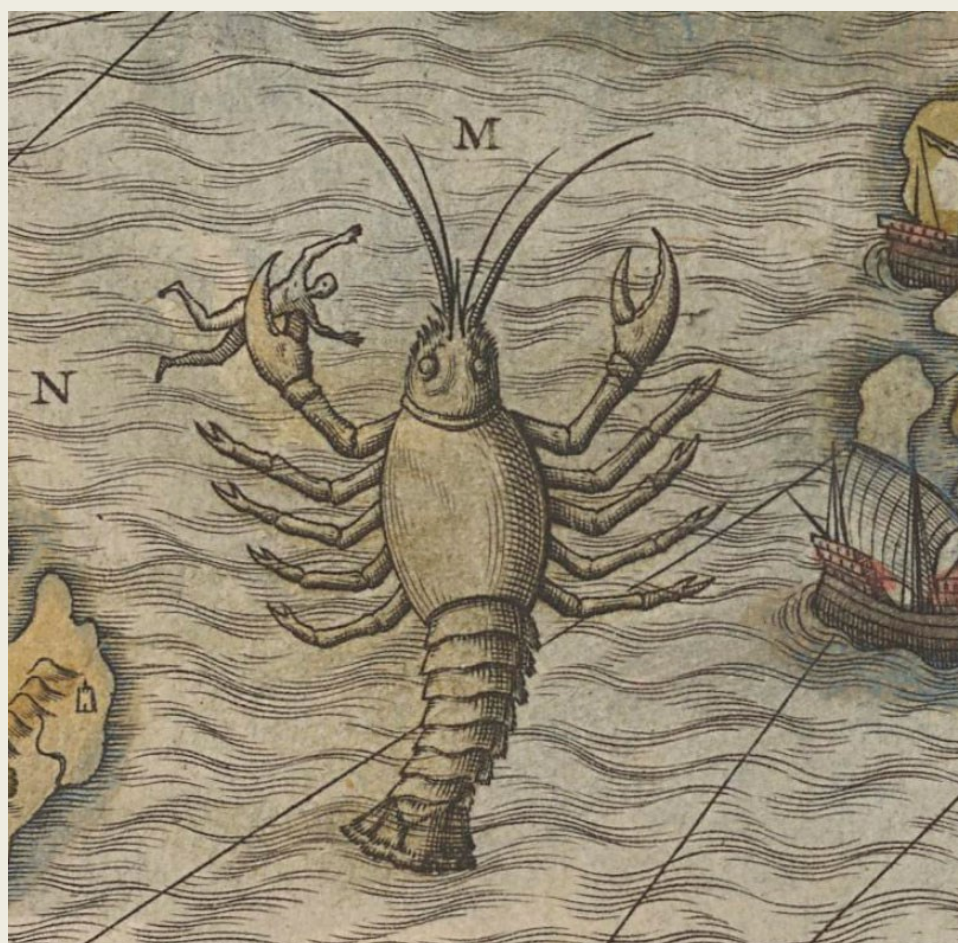
[Илл. 17-13-10-9. Там же. Фрагмент.]

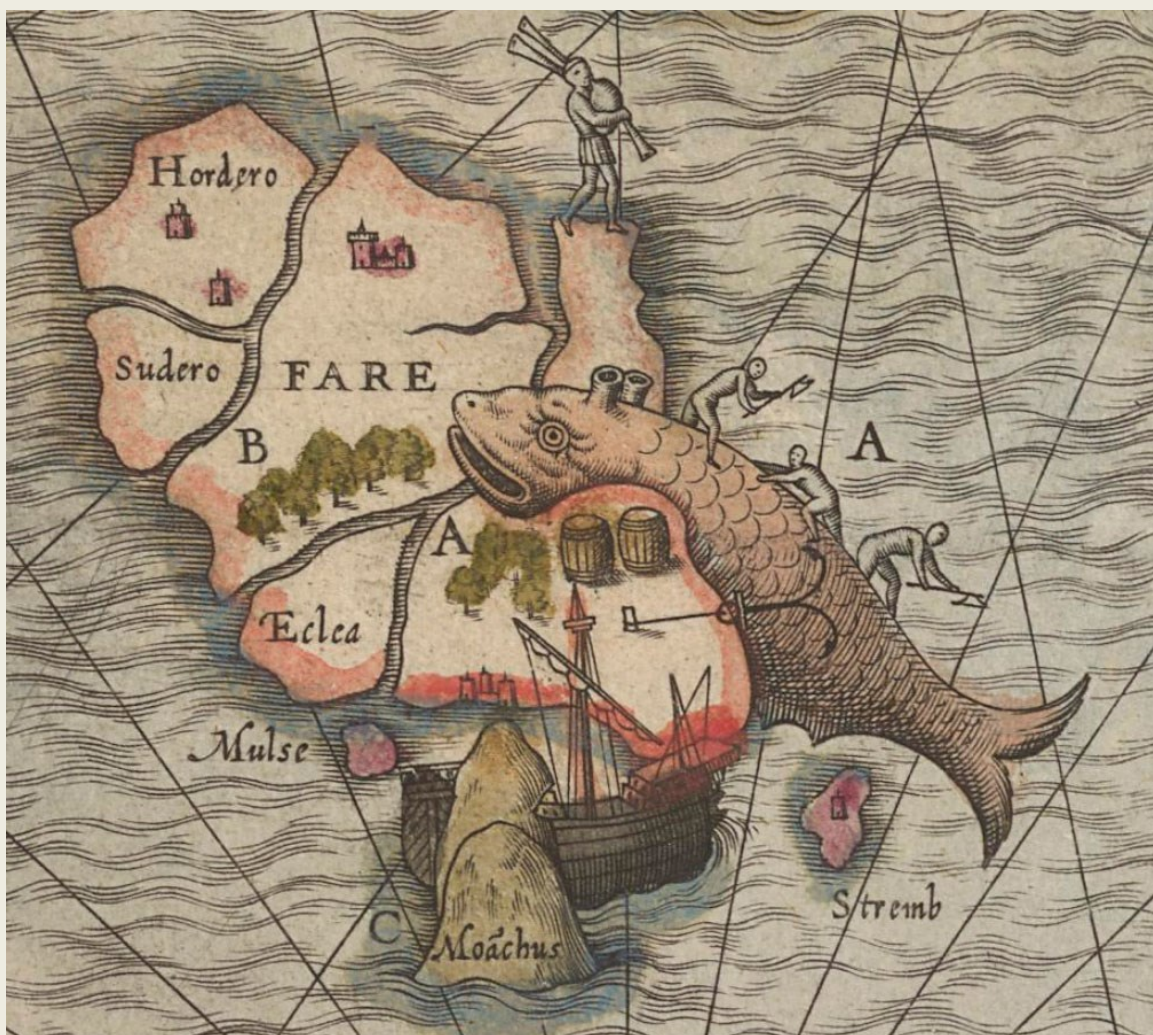
[Илл. 17-13-10-10. Там же. Фрагмент.]

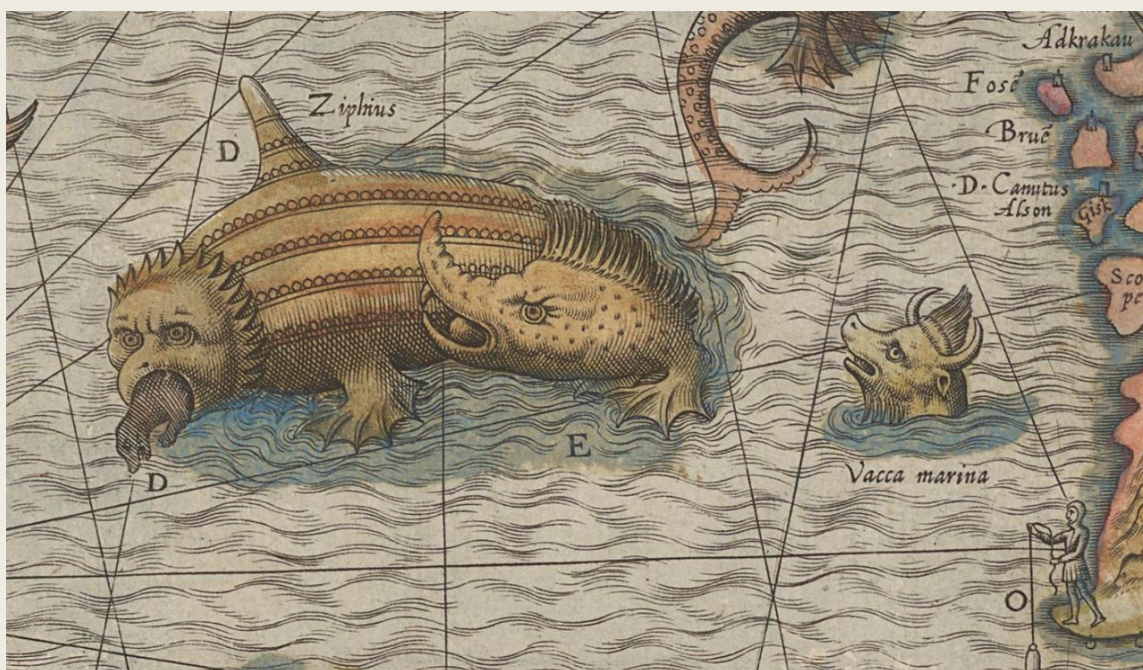
[Илл. 17-13-10-11. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-12. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-13. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-14. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-15. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-16. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-17. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-18. Там же. Фрагмент.]

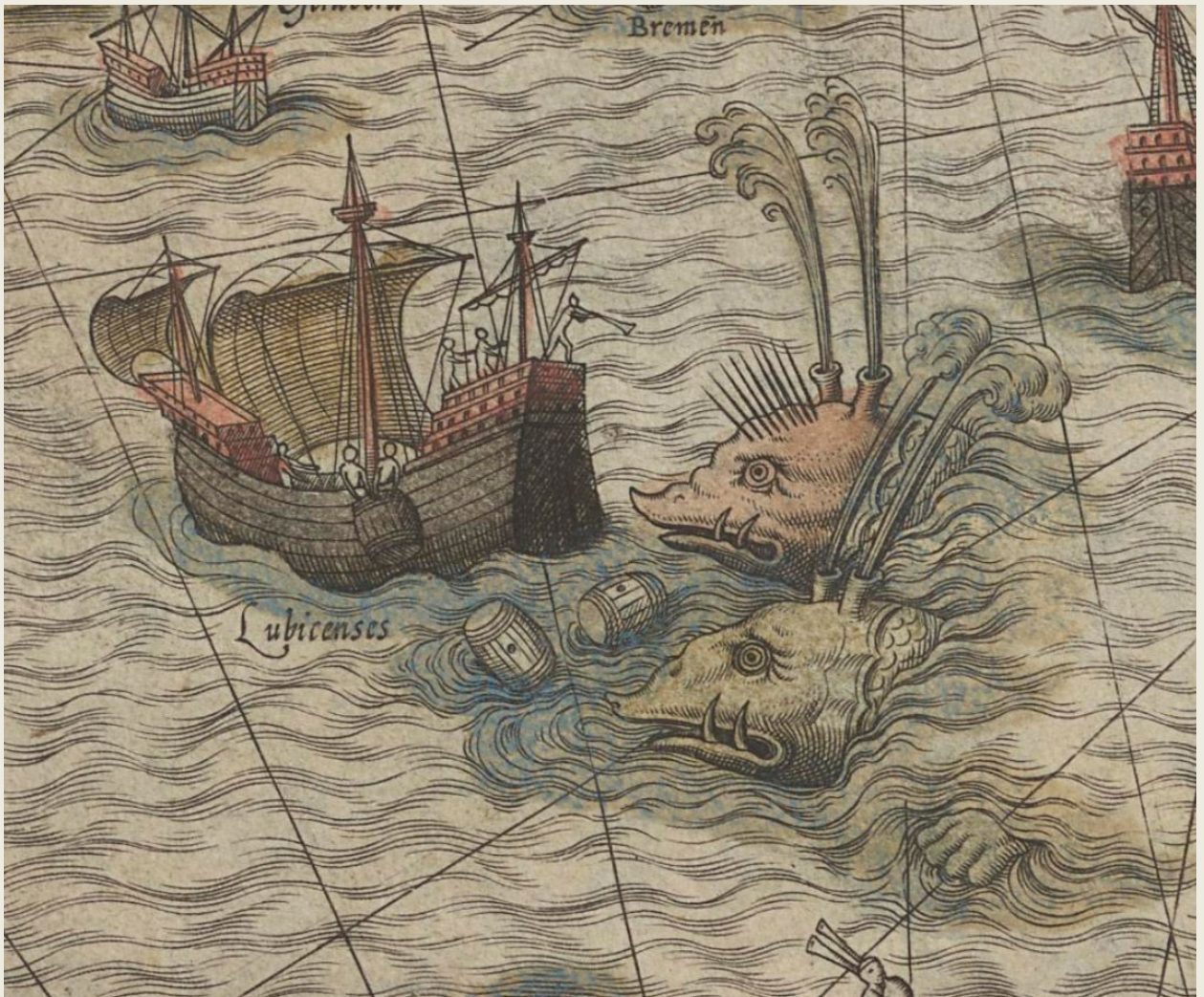
[Илл. 17-13-10-19. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 17-13-10-20. Там же. Фрагмент.]

This is a detailed historical map of Iceland, likely from a 17th-century travelogue. The map shows the island's coastline, major towns like Vestrabord, Isafjord, and Hafnafjord, and various geographical features such as mountains (Mons Sanctus, Nix perpetua), rivers, and lakes. It also includes numerous place names in Latin and Old Norse, as well as illustrations of ships and a dragon.

HKO

[Илл. 17-13-10-23. Там же. Фрагмент.]

Может я дал тут чего и лишнего, но просто невозможно удержаться. Чего стоит, например, один только Пушкин, играющий на скрипке на северном берегу Исландии.

В заключение ещё раз подчеркну, что рассмотренные выше полярные острова лишь предположительно соответствуют именно Новой Земле. Данной подборкой я в первую очередь хотел показать, что следует очень внимательно подходить к тонким информационным вибрациям даже хорошо изученных, казалось бы, документов.

18. Исходная точка

Откуда что вообще берётся – Три цитаты – Источники – Острова – Обновляйтесь или умолкните – Рассекая тернии: смысл порождает значение – Три ошибки или ни одной? – Новый остров у северного края Земли – Книги – Четыре загадочные буквы – Имя – Океан – Ось – Исходная точка

Откуда что вообще берётся

(Жизнь текстового леса – Хорошо известный пример – 15 тысяч исключений – Локальная версия – Чужое, зато своё – Южные братья по разуму – Поляна)

Жизнь текстового леса

Очень не хотелось мне впутывать читателя в глухие разборки источниковедения. Но совсем обойтись без этого, вижу, не получится. И откладывать это дальше нельзя, ибо уже взошло над горизонтом «число Хэйджуд». Так что чуть-чуть коснёмся этих тёмных материй, скользнув по самой опушке дремучих джунглей текстологии.

Когда мы апеллируем к тому или иному тексту, то всегда встаёт вопрос – что это собственно за текст и откуда он вообще взялся.

В самых простых случаях (текст создан в письменный период истории и у него есть конкретный автор) общая картина такова. В какой-то момент автор «придумывает» текст и либо сам записывает его (1), либо излагает третьим лицам. В последнем случае уже третьи лица, спустя некоторое время, записывают этот текст (2). На протяжении жизни автор может много раз возвращаться к тексту 1 и/или 2 и изменять его, либо излагать третьим лицам другие его версии (3). На этом прижизненные варианты заканчиваются – но сам текст только тут и начинает жить в полную силу.

С прижизненных рукописей (1, 2, 3) начинают снимать – точные копии, приближенные копии, делать копии с исправлениями, делать вольные переложения, копировать избранные места, изготавливать сознательно переиначенные версии (4).

Стадия (4) на протяжении веков повторяется необозримое количество раз. Очередная копия снимается с копии, снятой ранее с копии, снятой с копии, снятой с копии, снятой с копии... Картина усложняется тем, что каждый переписчик может пользоваться сразу несколькими разновременными источниками, сводя их в единый текст в меру собственного понимания предмета и видения своей задачи.

Далее. С течением времени древние языки выходят из употребления, так что начиная с какого-то момента рукописи не просто копируются, но одновременно и переводятся на актуальный на тот момент язык (5).

Довершается картина тем, что ранние рукописи одна за другой утрачиваются. В результате у человечества оказываются на руках различающиеся между собой манускрипты достаточно позднего изготовления, приписываемые некоему древнему автору. При этом совершенно непонятно, что именно в тексте принадлежит самому автору (если что-то принадлежит), и насколько эти «авторские» фрагменты соответствуют их исходному виду.

Чтобы разбираться во всех этих ужасах и существует наука «источниковедение». Аутентичная версия древнего текста вырабатывается консенсусом научного сообщества по множеству различных признаков и соображений (лексический и стилистический анализ, лингво-структурные тесты, графологические экспертизы, палеографические исследования, привлечение косвенных источников, учёт локальных письменных традиций и проч. и проч.).

Работа идёт по всей совокупности сохранившихся копий. При этом, чтобы не запутаться в море разновременных документов, нам следует держать в уме следующие три опорные даты: 1. Предположительная дата создания текста автором; 2. Дата создания самой ранней сохранившейся копии; 3. Дата создания той сохранившейся копии, которая отражает предположительно наиболее раннюю версию текста.

Две последние даты (2 и 3) не обязательно совпадают. Нередко случается так, что более поздняя копия соответствует более раннему варианту.

Рассмотрим как всё это работает на практике – на примере одного хорошо изученного сочинения.

Хорошо известный пример

Христианское вероприменение, благодаря изобретению европейцами техники сшивки досок «встык», внедрению механического печного наддува и случаю, широко распространилось по всем континентам. Если бы император Чжу Чжэньцзы уделял меньше внимания метанию стрел в весеннюю вазу, а больше – докладом адмирала Чжэн Хэ о его плаваниях в Индонезию, Аравию и Африку, то мы бы все сейчас были даосами. Возможно ещё и будем.

Но так или иначе, а Библия по факту стала самой тиражной книгой в истории книгопечатания. Она издаётся и переиздаётся на английском, бенгальском, вьетнамском, исландском, казахском, китайском, корейском, пуштунском, русском, турецком, украинском, яванском и на множестве других языков.

В каждом локальном языке существует своя история её переводов – удачных, неудачных, искажённых, уточнённых, альтернативных и т.д. При этом надо ясно понимать, что во всех этих случаях мы имеем дело всего лишь с переводами. А раз так, то возникает вопрос об «исходном» тексте Библии.

На какую-то одну-единственную «исходную» рукопись рассчитывать здесь, разумеется, не приходится. Для каждого из многих десятков автономных текстов, входящих в состав Ветхого и Нового Заветов, существует свой круг рукописных источников. И о происхождении каждого из них следует говорить отдельно. Но в целом картина выглядит примерно так.

Основными источниками большинства текстов Нового Завета являются ранние пергаменные «кодексы» (IV-X век, известно более 300) и «папирусы» (II-VII век, известно более 100). Все они написаны на варианте греческого языка «койне», который пришёл на смену древнегреческому во время походов Александра Македонского, как язык «межармейского общения». Есть все основания полагать, что тексты, составившие впоследствии Новый Завет, сразу сочинялись именно на «койне».

О сложности картины с источниками можно составить приблизительное представление на примере «Откровения Иоанна». Так, самым ранним сохранившимся манускриптом для 1-й главы «Откровения» является «папирус Р-98» (ок. 150 года), для глав 9-17 – «папирус Р-47» (250), для глав 2, 3, 5, 6, 8 – «папирус Р-115» (300), для глав 4, 7, 18-22 – «Синайский Кодекс» (325-360, пергамен) и так далее.

В целом же, для большинства текстов Нового Завета самым ранним из сохранившихся манускриптов является «Синайский Кодекс» (Codex Sinaiticus, Британская библиотека, add. 43725, между 325 и 360 годами), а манускриптом, предположительно отражающим наиболее раннюю версию текстов – «Ватиканский Кодекс 1209» (Codex Vaticanus 1209, Ватиканская библиотека, около 350 года).

К вышеперечисленным (греческим) источникам Нового Завета следует добавить ещё и крайне авторитетный латинский перевод Библии (как Нового, так и Ветхого Завета) – «Вульгату» (Vulgata). Хотя формально это «всего лишь» перевод, но он рассматривается, тем не менее, в качестве одного из первоисточников, поскольку его хорошо документированное происхождение заставляет относиться к нему серьёзно. Перевод выполнен блаженным Иеронимом между 380 и 420 годами в Вифлееме. Есть основания полагать, что некоторые места в переводе Иеронима точнее соответствуют греческим первоисточникам, чем даже в перечисленных выше ранних греческих кодексах.

Самая ранняя сохранившаяся копия самой Вульгаты – «Codex Sangallensis» – изготовлена в V веке, возможно ещё при жизни Иеронима. К сожалению, «Codex Sangallensis» сохранился очень фрагментарно. Самые же ранние более-менее полные версии «Вульгаты» представлены в «Фульдском» (541), «Амиатинском» (692) и «Толедском» (988) кодексах.

Что касается источников текстов Ветхого Завета, то ситуация здесь весьма парадоксальная. Есть все основания полагать, что исходно сами тексты были написаны на древнееврейском и частично на арамейском языках, и лишь впоследствии переведены на греческий и (ещё позже) на латинский. Однако наиболее ранние сохранившиеся полные рукописи практически всех текстов Ветхого Завета написаны именно на греческом и латинском. Это те же самые греческие (Синайский, Ватиканский и Александрийский) и латинские (Амиатинский, Толедский и др.) кодексы.

А вот рукописи полных текстов Ветхого Завета именно на древнееврейском – все они (за одним-единственным исключением) весьма позднего происхождения, IX века и позже. Однако в силу того, что данные тексты не подвергались искажениям по крайней мере перевода, эти манускрипты (собирательное название – «масоретские тексты») рассматриваются также в качестве источников Ветхого Завета. Самые ранние «масоретские» рукописи – это «Каирский» (895, неполный текст), «Алеппский» (920) и «Ленинградский» (1008) кодексы – все на древнееврейском.

15 тысяч исключений

Теперь о том самом «единственном исключении». Оно невероятно важно в принципиальном плане, однако в плане практическом (то есть для реконструкции исходных вариантов текстов) в большинстве случаев ничем не может помочь. Я говорю о знаменитых «Кумранских свитках». Кавычки тут весьма уместны, поскольку эти документы не все «Кумранские» и не все «свитки».

Вообще, обнаружение этих свитков в середине прошлого века в районе Мёртвого моря – событие без преувеличения эпохальное. Целые поколения учёных занимались только ими – и то не смогли изучить их настолько, насколько хотелось бы. Эти тексты разобраны не только по буквам, но и по каждому дрожанию пера в каждой черте каждой буквы.

Великая, не поддающаяся осознанию, космическая ценность «Кумранских свитков» заключается в том, что они представляют собой рукописи библейских текстов на древнееврейском языке на 1000 (тысячу) лет более древние, чем самые ранние библейские рукописи на древнееврейском языке, известные до того науке. И на 500 лет более древние, чем какие бы то ни было вообще известные до того рукописи библейских текстов.

«Кумранских свитков» много. В сумме это более 15 тысяч единиц хранения. И примерно половина из них представляют библейские тексты.

В обзорных статьях о «Кумранских свитках» неизменно сообщают, что в них представлены «все книги Ветхого Завета кроме одной». Формально это так. Но при этом нужно понимать следующее. Из означенных «15 тысяч единиц хранения» собственно свитков очень мало. Типовая «единица хранения» – это кусочек по черневшей кожи размером хорошо если с ладонь, по большей же части – с ноготь. Это то, что добывалось путём методичного просеивания грунта через мелкие сита и выковыривания палочкой из мышиных норок крохотных кусочков, натащенных туда поколениями рачительных грызунов за два тысячелетия благоустройства. Типовой артефакт – это щепотка перемешанной трухи.

А так – да, каждая из книг Ветхого Завета «представлена в Кумранских свитках». Двумя, скажем, фрагментами. На первом (размером с ноготь) можно прочесть последние три буквы девятого слова семнадцатого стиха двадцать шестой главы этой книги, а на втором (размером с обёртку конфеты) – аж целых четыре слова (но идущих не подряд, а принадлежащих соседним по вертикали строкам) из первого стиха последней главы. Я немного утрирую, но в целом картина примерно такая.

[Илл. 18-01-01-1. Кумранские свитки, фрагменты «Книги Исаии». «Храм Книги», Иерусалим, 4QIsaC, plate 387, B-371326. I-II века до н.э.]

Практически это означает следующее. Имея предварительно на руках текст Ветхого Завета, можно идентифицировать значительную часть фрагментов «Кумранских свитков». А вот обратное неверно. Имея на руках только «Кумранские свитки» восстановить текст книг Ветхого Завета было бы невозможно. «Кумранские свитки» дают нам великолепное доказательство древности и устойчивости биб-

лейских текстов, дают варианты чтения отдельных отрывков – но не дают нам сами эти тексты хоть сколь-нибудь полно. Опять-таки – за одним исключением.

Одна-единственная книга Ветхого Завета представлена в «Кумранских свитках» совершенно полностью, от первого и до последнего слова. Это – Книга пророка Исаяи.

Всего среди кумранских находок присутствуют фрагменты 20 различных экземпляров Книги Исаяи, но только один свиток представляет книгу полностью. Это знаменитый «Большой свиток Исаяи», он же 1QIsaA, наиболее вероятная датировка – 125 год до нашей эры.

Вне всякого сомнения «Большой Свиток Исаяи» велик и ошеломителен. Но это, повторяю, исключение. Если вы пишете работу, скажем, по Книге пророка Иезекииля (не менее знаменитого, BAFTA BASR-95), то «Кумранские свитки» помочь вам практически ничем не смогут.

Локальная версия: фальстарт

Итак, «первоисточники» библейских текстов практически исчерпываются четырьмя группами рукописей, перечисленными в предыдущей главе – греческими кодексами, латинскими кодексами, масоретскими кодексами и Кумранскими свитками. Однако для локальных культур представляет интерес история переводов библейских текстов на их собственные языки. Так что скажу несколько слов на тему появления и циркулирования Библии на Руси.

Может быть не все это знают, но из 1030 лет, прошедших с момента крещения Руси, первые 888 лет Библии на русском языке не существовало. В это трудно поверить, но до 1876 года Библии, изданной на русском языке, просто не было в природе.

Уже была измерена скорость света, в Гейдельберге студенты уже получали двойки по римановой геометрии, Максвелл уже создал современную теорию электромагнитного поля, уже горели лампочки накаливания, в Лондоне ходило метро, дамы ездили на велосипедах, в ходу были пылесосы, холодильники, фотокамеры, джинсы, уже родился Ленин – а Библии на русском языке всё ещё не существовало.

С самого момента своего здесь появления и до 1876 года, на Руси использовалась Библия исключительно на древнеболгарском языке, дипломатично называемом «церковнославянским».

Правда, у России имелся реальный шанс занять Священное Писание на национальном языке на 50 лет раньше, в 1824, но тогда дело сорвалось. Было это так.

30 марта 1814 Ланжерон («Сегодня Ланжерон гуляет...») – да, тот самый Александр Ланжерон («Луна висит над самым Ланжероном...») – короче, генерал Александр Фёдорович Ланжерон штурмом взял Монмартр и установил на нём свои 20-фунтовые «шуваловские единороги», направив их на Лувр. Через час Париж пал, и русский царь стал одновременно «царём царей».

Молодой царь-победитель, полный «души прекрасных порывов», раздавал автографы в Париже и сверял свои внутренние часы по Гринвичу. Это был тот редкий момент в истории, когда возможно было всё.

И на этой волне всеобщей эйфории произошло то, что раньше трудно было себе представить. В России возникает общественная организация. Ставящая себе целью ни больше ни меньше, как сделать Библию доступной широкому населению. Организация называется Российское Библейское Общество.

Устав Общества определял следующий порядок деятельности: собирать членские взносы, и на эти средства а) организовать перевод Библии на различные языки народов Российской Империи, б) печатать это большими тиражами, в) распространять эти тиражи Библии без какой-либо наценки, а неимущим раздавать даром.

Управляющие органы Общества были выборными. Отдельным пунктом Устава оговаривалось, что ни один член Общества ни при каких обстоятельствах не может получать материальное вознаграждение за свою в нём работу.

Общество было хоть и самостоятельным, но оказалось весьма представительным. Президентом Общества на первом собрании был избран не кто-нибудь, а князь Александр Николаевич Голицын, на тот момент – Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода и будущий Министр Духовных (!) дел и Народного просвещения. В качестве рядового члена (но с повышенной ставкой членских взносов) в Общество вступил и Александр Павлович, государь-император.

И дела пошли. За десять лет работы Общество перевело тексты Священного Писания на множество языков народов Российской Империи и издало их суммарным тиражом около одного миллиона (да-да, миллиона) экземпляров.

Пока речь шла о переводе Библии на зырянский, калмыцкий, марийский, чувашский, бурятский, литовский, татарский или карельский языки – всё было хорошо. Но рано или поздно, но должен был встать вопрос о переводе Библии на русский. И вот тут оно началось.

Почувяв реальную угрозу того, что целевая паства вот-вот получит возможность самостоятельно читать Писание, церковная иерархия поднялась на смертный бой. Соппротивление монаршей воле (согласно которой и создавалось Общество) было беспрецедентным. В ход пошло всё – от доносов до демонстративного слагания белых клобуков к ногам императора. Под таким неожиданно мощным корпоративным нажимом «царь-царей» в конце-концов сдался и махнул рукой. Голицына с должности Президента Общества аккуратно убрали и на его место пришёл митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский).

Митрополит Серафим вошёл в историю двумя своими деяниями – доносом на Пушкина в 1828 (по которому правительство вынуждено было возбудить следствие), и своим президентствованием в Российском Библейском Обществе.

Президентствование это было ярким, но кратким. Свою задачу на посту руководителя Общества святой отец видел в ликвидации руководимой им организации – и с задачей этой он справился блестяще. Издательская деятельность была свёрнута Серафимом практически сразу по его приходе, а вскоре (уже при другом импе-

раторе) ему удалось добиться и полной «приостановки деятельности Общества вплоть до особого распоряжения».

К моменту остановки своей издательской деятельности, Общество уже успело, правда, издать на русском языке и распространить отдельные части Священного Писания (а именно – Новый Завет и Псалтирь) и с этим уже ничего нельзя было поделать. Но с Ветхим Заветом не всё ещё было потеряно. Хотя в ноябре 1823 и был отпечатан первый тираж (10 тыс. экз.) первых пяти книг Ветхого Завета на русском языке, но в продажу это издание к весне 1824 поступить ещё не успело. Так что читатели увидеть его пока не могли.

И не смогут уже никогда. Тираж первого в истории издания пяти книг Ветхого Завета на русском языке был, радением иерархов, благочинно сожжён в печах кирпичного завода Александро-Невской лавры (И. А. Чистович, «История перевода Библии на русский язык», 2-е изд., с. 117, СПб, 1899).

[Илл. 18-01-02-1. Кирпич «Лаврского кирпичного завода» (Л.К.З.), первая половина XIX века. Из коллекции Владимира Смирнова.]

Полвека спустя политическая конъюнктура поменялась. Перевод Библии, выполненный Российским Библейским Обществом, ранее объявлявшийся вредоносным, был как ни в чём ни бывало извлечён Синодом из-под сукна и после некоторой доработки пущен в печать, называясь теперь почему-то «синодальным переводом». В полном своём составе Библия на русском языке впервые вышла, как я уже говорил, в 1876 году. Этот перевод и ныне является официальным текстом Библии на русском языке.

Чужое, зато своё

Итак, до 1876 года Библия «в стране Пушкина и Гоголя» имелась только на древнеболгарском языке. Но и в таком виде появилась она далеко не сразу. Первые 500 лет существования христианства на Руси, Библии как таковой здесь не знали вообще – ни на русском, ни на болгарском.

И только в самом конце XV века Новгородский архиепископ Геннадий предпринял первую попытку собрать вместе библейские тексты. В рамках этого проекта рукописи, содержащие в той или иной форме части этих текстов, собирались по церквям и скрипториям – где что найдётся. Что смогли найти – нашли, а что не смогли – до-перевели сами, в-основном с латинской Вульгаты. Переводили с латыни, однако, не на русский, а на всё на тот же древнеболгарский язык – в самой Болгарии к тому времени уже давно исчезнувший.

В результате получилось то, что сейчас известно под названием «Геннадиевская Библия» (ГИМ, Син. № 915). Она стала первой на Руси Библией вообще. Изготовлена она была в 1499 году в количестве одного экземпляра.

За последующие 80 лет этот экземпляр «Геннадиевской Библии» копировался ещё пару-тройку раз – и всё. Никакого резонанса проект архиепископа Геннадия не получил.

А дальше было вот что. Как только парижский аромат флёр-д-оранжа с ирисовыми нотками чуть подвыветрился из анфилад краковского дворца Вавеля (а случилось это только к середине 1570-х), так магнат Речи Посполитой и князь Великого княжества Литовского Константин Острожский приступил, наконец, к реализации своего сокровенного проекта – составлению и изданию «славянской» Библии.

К делу Константин подошёл системно. Для начала, в своей фамильной вотчине, в городе Острог Речи Посполитой, он учредил Академию – чтобы привлечённые в неё учёные выработали максимально аутентичную версию текста Священного Писания на древнеболгарском языке – и не просто, а на основе сравнения множества независимых источников. Одним из таких источников стала копия той самой «Геннадиевской Библии». Так что, выходит, архиепископ Геннадий старался в своё время всё же не впустую.

Когда состав и текст славянской Библии были в целом определены и выверены, начался второй этап проекта – производственный. Книгопечатание в Европе существовало к тому времени больше ста лет и было уже делом достаточно рутинным. Да что говорить – уже восемьдесят лет как печатные книги перестали считаться «инкунабулами» (то есть, книгами, отпечатанными до 00 часов 1 января 1500 года), которые так высоко котируются сейчас у коллекционеров. «Печатные книги» к 1575 году стали в Европе просто «книгами».

Но тем не менее. Печатное дело продолжало оставаться делом тонким. И Константин, создавая под свой проект собственную типографию, подошёл к этому вопросу со всей серьёзностью. Было заведено собственное бумажное производство, было выписано самонаилучшее печатное оборудование и штат типографии был укомплектован лучшими специалистами, каких только удалось найти в обозримой округе. В частности, старшим мастером был нанят опытный львовский печатник русского происхождения Иван «Московитянин» Фёдоров сын, к тому моменту уже

десять лет как работавший в различных типографиях Речи Посполитой. В Острог он приехал конкретно из Львова.

Вопрос о государственной принадлежности Ивана Фёдорова по большому счёту лишён смысла. О его происхождении и первых десятилетиях жизни неизвестно ничего. Биография Ивана хоть как-то прослеживается только на последнем 20-летнем отрезке. Из которых первые 2 года он проработал в Московском царстве (в Москве), а остальные 18 лет – в Речи Посполитой (в Белостоке, Львове и Остроге).

Тезис же о «первопечатности» Ивана Фёдорова – если его не сопровождать существенными оговорками – так просто вводит в заблуждение. К моменту первого типографского опыта Фёдорова, книги кириллического типографского набора печатались по всей Европе уже более 70 лет как – на самых разных славянских языках. В их числе, правда, не было русского – но так и Фёдоров печатал не на русском, а на древнеболгарском, если кто не знал.

Для общего представления приведу далеко не полный перечень одних лишь городов, где успешно функционировали типографии с кириллическим набором (в скобках указан год выхода первого в них кириллического издания).

Краков (1491, Швайпольт Фиоль), Цетинье (1494, Макарий), Венеция (1512), Прага (1516, Скорина), Вильно (1523), Милешево (1544), Сибиу (1546), Белград (1552), Тюбинген (1561), Несвиж (1562), Мркшина Црква (1562) – и так далее (см. Евгений Немировский, «Славянские издания кирилловского шрифта», т. 1, 2009; т. 2, 2011).

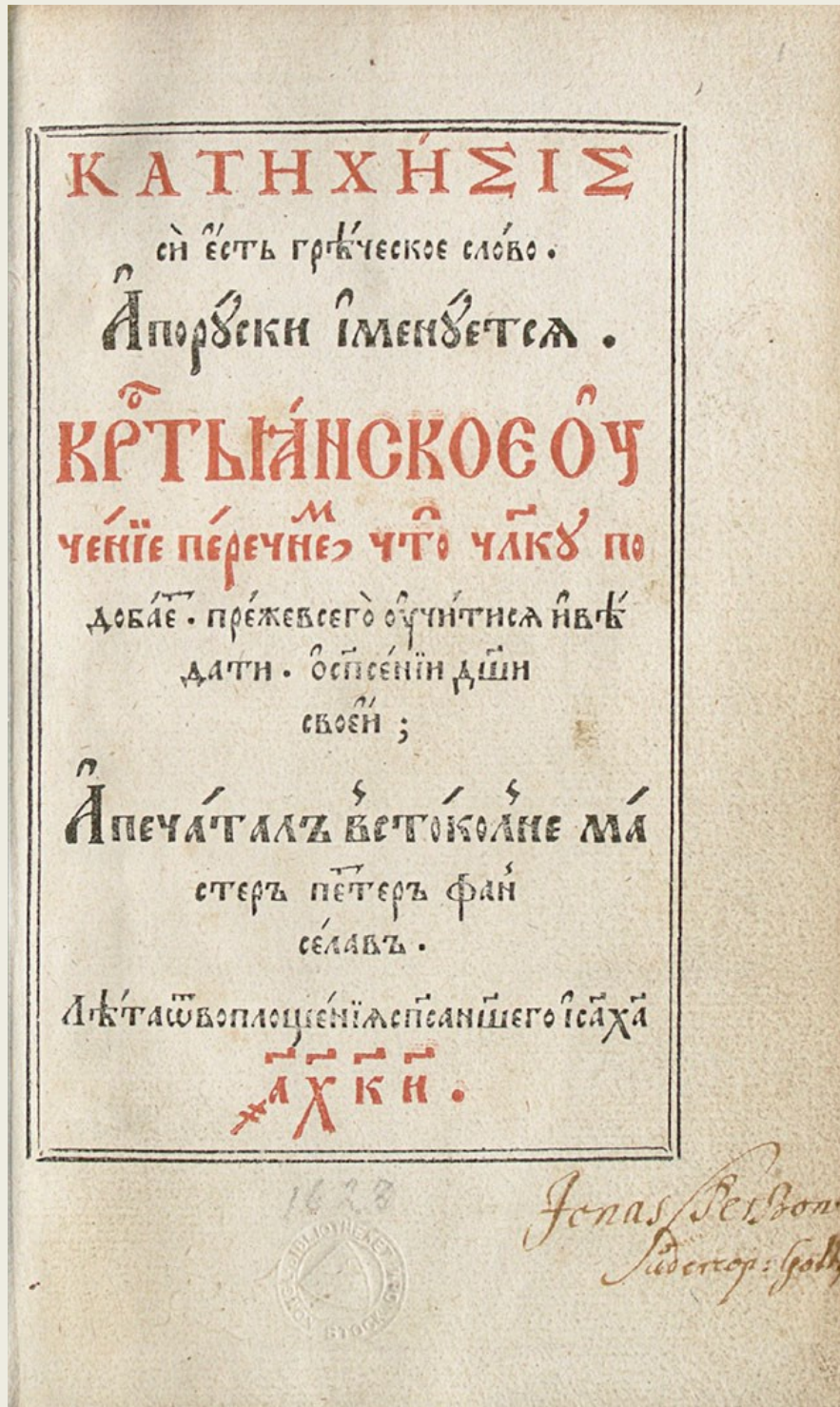
Так что появление в 1564 году Фёдоровского «Апостола» стало всего лишь очередным кириллическим проектом в длинном их ряду. Первым из которых был краковский «Октоих» 1491 года работы Швайпольта Фиоля. Вот он:

[Илл. 18-01-03-1. «Октоих Швайпольта Фиоля», титульный лист. Место издания – Краков, 1491. РГБ, МК 81.]

А первой печатной книгой собственно на русском языке стал, по всей видимости, «Малый катехизис Лютера», изданный в 1628 году в Стокгольме, в типографии Петера фон Зелова (Peter von Selow). Экземпляр его имеется, в частности, в Шведской Королевской Библиотеке (libris-ID: 2517866, sp. 0548:04 Collijn).

Вот она, первая печатная русская книга. Издано в Швеции.

[Илл. 18-01-04-1. «Малый Катехизис Лютера», титульный лист. Место издания: Стокгольм, 1628. Шведская Королевская Библиотека, ID: 2517866.]

Но вернёмся к Ивану Фёдорову. По мере ознакомления с его трудовой биографией, постепенно нарастает ощущение, что что-то в ней не сходится. Сначала он, по всей видимости, где-то получает полиграфический опыт в качестве ученика, но об этом мы ничего не знаем. А затем, в 1563, ему выпадает редкая жизненная удача – ему доверяют руководство целым проектом по изданию книги (это и будет московский «Апостол» 1564). С этой задачей Иван Фёдоров справляется блестяще – и его тут же, без передыха, бросают на следующий проект – издавать «Часовник». Пока «железо горячо», Иван «куёт» день и ночь, закрепляя свой успех. В самые сжатые сроки он издаёт первый тираж «Часовника», за ним тут же следует второй тираж. Кажется, жизнь его стремительно пошла в гору.

И тут, на этом взлёте карьеры, Иван Фёдоров вдруг бросает всё и бежит. Бежать в то время можно было только в Литву, так что он бежит в Литву. И там, обнулив прошлое, начинает жизнь сначала. Странно всё как-то, не правда ли?

Впрочем, это покажется не таким уж и странным, если почитать, что по этому поводу пишет сам Иван. Текст, для удобочитаемости, я чуть адаптировал.

Итак, Иван Фёдоров пишет:

«По причине великого озлобления, часто случавшегося по отношению к нам <...> от многих начальников и высшего духовенства <...> которые нас, зависти ради, во многих ересеях обвиняли, желая благое во зло превратить и <...> дело в конец погубить, что в обычае у злонравных, и ненаученых, и неискусных в разуме людей. <...> Такова зависть и ненависть. <...> И она-то нас от земли, и отечества, и от рода нашего изгна-ла, и в иные страны незнаемые переселиться вынудила.»

(«...презѣльнаго ради озлобления, часто случающагося нам <...> от многихъ начальникъ, и священноначалникъ <...> которые на насъ зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и <...> дѣло в конецъ погубити, яко же обычай есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разумѣ человекъ <...> Такова бо есть зависть и ненависть <...> Сия убо насъ от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели») (

(«Апостол» Ивана Фёдорова, 1574, Львов, л. 260–260 об.)

О конкретных формах, которые принимали в тогдашней Московии означенные «зависть и ненависть», беспристрастно сообщает нам Джайлс Флетчер в своей блестящей книге «Of the Russe Common Wealth», написанной по следам его поездки в Россию и изданной в Лондоне в 1591 (перевод мой).

«Будучи сами совершенно невежественными («void of all manner of learning»), они [священники, «Cleargie»] стараются всеми силами воспрепятствовать распространению образования, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие («ignorance and ungodliness»). По этой причине они убедили царей, что просвещение всегда влечёт за собой перемены («breed innovation»), и следовательно, представляет опасность для их власти («danger to their state»). В каком-то смысле они правы, потому что человеку чувствующему и думающему («man of spirit and understanding»), вооружённому знаниями и воспитанному в тради-

циях свободы («helped by learning and liberall education»), невозможно смириться с тираническим правлением («hardly indure a tyrannicall government»).

Несколько лет тому назад, ещё при предыдущем царе («in the other Emperours time»), привезли из Польши в Москву печатный станок и типографский набор («Presse and Letters»), и здесь была основана типография («printing house») с позволения и к большому удовольствию самого царя. Но вскоре здание типографии ночью было подожжено и станок с набором сгорели, о чем, как здесь полагают, позаботилось духовенство («by the procurement of the Cleargy men»).

(Джилль Флетчер, «Of the Russe Common Wealth», L. 1591, гл. 21, с. 85-85 об.)

Кому всё ещё что-то непонятно, пусть сопоставит две цифры, положив рядом два листка бумаги. На одном из которых будет написано: «1565: Неожиданное бегство Ивана Фёдорова из России». А на другом – «1565: Введение на Руси опричнины».

Всё это можно выразить одной фразой так. Иван Фёдоров бежал из России из-за угрозы личной безопасности, возникшей в результате развязанной против него травли в условиях начавшегося государственного террора на фоне культивируемой государством атмосферы ненависти и вражды.

А вот в Речи Посполитой специалисты по новым технологиям были более чем востребованы. За каждым, кто был способен отличить «плашку» от «наборной кассы», работодатели выстраивались в очередь. Так что Иван Фёдоров приложения своим способностям долго не искал. Вскоре он уже снова печатал и издавал – только теперь по другую сторону границы. И вот, по прошествии десяти лет, в 1576 он получает должность старшего мастера в типографии Константина Острожского.

А пять лет спустя, в 1581, проект по производству первой в истории полной Библии на древнеболгарском языке («Острожской Библии») был в этой типографии успешно завершён. Суммарный тираж – более тысячи экземпляров. И каждый из этих экземпляров с этого момента начал свою собственную жизнь. Сколько-то из них со временем попало в Московское царство.

По завершении печати Библии Иван Фёдоров возвращается во Львов, а типография Константина Острожского продолжает работать и дальше. Возможно, она работала бы и до сих пор, если бы в 1648 Тарас Бульба (в образе Богдана Хмельницкого) не разорил типографию, выломав всё что блестело, а остальное спалив.

«Острожская Библия» стала поворотной вехой в текстологической истории славянской Библии. Хотя рукописная практика продолжалась ещё достаточно долго, но у российского книжно-библейского дела появился, наконец, единый эталон. Библейские тексты на древнеболгарском языке, производимые в разных скрипториях, стали всё в большей и большей степени совпадать между собой. Началась новая эпоха.

Текст «Острожской Библии» оказался выверен настолько удачно, что этого хватило более чем на 150 лет. Только к первой трети XVIII века накопилось понимание

необходимости следующего уровня выверки переводов по оригиналам. А потому при Петре Алексеевиче была начата, а при Елизавете Петровне завершена работа по уточнению текста «Острожской Библии». И в 1751 этот уточнённый текст (называемый теперь «Елизаветинской Библией») был издан в четырёх томах. С тех пор и до настоящего момента текст Библии на древнеболгарском («церковно-славянском») языке сколь-либо существенным изменениям не подвергался.

Южные братья по разуму

Как уже было сказано, первые 500 лет существования христианства на Руси, а именно до 1499 года включительно, Библии как таковой здесь не знали вообще. Но это не означает, однако, что никакие библейские тексты не были здесь известны в том или ином виде.

Ключевое при этом слово – «в том или ином виде». Вероисповедальных книг того периода сохранилось достаточно много, но все эти книги – «церковные», то есть узкопрофессионального назначения.

Человек, впервые столкнувшийся с номенклатурой русских церковных книг, может растеряться от массы диковинных названий. «Паремийник», «Апостол-апракос», «Толковые пророки», «Месяцеслов», «Триодь цветная», «Палея», «Минеи четьи», «Часовник». Это что, и есть Библия? Нет, это не Библия. Тогда какое это всё имеет отношение к Новому и Ветхому Заветам?

Если нет желания вникать в тонкости богослужебной практики, то здесь достаточно знать следующее. Все эти книги состоят из «цитат из Библии» и «внебиблейских текстов», соединённых в разной пропорции в зависимости от конкретного назначения книги.

Например, «Паремийник» представляет собой совокупность коротких отрывков (взятых из разных книг Ветхого Завета), приписанных, сообразно церковным службам, дням и неделям года.

«Апостол-апракос» – это то же самое, но только отрывки берутся из двух разделов Нового Завета – «Деяний Апостолов» и «Апостольских посланий». При этом одни отрывки из данных разделов использованы в «апракосе» по несколько раз, зато другие не попали туда вовсе.

А «Толковые пророки» – это отдельные цитаты из тех или иных Книг ветхозаветских пророков, снабжённые пространными пояснениями («толкованиями») разных авторов. И так далее.

Короче, библейские тексты в упомянутых церковных книгах в каком-то количестве присутствуют – но только в виде специально сформированных подборок цитат, которые в совокупности покрывают текст Библии лишь частично. Например, в «Паремийнике» из всего Ветхого Завета только Книга Ионы представлена полностью; Книги Бытия, Притч и Исаии – представлены на 30-40%, а остальные 37 книг отсутствуют либо полностью, либо практически полностью (А.А. Алексеев, «Текстология славянской Библии», с. 23, 1999, СПб).

Итак: до 1499 библейские тексты были известны на Руси лишь частично, и то – в виде специальных подборок цитат. Что приводило к достаточно специфическому представлению о Священном Писании в целом. Упомянувшийся выше Джайлс Флетчер провёл в 1588 интересный опыт. Дадим ему слово:

«Я говорил с одним из них [русских епископов, «Bishops»] в Вологде и, желая проверить его знания, дал ему Священное Писание на русском языке («Russe Testament»), открыв его на первой главе Евангелия от Матфея. Он начал читать весьма хорошо. Тут я спросил его, какую часть Священного Писания он только что прочитал? Он отвечал, что не может точно сказать («could not well tell»). Сколько всего в Новом Завете Евангелистов? Он отвечал, что не знает.»

(Джилльс Флетчер, «Of the Russe Common Wealth», L. 1591, p. 89)

Из этого Флетчер делает соответствующий вывод об уровне образованности русского духовенства в целом. Я же рискну предположить, что дело в данном случае было не в этом, во всяком случае не только в этом. Если бы Флетчер попросил вологодского епископа опознать в прочитанном тексте, скажем, «неделю тридесятою седмицы по Пятидесятнице», или «царские часы утрени навечерия», или «апракос полный на Святых отец» (увлекающиеся духовными практиками поймут о чём я), то епископ, вероятно, смог бы ответить на вопрос более определённо. Не его вина, что в его профессиональной среде практиковались несколько своеобразное представление о структуре библейских первоисточников.

Итак, Священное Писание на Руси первые 500 лет было представлено только набором цитат, подобранных специальным образом специально обученными людьми. И всё это – в переводе на древнеболгарский язык.

Точнее даже не в «переводе», а в «переводах», поскольку это был результат труда коллективного и растянутого во времени.

Начало процесса работы над этими переводами обозначили Великоморавский епископ (ныне Чехия) Мефодий и его старший брат Константин. Последний разработал, специально для этих целей, новый алфавит, а именно – глаголицу, оказавшуюся не слишком удобной в пользовании и вскоре вытесненную из широкого обихода кириллицей, чей создатель нам неизвестен. Так что мы имеем здесь дело с небольшим терминологическим недоразумением. «Глаголицу» правильнее было бы называть «константиницей», а «кириллицу» – наоборот, «глаголицей» или, если уж на то пошло, «славяницей». Но названия уже закрепились, так что пусть остаются как есть.

Итак, Константин и Мефодий перевели в Великой Моравии на древне-южно-болгарский язык некоторые фрагменты Библии – и это положило начало массовой переводческой работе на Балканах. Сообщение о том, что Мефодий к концу жизни якобы перевёл Библию целиком, практического подтверждения не нашло. Если этот «полный перевод» и был всё-таки осуществлён, то, значит, он оказался безвозвратно утрачен, не успев получить распространения.

Но как бы там ни было, а усилиями многих переводчиков на Балканах в IX-X веках тексты Священного Писания были переведены практически полностью – разными переводчиками, в разное время, в разных странах, на разные диалекты южно-

славянского языка (болгарский, сербский, македонский, хорватский, словенский) и записанные разными алфавитами (глаголица, кириллица). И всё это разными путями стало постепенно просачиваться в восточно-славянские земли.

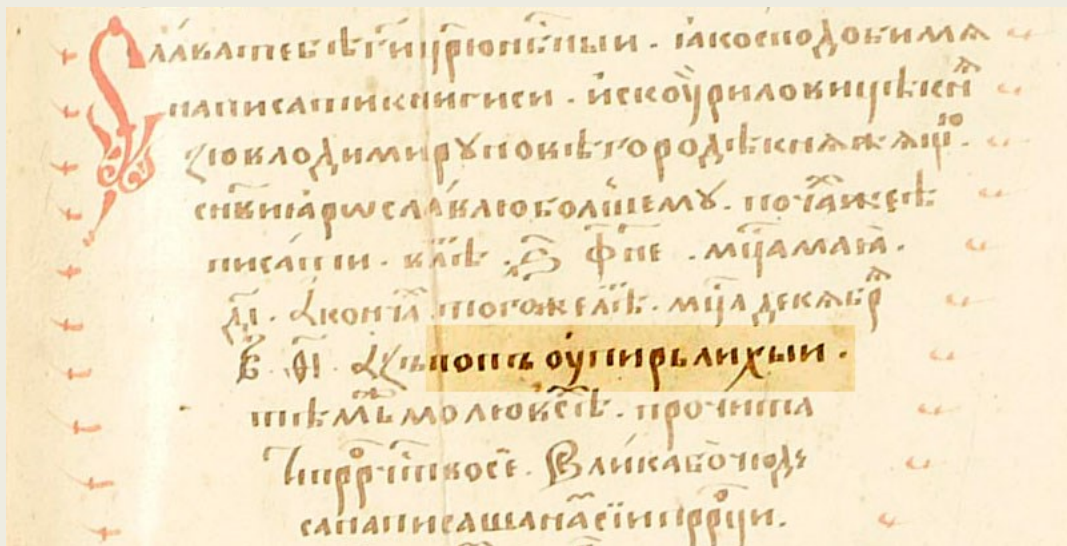
С учётом такой разноголосицы, если не сказать хаоса, исходные антиграфы «славянских первопереводов» можно пытаться приблизительно определять только для каждой библейской книги отдельно.

К примеру, первый славянский перевод «Откровения Иоанна» следует искать в рукописях «Толкований Апокалипсиса Андрея Кесарийского» XIII-XIV веков (самые ранние из известных – БАН, собр. Никольского, 1, XIII в.; РГБ, ф. 304, оп.1, док. 119, XIV в.).

Первые же славянские переводы Апостольских посланий мы смотрим в «Кристинопольском Толковом Апостоле» (1183 год, Львовский исторический музей, ОР, док. 37).

А текст первых славянских переводов, скажем, Книги пророка Исаии – извлекаем по частям либо из первых полных «Паремийников» XII-XIII веков (РГБ, Григ. 2, XII в.; РГБ, ф. 304, ф. 1, док. 4, XIII в.), либо (другая переводческая ветвь) из ранних «Толковых Пророков» XII-XV века (напр. РГБ, ф. 173, оп.1, док. 20, XIV в.; РГБ, ф. 301, оп. 1, док. 63, XV в.). Вот как всё сложно.

Касательно «Толковых Пророков». Столь широкий временной диапазон источников их «первопереводов» (в 300 лет, XII-XV вв.) определяется тем, что все известные их списки достоверно восходят к одному-единственному «протографу» – не сохранившемуся новгородскому списку «Толковых Пророков» 1047 года, изготовленному человеком, чьё имя вышито зелёным шёлком на алых сердцах всего исторического сообщества. Раз услышав, имя это уже не забудешь никогда. Звучит оно так – «поп Упырь Лихой». Да – «поп», да – «Упырь», и – да, «Лихой».

[Илл. 18-01-05-1. «Книга 16 Пророков», начало XVI века. РГБ, ф. 304, оп. 1, док. 89. «Поп Упырь Лихой».]

Как говорится, кто не знает Упыря Лихого? Вот, теперь его знаете и вы.

Поляна

За всякими-разными историями нетрудно забыть, для чего вообще затевался весь этот источниковедческий экскурс. А затевался он для того, чтобы на хорошо известном примере показать, что для такого специфического объекта, как «текст» (объекта самовоспроизводящегося, множасьего и мутирующего в процессе эволюции), понятие «первоисточника» – очень тонкое понятие. Но оно есть, просто нужно с ним аккуратно определяться в каждом конкретном случае.

Любой текст рождается, живёт и размножается (а иногда и умирает, увы). И если мы хотим восстановить первоначальный его вид (в случае утери авторской рукописи, «автографа»), то нужно хорошо понимать следующее. 1) Любая реконструкция текста на период времени, предшествующий дате создания самой ранней сохранившейся копии, всегда будет предположительной. 2) Достоверно о составе текста можно говорить только начиная с даты создания самой ранней сохранившейся копии. 3) В случае утраты автографа, в качестве «первоисточника» текста выступает некоторая совокупность наиболее ранних достоверных копий, чья достоверность удостоверена, а состав составлен научным сообществом в результате источниковедческих исследований.

В нашем конкретном примере, «первоисточниками» библейских текстов в указанном выше смысле являются следующие рукописи.

Для текстов Нового Завета – Синайский, Ватиканский и Александрийский кодексы, исходно написанные на варианте греческого языка «койне».

Для большей части текстов Ветхого Завета – те же самые греческие кодексы, плюс ранние «масоретские» рукописи на древнееврейском языке (Алеппский, Каирский и Ленинградский кодексы).

И, наконец, для тех текстов Ветхого Завета, которые наличествуют в «Кумранских свитках», «первоисточниками» следует считать эти самые «свитки».

Совокупность перечисленных выше манускриптов – это в строгом смысле и есть «Библия». Всё остальное – лишь экстраполяции и переводы, в чьей добросовестности следует удостоверяться отдельно в каждом отдельном случае.

И напоследок – одно маленькое практическое из всего этого следствие.

Упомянутые выше греческие кодексы все написаны так называемым «унициальным письмом», которое целиком состоит из одних «заглавных» букв и идёт единой безразрывной строкой. Древнееврейское же письмо в принципе не знает понятия «заглавных» букв (что, в частности, создаёт определённые проблемы при написании и распознавании аббревиатур и личных имён).

А коли так, то с какой именно буквы (маленькой или большой) следует при переводе Библии писать то или иное слово – это всегда решение исключительно самого переводчика. В исходных текстах Священного Писания никаких указаний На Этот Счёт Нет.

Три цитаты

«Новую Землю по обетованию Его чаем, в ней же правда живет»

(2-е посл. Петра, 3:13)

«И увидел <...> Новую Землю, <...> и увидел святой град Новый Иерусалим, сходящий с небес»

(Откр. Иоанна, 21:1-2)

«Новая Земля, яже аз творю, пребудет перед лицом моим»

(Исайя, 66:22)

Источники

Предварительное замечание

Раз уж здесь было процитировано «Откровение Иоанна» в его связи с Новой Землёй (21:1), то стоит заодно обратить внимание на ещё несколько мест из «Откровения», конкретизирующих географические образы «видения» автора. А именно (привожу по синодальному переводу):

«И перед престолом **море стеклянное**, подобное кристаллу» (4:6)

«И увидел <...> **Новую Землю**» (21:1)

«И вознес меня в духе на великую и **высокую гору**, и показал мне великий **город**, святой Иерусалим, который **нисходил с неба**» (21:10)

«**ночи там не будет**» (21:25)

И вот во что всё это складывается. Место действия – «Новая Земля», где скоро наступит вечный день, а «ночи не будет», но пока вокруг «море стеклянное, подобное кристаллу», а прямо над «высокой горой» парит «небесный город».

Данная картинка сильно перекликается с «видением помора» (см. главу «Точка входа»), узревшего на Новой Земле (где полгода стоит полярный «вечный день») Град Небесный над «высокой горой» Митюшёв Камень, высящейся на берегу замёрзшего («стеклянное море») Баренцева моря.

Так вот, описанная в «Откровении» сцена – это и есть тот самый «дополнительный агент влияния» на Достоевского, о котором говорилось в главе «Подводная часть айсберга» (последний эпизод). То есть «агентом влияния» в том конкретном случае являлся не человек – а текст. Знаменитый текст, знакомый Фёдору Михайловичу с детства.

Сумма слов

Нижеприведённая совокупность текстовых фрагментов и их изображений представляет собой достаточно полный срез исторических версий стиха 66:22 из «Книги Исайи» (от современных прочтений до «первоисточников») – как на языках переводов (древнеболгарском, греческом и латинском), так и на языке оригинала (древнееврейском).

Исходно данный раздел включал в себя также и аналогичные подборки для двух других «новоземельских» цитат (из «2-го послания Петра» и «Апокалипсиса»), но по зрелом размышлении я их удалил – чтобы не смущать юность и не утруждать зрелость.

Вопрос о написании того или иного слова с заглавной либо со строчной буквы уже обсуждался. Если коротко – то для библейских текстов это почти всегда произвольный выбор издателя текста (если он публикуется на языке «первоисточника»)

или переводчика (как в случае с русским переводом Писания), поскольку оригиналы текстов не несут об этом абсолютно никакой информации.

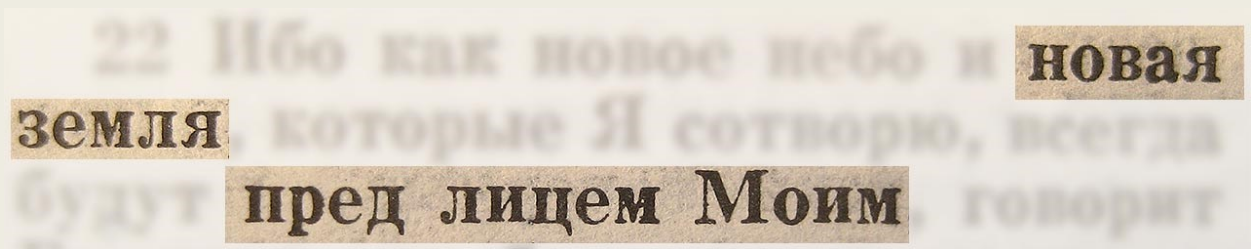
Однако, приводимое ниже место из Книги пророка Исаии (66:22) является в этом смысле исключением. А именно, при переводе данного фрагмента на русский язык, слова «Новая Земля» следует писать именно с заглавной буквы вне зависимости от желания переводчика, поскольку в оригинале перед этими словами стоит знак, выполняющий роль «определённого артикля» (буква «хей»).

Но всё это в данном случае не столь важно. Просто насладитесь красотой текста как такового в его двухтысячелетней исторической ретроспективе. Итак, «Исаия, 66:22»:

Современная версия:

«**Новая Земля**, яже аз творю, пребудет пред лицом моим»

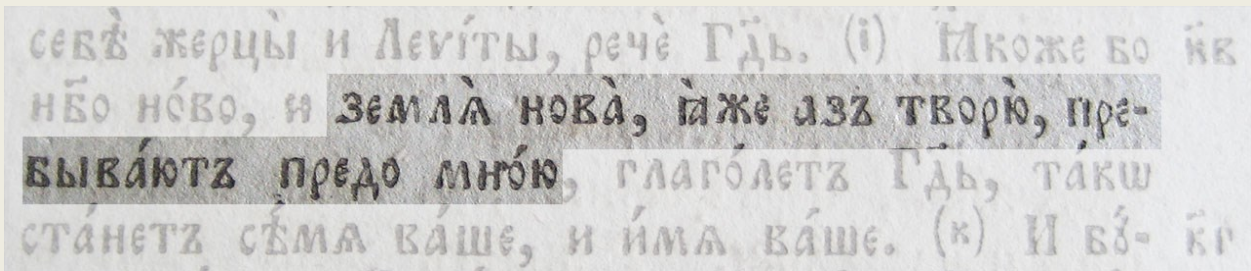
(Средневзвешенный текст, экстракт елизаветинского и синодального переводов)

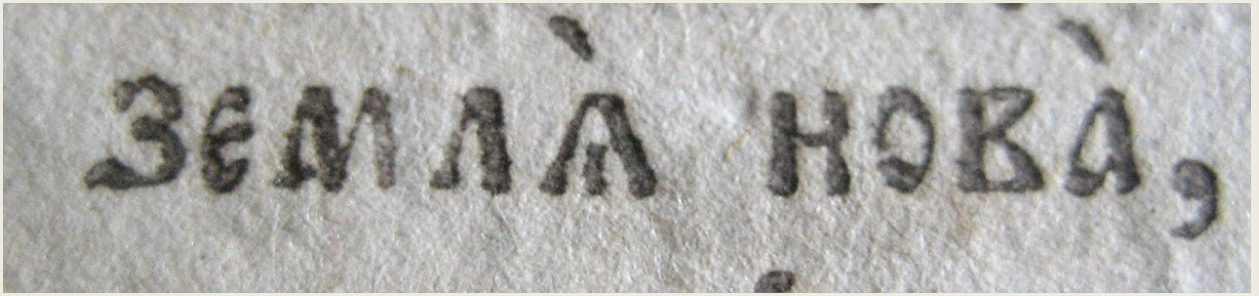
[Илл. 18-03-01-1. Библия, синодальный перевод. Вторая половина XX в.]

1820. Библия издания РБО:

«**земля нова**, аже азъ творю, пребываютъ предо мною»

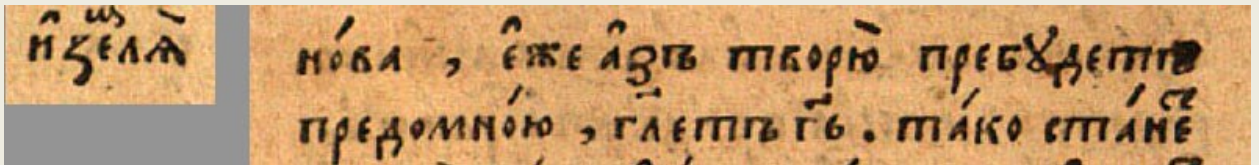
[Илл. 18-03-02-1. Библия издания Российского Библейского Общества, СПб, издание 7-е стереотипное, л. 349]

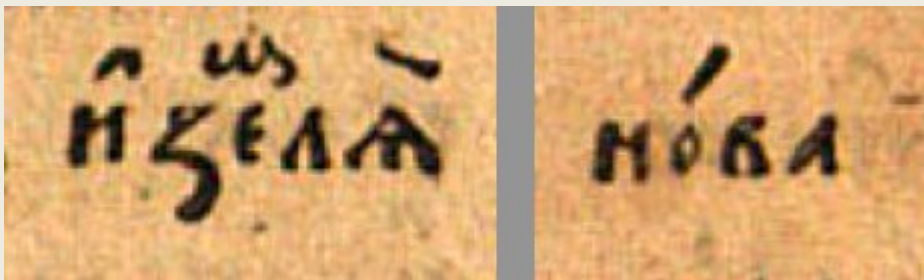
[Илл. 18-03-02-2. Там же. Фрагмент.]

1581. Острожская Библия:

«земла нова, яже азъ творю пребудеть предомною»

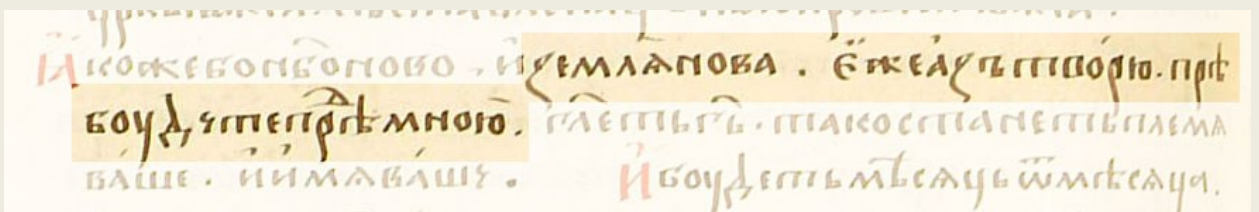
[Илл. 18-03-03-1. Острожская Библия, 1581, л. 93 об.]

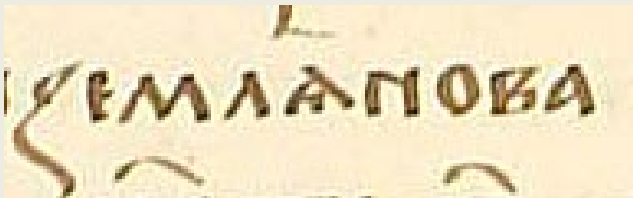
[Илл. 18-03-03-2. Там же. Фрагмент.]

XVI в. Пророки толковые (с упоминанием «попа Упыря Лихого»):

«ЗЕМЛА НОВА ЯЖЕ АЗЪ ТВОРЮ ПРЪБОУДЕТЕ ПРЕДЪ МНОЮ»

[Илл. 18-03-04-1. Пророки толковые, начало XVI в., РГБ, ф. 304.1 док. 89, л. 118.]

[Илл. 18-03-04-2. Там же. Фрагмент.]

XIII в. Паремийник:

«БУДЕТЬ <...> **ЗЕМЛА НОВА** АЖЕ АЗЪ ТВОРИ ПРЕДОМНОЮ»

[Илл. 18-03-05-1. Паремийник, XIII в., РГБ, ф. 304.1, док. 4, л. 74.]

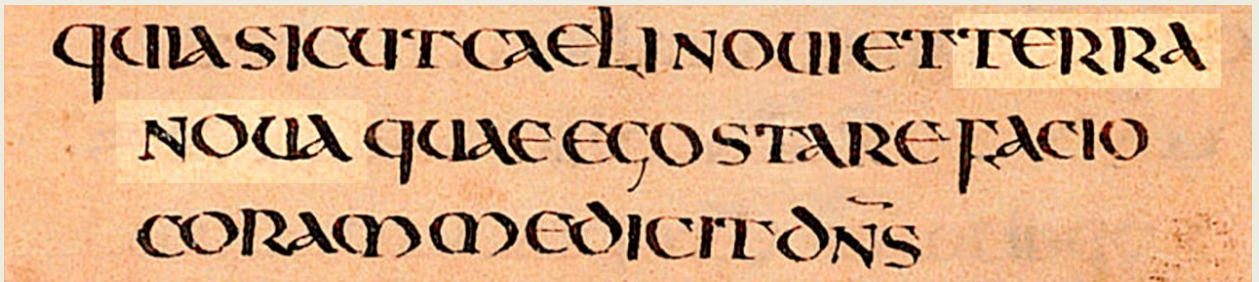
[Илл. 18-03-05-2. Там же. Фрагмент.]

Канонический латинский:

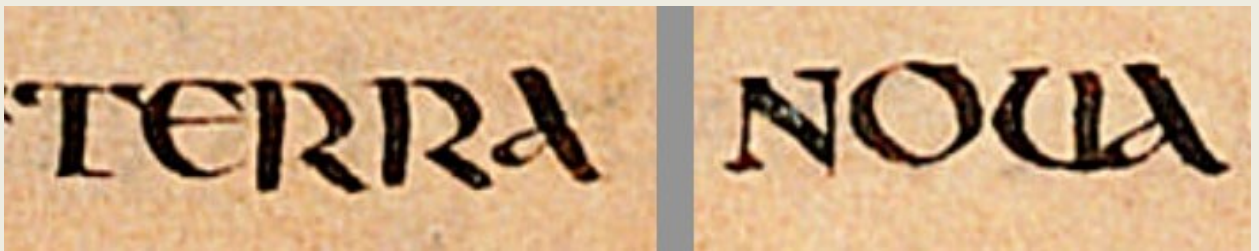
«**Terra Nova** quae ego facio stare coram me»

692. Амиатинский кодекс:

«**TERRA NOVA** QUAE EGO STARE FACIO CORAM ME»

[Илл. 18-03-06-1. Амиатинский кодекс. Библиотека Лауренциана, Флоренция, Cat. Sala Studio 6, Amiatino 1, л. 535v]

[Илл. 18-03-06-2. Там же. Фрагмент.]

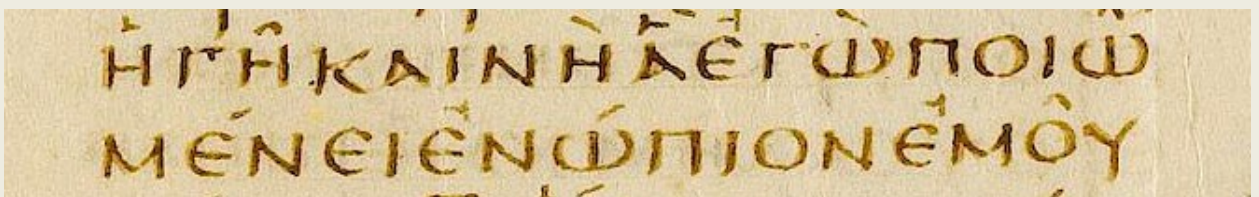
Канонический греческий:

«Γῆ Καινή, ἃ ἐγὼ ποιῶ, μένει ἐνώπιόν μου»

(ГИ кЭНИ, ГА эГО пиО, мЭни энОпиОн му)

350. Ватиканский кодекс:

«Γῆ καὶ νῆ α ἐγὼ ποιῶ μένει ἐνώπιόν μου»

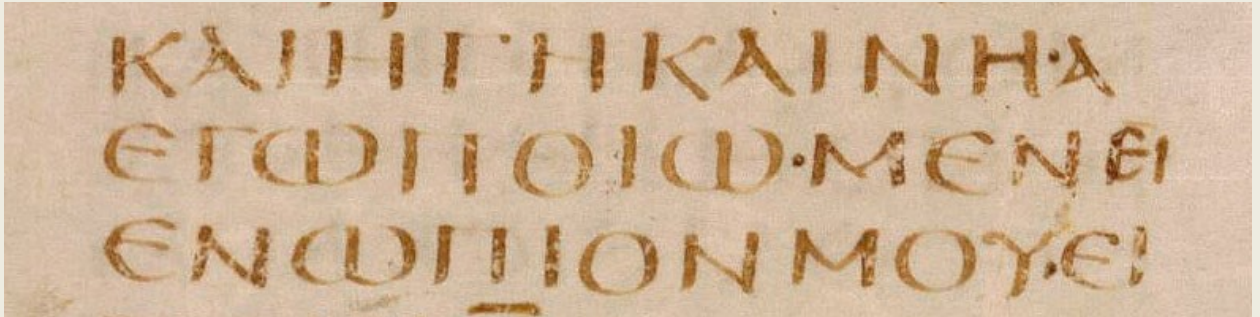
[Илл. 18-03-07-1. Codex Vaticanus 1209, Ватиканская библиотека, л. 1063]

[Илл. 18-03-07-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля»]

325-360. Синайский кодекс:

«ΓΝ ΚΑΙΝΗ Α ΕΓΩ ΠΟΙΩ ΜΕΝΕΙ ΕΝΩΠΙΟΝ ΜΟΥ»

[Илл. 18-03-08-1. Codex Sinaiticus, Британская библиотека, add. 43725, л. 68r. Между 325 и 360 годами]

[Илл. 18-03-08-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля»]

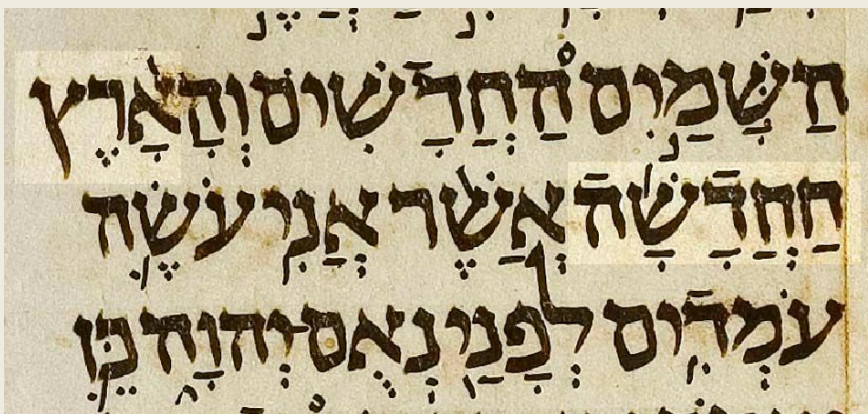
Канонический древнееврейский:

וְהָאָרֶץ הַחֲדָשָׁה אֲשֶׁר אֲנִי עֹשֶׂה עִמָּדִים לִפְנֵי

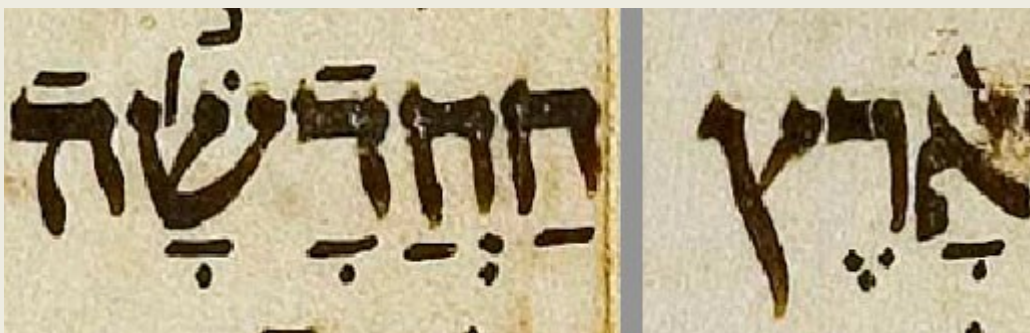
(э'ха'эрэц хахадашах 'ашэр 'аний йосэх йомэдийм лэфанай)

920. Алеппский кодекс:

«וְהָאָרֶץ הַחֲדָשָׁה אֲשֶׁר אֲנִי עֹשֶׂה עִמָּדִים לִפְנֵי»

[Илл. 18-03-09-1. Алеппский кодекс, 920, л. 130 об. Храм Книги, Иерусалим]

[Илл. 18-03-09-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля»]

125 до. н.э. Большой свиток Исайи (прочтение подчёркнутых букв предположительно):

«וְהָאָרֶץ הַחֲדָשָׁה אֲשֶׁר אֲנִי עֹשֶׂה עֲמָדִים לִפְנֵי»

[Илл. 18-03-10-1. «Большой Свиток Исайи», 1QisaA, л. 54. Храм Книги, Иерусалим]

[Илл. 18-03-10-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля»]

Острова

Ну вот мы и подошли к берегу океана под названием «Иврит». Дальше пути посуху нет. Что ж, ныряем.

И сразу попадаем на глубину. Потому что оказываемся вынужденными описывать язык с помощью языка же. То есть описывать одни слова с помощью других слов, описываемых с помощью третьих слов, описываемых с помощью... и так до бесконечности.

Ситуация была бы патовой, если бы естественный язык по счастью не был бы «мягким» объектом. То есть мы, например, говорим «корень является...», а по контексту все понимают, что «корень *как правило* является...»; мы говорим «гласная буква», а все понимают, что имеется ввиду «буква, *обозначающая гласный звук*»; мы говорим «трёхконсонантная основа», а все правильно понимают, что нам просто хочется поумничать.

«Желание понять» снимает проблему размытости значений, равно как и герметичности профессионального жаргона (ну да, «как правило»). Так жить уже можно.

А вот теперь ныряем.

Как уже говорилось (глава «Лирика», эпизод «Эффект больших чисел»), древнееврейское письмо – консонантное. То есть пишутся только согласные. Речь идёт именно о «письме», а не «языке».

Слова разделяются пробелами (что в древних письменностях скорее приятное исключение), читается всё справа налево.

Подавляющее большинство слов иврита в их записи – трёхбуквенные (так называемые «трёхбуквенные основы» – ну хорошо, «трёхконсонантные»). К ним могут добавляться ещё и разные приставки, окончания, и так далее (управляющие конкретной формой слова), но собственно «слово» характеризуют именно три буквы основы. Это практически правило.

Так вот, слово «остров» на иврите звучит, как «и», и записывается оно не тремя, а всего двумя буквами – «алеф» плюс «йуд» («х», читаем справа налево). Причём «йуд» здесь – гласная, а «алеф» не соответствует никакому звуку вообще, это «нуль-буква».

В каббалистической же практике «алеф» означает «бесконечную божественность», а «йуд» означает «бесконечность, содержащуюся в конечном» – что в чём-то сближает его с «вишварупой», одним из облиций Кришны (его «вселенской формой»), когда в его вполне антропоморфном теле становятся видны, как в стеклянном светящемся аквариуме, «плавающие» в нём все до единого объекты Вселенной, включая его самого («Бхагавад Гита», гл. 11).

Так что комбинация «алеф плюс йуд» (то есть «остров») соответствует понятию «бесконечная божественность, сфокусированная в точке». Или – на языке Бродвея – «бесконечно могущественный джинн, заключённый внутри медной лампы».

Уже по одному этому видно, что слово «остров» в древнееврейском языке – какое-то «нетипичное», особенное. Удивительно уже одно то, что оно вообще существует.

Ведь и действительно. Поскольку «слова» – это «идентификаторы понятий», то если не существует понятия, то нечего и идентифицировать. А географическая специфика как Иудейского, так и Израильского царств была такова, что там физически не существовало «компактных участков суши, окружённых со всех сторон водой». Кто видел Иордан, тот понимает, что «островами» там и не пахнет. И Мёртвое море, и Генисаретское озеро также островов не имеют. Так что «остров» в повседневной жизни древних израильтян – понятие абстрактное, в любом случае – чужестранное.

Но хотя подавляющее большинство древних израильтян ни разу в жизни не видело ни единого острова, само слово в языке, тем не менее, наличествовало. Так, на всякий случай.

И вот однажды этот случай случился. Возникла важная тема, раскрыть которую без слова «остров» оказалось по факту невозможно. И тема эта называлась «Ветхий Завет».

О терминологии. Поскольку христианский «Ветхий Завет» есть ничто иное, как перевод текстов еврейского «Священного Писания», то чтобы зря не плодить сущности, я здесь и далее буду использовать привычное слово «Ветхий Завет» – подразумевая под этим либо сами исходные тексты еврейского «Писания» («Танах»), либо, когда нужно, их переводы на русский язык (собственно «Ветхий Завет»).

Итак, «Ветхий Завет». В целом, слово «остров» присутствует там, как и следовало ожидать, в исчезающе малых количествах. Но есть там одно место, которое решительно выбивается из этого общего правила. А именно – «Книга пророка Исайи».

Половина всех случаев употребления слова «остров» во всех 39 книгах «Ветхого Завета» приходится на одну «Книгу Исайи». Для сравнения, если в «Пятикнижии Моисея» («Бытие», «Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие») слово «остров» встречается один-единственный раз, то в «Книге Исайи» мы видим целых семнадцать «островов», образующих полноценный архипелаг.

«Книга Исайи» занимает в структуре «Ветхого Завета» совершенно особое место. В еврейской традиции – это центральный манифест, провозглашающий грядущую ключевую роль еврейского народа в мировой истории. Приверженцы же христианского учения усматривают в «Книге Исайи» намёки на скорый приход в мир Спасителя (четыре так называемые «Песни раба Господня», 42:1–4, 49:1–6, 50:4–9, 52:13–53:12). Дзен-буддисты читают «Книгу Исайи» с буддийским спокойствием и видят в ней всё, что только можно видеть во всём.

В нашей обыденной речи «Книга Исайи» присутствует повсеместно. «Глас вопиющего в пустыне» – это оттуда (40:3). Денно и ночью (хотя и безрезультатно) мы «перековываем мечи на орала» тоже с подачи Исайи (2:4). Выражение «Муж скорбей, изведавший болезни» имеет аналогичное происхождение (53:1–3).

И моё любимое место, выдающее детальное знакомство автора «Книги Исаяи» с предметом описания – «цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхняя одежда и нижняя, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала» (3:16-22). А именно, детальный список всего того, чего вскоре лишатся «дщери Сиона» за то, что они ведут себя высоко – мало того, что «вознесошася» и «ходиша высокою выею», так ещё при этом и «гремят цепочками на ногах». Кстати, это одно из тех немногих мест, которое абсолютно выиграло в русском переводе (по сравнению с древнеболгарским).

Далее. Пушкинский «Пророк» («Духовной жаждою томим... И шестикрылый серафим...») – ничто иное, как поэтический пересказ 6-й главы Книги Исаяи (6:2-9).

Встречаются там и вовсе занятные обороты. Типа: «Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски» (24:16). Или: «Вы – ничто, и дело ваше – ничтожно; и мерзость тот, кто голосует за вас» (41:24).

Сама «Книга Исаяи» неоднородна. В ней отображён значительный по протяженности отрезок истории – до, во время и после Вавилонского плена. Исходя из этого, а также по ряду других признаков установлено, что эта книга никак не могла принадлежать перу одного автора.

Всего в книге 66 глав. И в любом случае главы 1-39 писал кто-то один (или – одни, «Перво-Исаяя»), а главы 40-66 – кто-то другой (или – другие, Второ-Исаяя). Эти две части сильно отличаются одна от другой и по лексике, и по тематике, и по всему. Я не буду в дальнейшем каждый раз уточнять, о котором Исаяе в данном конкретном случае идёт речь – это и так будет понятно по контексту. Как правило это будет «Второисаяя».

Кстати, «Книга Исаяи» – это единственная библейская книга, чей текст в «Кумранских свитках» представлен полностью, от первого до последнего слова.

Теперь о самих «островах». Их в «Книге Исаяи» много. Избыточно, необъяснимо много. И почти все они сосредоточены во второй части, в главах с 40 по 66.

При чтении Исаяи местами возникает ощущение, что не слова у него служат делу смысла, а смысл служит формальным предлогом для включения в текст нужных ему слов. Во всяком случае это относится к «островам».

«вот, острова как горошинку поднимет Он» (40:15)

«увидели острова и ужаснулись, концы земли затрепетали» (41:5)

«реки сделаю островами» (42:15)

«слушайте Меня, острова» (49:1)

«острова будут уповать на Меня и надеяться на мышцу Мою» (51:5)

«дальние острова, которые не слышали обо Мне» (66:19)

И так далее, и так далее.

И, наконец, знаменитое место, напрямую касающееся как «островов», так и основной нашей темы. Первый стих сорок первой главы «Книги Исаяи».

Обновляйтесь или умолкните

Одна волшебная фраза волновала меня с самого детства:

«Обновляйтесь ко мне, острова»

Ею начинался первый стих сорок первой главы «Книги Исайи».

Уже в зрелом возрасте я решил перечитать это место, открыл «Книгу Исайи» на первом стихе 41 главы и... не обнаружил там этих слов. На тщательно затёртом белом фоне значилось: «Умолкните предо Мною...» и так далее.

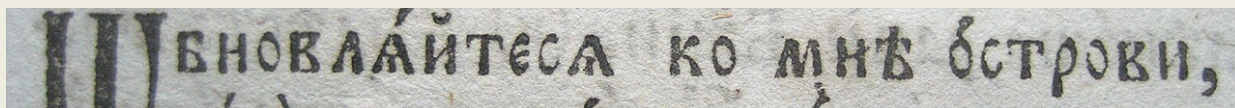
Что за наваждение? Раньше острова «обновлялись», а теперь почему-то стали «умолкать». Что случилось?

А случился, как выяснилось, «синодальный перевод» Библии, декларировавший восстановление «исторической правды». Перевод этот завершился к 1876 году, так что я, выходит, просто несколько отстал от жизни. Текст, как я понял из пояснений людей сведущих, стал таким, каким он был изначально.

Ради интереса, я решил посмотреть, каким же он был «изначально», шаг за шагом. Давайте повторим это вместе.

– 1820. Библия издания РБО:

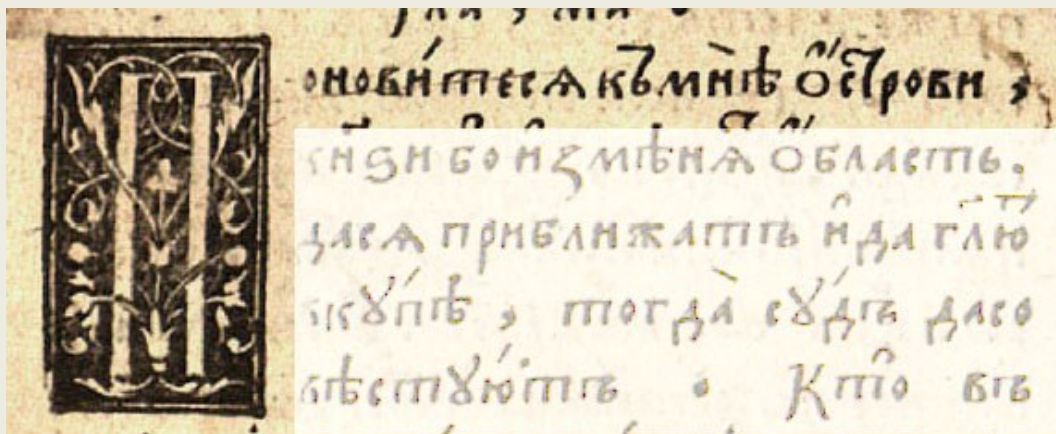
«Сбновлайтеца ко мнѣ острови»

[Илл. 18-05-01-1. Библия Российского Библейского Общества, СПб, издание 7-е, стереотипное, л. 340]

– 1581. Острожская Библия:

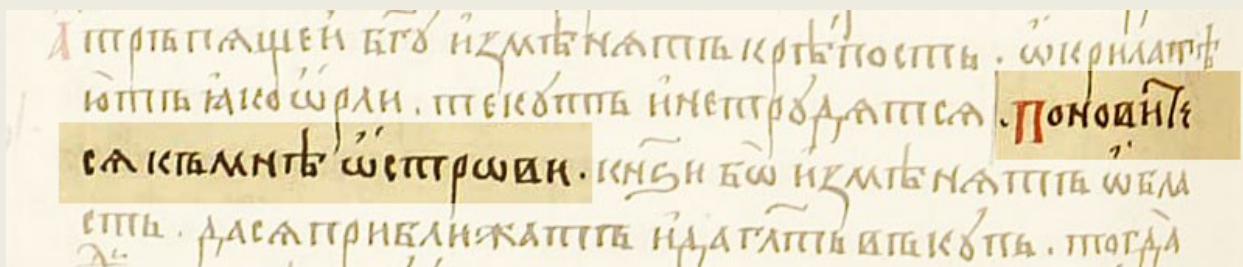
«Поновитеса къ мнѣ острови»

[Илл. 18-05-02-1. Острожская Библия, 1581, л. 83 об.]

– 1489. Пророки толковые (восходит к списку 1047 года Упыря Лихого):

«ПОНОВИТЕСА КЪ МНѢ СОСТРОСОВИ»

[Илл. 18-05-03-1. Пророки толковые, Исайя 41:1, РГБ, ф. 173.1, док. 20, л. 143 об.]

Пока установилось следующее. В древнеболгарском («церковнославянском») переводе стиха 41:1 «Книги Исайи», «острова» всегда и исключительно «обновлялись» (в крайнем случае «поновлялись»), начиная с самых ранних версий. Интересно, а как это место выглядело в «оригинале»?

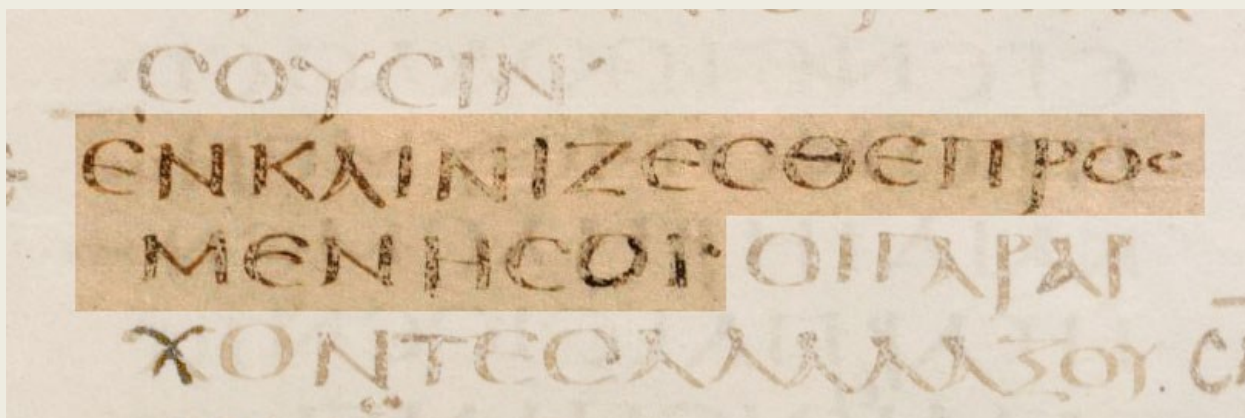
Для южно- и восточно-славянской ветвей библейских переводов «первоисточниками», как мы помним, служили в основном греческие кодексы. Посмотрим, как это всё было там.

– Канонический греческий:

«ἐγκαίνιζεσθε πρὸς με νῆσοι»

– IV в. Синайский кодекс:

«ENKAINIZECΘE ΠPOC ME NHC OI»

[Илл. 18-05-04-1. Синайский кодекс, IV, Исайя 41:1, л. 58.]

Давайте переведём что тут написано и сравним.

Слова «πρὸς με νῆσοι» означают «...предо мной, острова», это просто. Первое же слово («ἐγκαίνιζεσθε») требует некоторой аккуратности.

Согласно грамматике древнегреческого языка, окончание «-σθε», присоединённое к основе через гласную «-ε», указывает на форму 2-го лица множественного числа повелительного наклонения в страдательном или общем залоге (С. И. Соболевский, «Грамматика древнегреческого языка», параграфы 506, 508).

Значит, инфинитив у нас получается вот какой (вычитаем окончание «-σθε» и соединительную «-ε-», а потом прибавляем «-ω») – «εὐκαίνιζω». А для этой формы у нас имеются уже словари, аж целых три. Смотрим.

«Εὐκαίνιζω»:

- 1) вводить, устанавливать;
- 2) вновь открывать (Посл. Евр. 10:20)

(Греческо-русский словарь Нового Завета, с. 66. РБО, 2002)

- 1) заново прокладывать или открывать
- 2) впервые (заново) вводить, освящать

(Древнегреческо-русский словарь, сост. И. Х. Дворецкий, т.1, с. 448, М. 1958)

- 1) restore [восстановить, возобновить, возродить] (LXX Ис. 16:11)
- 2) make afresh [воссоздать, обновить] (Посл. Евр. 10:20)
- 3) consecrate, inaugurate [освятить, ввести в строй] (3 Царств. 8:63)

(A Greek-English Lexicon, сост. H. G. Liddell, R. Scott, p. 469, New Supp. Add. Edition, NY, 1996)

Итак, пока что слово «обновляйтесь» в переводе с греческого у нас что-то не очень просматривается. Определённый оттенок «новизны» в нашем слове – да, есть, но именно оттенок. «Новизна» присутствует здесь скорее косвенно – примерно в той же степени, в какой она присутствует в понятии «инаугурация» (применительно к физическому лицу) или «введение объекта в строй» (применительно архитектурному сооружению). Так, всё-таки, как же лучше перевести это слово на русский?

Если бы речь шла о культовом объекте строительства, то точнее всего подошло бы слово «освящайтесь». Собственно, именно так и понимают это место из «Книги Исайи» носители языка (греческого). Так что, наверно, на этом варианте следовало бы остановиться и нам – если бы...

Если бы мы были абсолютно уверены в двух вещах: 1) что перевод данного места на древнеболгарский язык осуществлялся действительно с греческих «кодексов», и 2) что греческие «кодексы» (которые, в свою очередь, сами являются переводами с иврита) также ничего в этом месте не напутали.

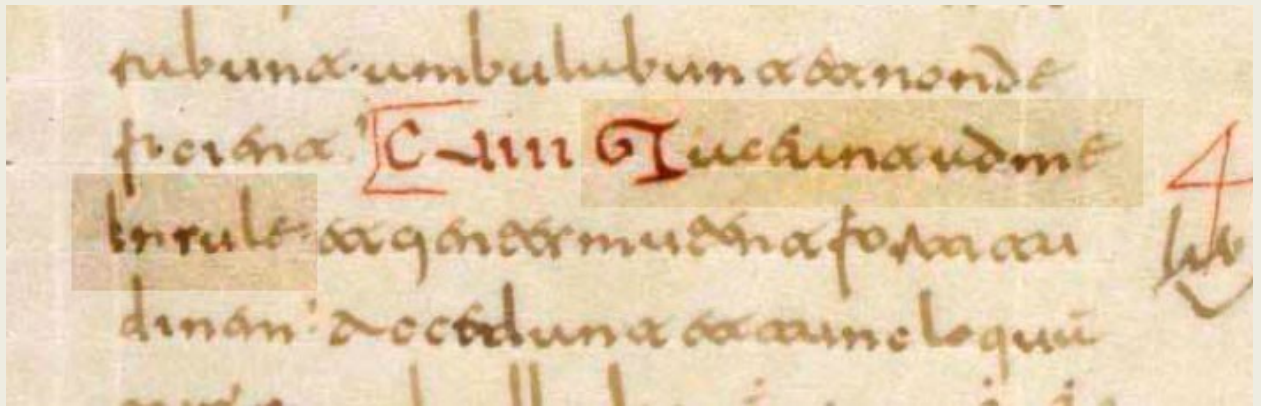
А как, кстати, это место выглядит в латинской версии? А вот как:

– Канонический латинский:

«taceant ad me insulae»

– 988. Толедский кодекс:

«Taceant ad me insule»

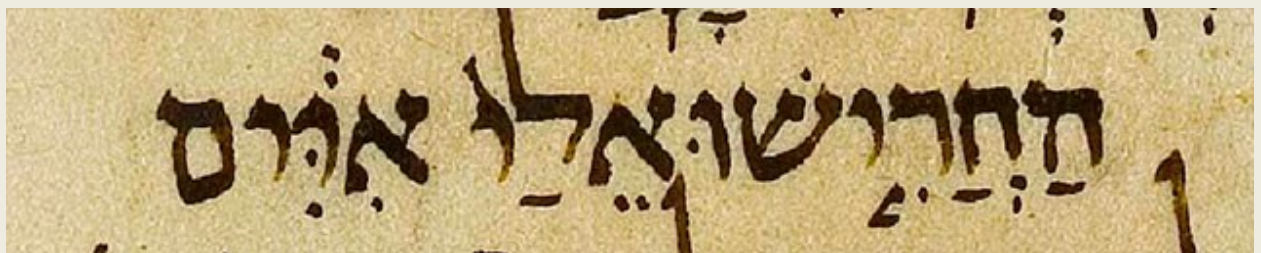

[Илл. 18-05-05-1. Толедский кодекс, 988, Исайя 41:1, л. 115.]

Ну, вот. Латинский вариант однозначно льёт воду на мельницу нашего родного «синодального перевода». Латынь двусмысленности не терпит, тут написано чётко: «Умолкните предо мной, острова». Так где же истина?

Истину искать следует в «первоисточнике». А таковым в данном случае является древнееврейский вариант. Так вот:

– 920. Алеппский кодекс:

[Илл. 18-05-06-1. Алеппский кодекс, 920, л. 120.]

Перед тем, как перейти к переводу и интерпретации этой надписи, хочу чётко оговорить один момент. Древнееврейский алфавит – алфавит знаменитый. Он – весьма древний, от него произошли многие другие, им написаны важные тексты, буквы его священны и он столь хорош, что используется в современном письме без каких-либо изменений.

Всё это так. Но было бы ошибкой его абсолютизировать. Есть и еврейском алфавите определённые недостатки (да простят меня каббалисты).

Два главных требования, предъявляемых к любому алфавиту, это 1) удобство написания знаков, и 2) высокая распознаваемость знаков при всевозможных их искажениях.

Понятно, что эти два требования находятся в прямом противоречии друг с другом – и удачность (или не-удачность) того или иного алфавита определяется тем, насколько хорошо найден компромисс.

В этом смысле непревзойдённым мне представляется корейское письмо, «хангыль». Его проста, чёткость, логичность и какая-то даже «абсолютность» поначалу даже подавляют. Потом, когда понимаешь, что всё-таки и здесь имеются некоторые проблемы (например, с масштабированием), успокаиваешься.

А вот у еврейского письма проблемы есть изначально. Эти буквы удобно писать, а вот отличить одну от другой порой очень непросто. Сходу могу назвать семь (!) букв, которые при не очень аккуратном написании отличить одну от другой практически невозможно. Это – «далет», «вав», «зайн», «йуд», конечная «каф», конечная «нун» и, конечно, «реш».

Эта проблема придумана не мной, она хорошо известна гебраистам. Если говорить, например, о «Кумранских свитках», то сошлюсь на мнение авторов самой авторитетной публикации всех известных версий «Книги Исаии» из числа «Кумранских свитков» – Евгения Ульриха (Eugene Ulrich) и Питера Флинта (Peter W. Flint). Которые прямо заявляют, что в указанных рукописях имеет место массовое смешение между собой букв «далет», «реш», «вав», «йуд», «зайн» – а также «others» («Discoveries in Judean Desert», vol. 32, part 2, p. 61, Oxford, 2010).

Из указанных выше семи «букв-близнецов» еврейского алфавита нас пока будут интересовать только две – «далет» (звук «д», «т») и «реш» (звук «р», «р»). Пишутся они обе, как русская буква «Г», только «перекладиной» влево.

[Илл. 18-05-07-1. Примеры неразличимого написания букв «далет» и «реш» в Алеппском кодексе, л. 130 об.]

И второй важный момент. Традиционно, исследователи «Ветхого Завета» вооружаются перед началом работы двумя вещами: собственно текстом и априорным представлением о том, что именно в изучаемом тексте «на самом деле» написано. Вторая вещь есть ничто иное, как сложившаяся «традиция прочтения».

Но есть и другой подход, предполагающий максимальную ориентацию на сам исходный текст. Мы попробуем подойти к прочтению интересующего нас слова именно с этих позиций. А значит, нам, в частности, придётся временно отказаться от введённой в Средние века системы «огласовок». Это вот что такое.

На размещённой выше картинке (фрагмент Алеппского кодекса) под и над каждой строкой можно видеть характерные чёрточки и точки. С их помощью в данной рукописи обозначены отсутствующие гласные.

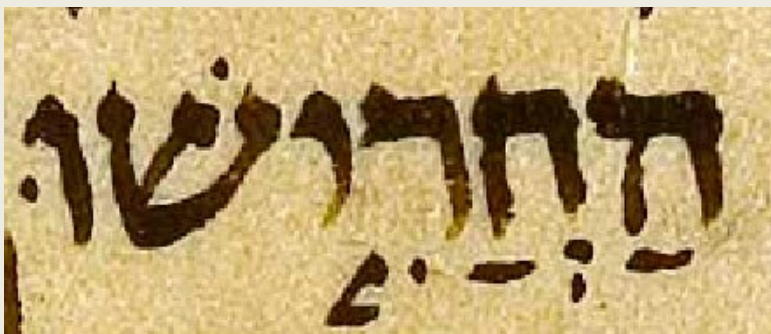
Как я уже говорил, в еврейском письме гласных нет (почти). Их нет ни в древнейших рукописях, ни в современном письме.

Однако в Средние века была-таки искусственно разработана система особых знаков, обозначающих пропущенные гласные. И эти знаки с некоего момента стали добавляться в библейские тексты при их копировании. Статус этих «огласовок» (отсутствовавших в более ранних копиях) – это «пометки, фиксирующие текущий способ прочтения текста», то есть – некое «привносное мнение» по поводу его содержания.

То, что IX веке «огласовки» наконец появились – честь им и хвала, это очень полезная вещь. Однако, в случае спорного или неочевидного прочтения какого-то места, апеллировать к ним было бы неправильно. Соответственно, мы не будем их пока учитывать и будем исходить из того, что в первоисточниках никаких указаний на конкретный способ огласовки нет.

А теперь можно двинуться дальше. С учётом двух вышеприведённых замечаний мы можем попробовать перевести начальные слова 41 главы «Книги Исая» с древнееврейского.

Второе и третье слово («דָּוִד וְיִשְׁרָאֵל») подвоха не предвещают, они переводятся, как «предо мной (или – «ко мне»), острова». А вот первое (то есть – самое правое) слово разберём подробнее. В нём шесть букв («ב-ה-א-ל-ה-י») – среди которых нам нужно отыскать «трёхбуквенную основу», чтобы правильно перевести это слово. Систему «огласовок», напомним, мы учитывать не будем.

[Илл. 18-05-08-1. Алеппский кодекс, Исая 41:1, л. 120.]

Буквы, находящиеся на позициях 1, 4 и 6 – «хей», «йуд» и «вав» соответственно (не забываем при этом, что отсчёт ведётся справа налево) – эти три буквы являются служебными. С их помощью, в строгом соответствии с грамматикой иврита, здесь образовано повелительное наклонение множественного числа глагола, относящегося к биньяну (формообразовательной модели) «хифиль». Принадлежность глагола к биньяну «хифиль» придаёт ему некоторый дополнительный смысловой оттенок – оттенок «понуждения к действию» (в данном случае в дополнение к собственно «повелительному наклонению»).

Таким образом буквы на позициях 1, 4 и 6 – отбрасываем, и получаем в результате «трёхбуквенную основу». А именно – «х-Р-ш» («שרח»).

Или – «х-Д-ш» («שחך»)?

Ведь, как мы только что видели, буквы «реш» и «далет» отличить в рукописи бывает невозможно.

Так, всё-таки – «х-Р-ш» или «х-Д-ш» стоит в начале 1 стиха 41 главы «Книги Исаяи»? Это большая разница. Если не акцентироваться на правомочности применения здесь биньяна «хифиль» (в обоих случаях это равно не вполне соответствует современной практике), то в первом случае стих начинался бы словом «Умолкните!» («ישכח»), а во втором – «Обновляйте(сь)!» («ישחך»).

Понятно, что различие – существенное. Только вот при прочтении рукописи определить, что именно в ней в данном случае написано – технически не представляется возможным.

Получается, что обе версии перевода – «Умолкните предо мной, острова» и «Обновляйтесь ко мне, острова» – равновероятны и, значит, равноправны?

Не совсем. Если при простом разглядывании той или иной рукописи отличить «далет» от «реш» действительно не представляется возможным – то при «микроскопировании» рукописи (то есть изучении её под большим увеличением) отличия в этих буквах ухватить удаётся. Конкретно – по направлению движения пера. Буква «реш» пишется одним движением, без отрыва пера от бумаги. Буква же «далет» пишется внешне точно так же, но двумя отдельными чертами. И микронаплывы одной черты на другую выдают нам, что именно переписчик в том или ином случае конкретно имел в виду.

И результаты микроскопирования (в чём я имел возможность убедиться сам) показывают со всей определённой – в имеющихся древнееврейских рукописях «Книги Исаяи», первый стих 41 главы начинается точно со слова «умолкните» (вариант «х-Р-ш»). Без специальных приборов читатель не может это видеть, но переписчик писал именно это слово.

Значит, мы имеем – что? При переводе с иврита на греческий, переводчик совершил ошибку (более чем естественную) и, спутав две одинаковые в написании буквы, перевёл это место, как «Освещайтесь предо мной, острова».

Другой переводчик, в другое время и в другой стране, совершил в этом же месте аналогичную ошибку – и перевёл данную фразу, как «Обновляйтесь ко мне, ост-

рова». Этот ошибочный «болгарский» перевод перекликается с ошибочным же «греческим» переводом, но один из другого напрямую не следует (поскольку греческое «εὐκαὶνίζεσθαι» не даёт в переводе «умолкните»).

Два человека, независимо один от другого, споткнулись об один и тот же камень. Просто камень лежал так, что нельзя не споткнуться.

Небольшое побочное следствие из данного заключения – «болгарский» переводчик переводил, выходит, данное место не с «греческого» (как принято считать), а непосредственно с «еврейского» источника.

А уже много потом, при правильном «синодальном переводе», эта ошибка болгарского перевода была исправлена. Только и всего. Теперь всё хорошо.

Итак, «Умолкните предо мной, острова». Так и только так. Вопрос закрыт.

Рассекая тернии: смысл порождает значение

(Условия Далласа – Столяр перепрыгивает льва – Правило пазла – Поля разбегающихся значений – Хараш-хаос – Заговор молчания – Утерянное значение – Под сенью биньянов в цвету – Обретённое значение – Конечная истинность)

Условия Далласа

У меня есть один глупый вопрос: а откуда мы знаем, что слово, имеющее основу «х-р-ш», переводится как «умолкать»?

Вопрос действительно глупый, поскольку на земле живут как минимум десять миллионов человек, для которых иврит – родной язык. И каждый второй из них подтвердит, что слово «умолкать» имеет основу именно «х-р-ш». Есть, в конце концов, и словари.

Тогда я уточню свой вопрос. Откуда известно, что во время написания «Книги Ис-айи», в тех местах, где она писалась, «х-р-ш» обозначало ровно то же самое, что и сейчас?

Тут, конечно, надо смотреть. Но – тоже: существуют соответствующие словари. В данном случае, будто как раз для наших целей, составлено несколько специальных словарей «Библейского иврита» (например: Brown, Driver, Briggs: «A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament», Кембридж, 1906). В них собран весь словарный запас «Ветхого Завета» (включая словоформы) с указанием точных, вероятных, возможных и чисто гипотетических значений каждого слова в каждом случае его употребления в Библии. Чего ещё?

А вот чего: хотелось бы при этом понимать, откуда берутся сами эти словари. И вообще: как технически могут возникать словари мёртвых языков. Или пусть даже не «мёртвых», а языков крайне ограниченного распространения.

Хорошо, конечно, когда обнаруживается двуязычный текст, типа «Розеттского камня». Это, по сути, и есть готовый словарь мёртвого языка. А если такого камня нет?

Так вот. Строго говоря, даже двуязычные тексты для составления словаря «мёртвого» языка не требуются. А требуются всего три вещи: 1) Достаточный корпус текстов на этом языке, 2) Допущение об осмысленности этих текстов, и 3) Совпадение хоть в какой-то степени жизненного опыта авторов этих текстов с жизненным опытом переводчика («Условия Далласа»).

Больше ничего, теоретически, не нужно, можно уже составлять словарь. Механизм его составления будет точно таким же, какой он на практике существует и сейчас при составлении словарей языков специфического употребления, а именно – механизм голого подбора значений по смыслу. Вот как это происходит.

Столяр перепрыгивает льва

Допустим, у нас имеются две строки текста по три слова в каждой, всё – на неизвестном языке:

Ба би бу.
Га ги гу.

Для начала, всем шести словам можно приписать произвольные значения, удовлетворяющие условию осмысленности отдельных предложений. Например:

Ба – «столяр»
Би – «резать»
Бу – «перила»

Га – «дождь»
Ги – «мочить»
Гу – «поле»

Пока всё получается логично:

Столяр режет перила.
Дождь мочит поле.

Однако наши тексты на неизвестном языке не исчерпываются приведёнными двумя строками. В архивах обнаруживается третья строка:

Га ги бу.

Переводим её согласно нашему «словарю»:

Дождь мочит перила.

Смысл есть. Пока словарь «работает». Но вот при раскопках находят некий обрывок пергамента с четвёртой строкой, а именно:

Ба би гу.

Что должно было бы означать:

Столяр режет поле.

Но поле «резать» нельзя, в любом случае «так не говорят». Данная фраза лишена смысла. Ничего страшного, просто наш словарь подлежит лёгкой корректировке. Меняем значения последних его трёх элементов на новые. Попробуем так:

Га – «лев»
Ги – «перепрыгивать»
Гу – «курица»

Теперь все четыре имеющиеся в нашем распоряжении строки снова будут обладать смыслом:

Ба би бу.
 Га ги гу.
 Га ги бу.
 Ба би гу.

Столяр режет перила.
 Лев перепрыгивает курицу.
 Лев перепрыгивает перила.
 Столяр режет курицу.

Так, шаг за шагом, методом последовательных итераций, подбирается максимально «смыслонаполненное» средневзвешенное понимание текста, а вместе с этим и словарь его языка.

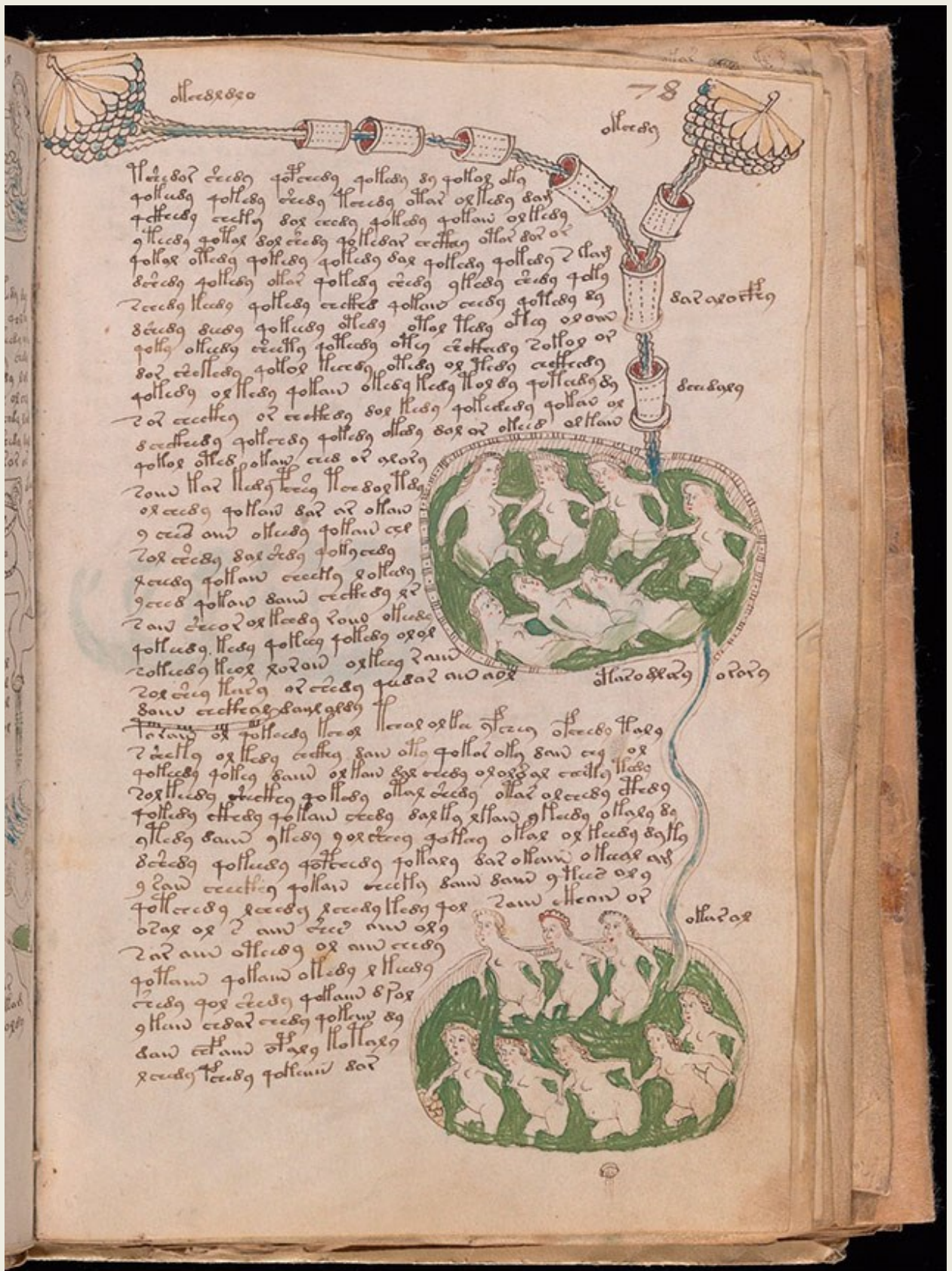
Ха-ха-ха, – скажете вы, – вот и переведи тогда «Книгу Войнича».

Уж да, это вы срезали. Что тут можно сказать? Ну, для начала, следующее. Нет никакой уверенности в том, что «книга Войнича» написана на естественном языке, а для взлома шифров данная техника не предназначена. Во-вторых, нет уверенности в том, что книга удовлетворяет «2-му условию Далласа» (то есть, что она исходно писалась, как осмысленная). А в-третьих, именно этим всё ещё, глядишь, и кончится. Понятно, что если человек берётся за перевод «книги Войнича», то он пропал – но ведь вы этого и хотели, не так ли?

И я бы начал там с двух вещей. Для начала отказался от соблазна использования готовых «слов», подбрасываемых нам автором книги. Весь текст нужно обратно слить в единую последовательность символов, после чего вычленять из неё слова самостоятельно. Когда же новый корпус «слов» будет определён, я бы пристально посмотрел на самые ходовые «трёхбуквенники» (а они обязательно всплывут) с точки зрения «пустых объектов». Есть у меня смутные подозрения, что как минимум часть «слов» в «книге Войнича» является «нуль-словами», используемыми исключительно для заполнения технологических объёмов.

В любом случае, кто бы когда бы ни прочитал «книгу Войнича», он скорее всего прочтёт ещё один справочник по растениям. «Травник» – он и есть «травник», какими буквами его ни пиши.

А вот для примера пара картинок из этой книги.

[Илл. 18-06-01-1. «Книга Войнича», л. 78r.]

[Илл. 18-06-02-1. «Книга Войнича», л. 53.]

«Правило пазла»

«Для текста достаточного объёма, каждое слово которого встречается в нём достаточное количество раз в разных контекстах, существует один и только один способ поставить в соответствие каждому слову некое значение, при котором все части исходного текста будут иметь смысл.»

Поля разбегающихся значений

Приведённый выше пример со столяром и львом, казалось бы высосанный из пальца, на самом деле раскрывает реальный механизм перевода текстов с неизвестных языков.

Если текст совсем короткий, то в рамках предложенной выше процедуры его можно «перевести» бесконечным количеством разных способов, это да. Но по мере удлинения текста, количество возможных вариантов перевода стремительно уменьшается (для этого и нужен Пункт 1 «Условий Далласа»). Поскольку – множество вариантов отбраковываются условием наличия смысла (Пункт 2). А понятие «смысла» в свою очередь определяется условием более-менее общего понимания «жизни в целом» (Пункт 3).

Рассмотрим теперь более распространённый случай. У нас есть текст на «мёртвом» языке, значения всех слов которого, кроме одного, нам откуда-то уже известны. И вот нужно определить значение последнего оставшегося неизвестного слова.

Начинается чистый подбор. При этом всегда наблюдается следующая картина. Мы легко подбираем значение неизвестного слова для некоего предложения А. Даже – множество разных значений, при которых при всех предложение А обретает какой-никакой смысл.

Но в нашем тексте есть также предложение Б с тем же словом. И далеко не все значения, подходившие для А, будут подходить и для Б. А ведь у нас есть ещё предложения В, Г, Д – и сотни других.

По мере вступления в игру новых случаев словоупотребления, выбор приемлемого значения для нашего слова всё больше сужается. В конце-концов, из всех исходных «подходящих» его значений остаётся только одно – и это в лучшем случае. А в «обычном случае» не удаётся найти даже одного значения слова, чтобы оно «работало» во всех имеющихся контекстах.

Тогда поступают так. Говорят, что у этого слова имеется, выходит, не одно, а целых два совершенно различных словарных значения. Но и двух значений часто не хватает.

Тут главное начать – и вот уже составители словаря делают допущение о наличии у злополучного слова трёх, четырёх, десяти разных значений – столько, чтобы все случаи его употребления перекрывались бы этими значениями. Зрелище, конечно, жалкое. А куда деваться?

Как ни странно, в результате получаются порой неплохие словари. Надо только понимать, что приводимые там варианты перевода того или иного слова имеют не абсолютный, а предположительный характер. Где многие даваемые значения следовало бы помечать сноской «предлагается за неимением лучшего». В некоторых словарях так, собственно, и поступают. При этом у любого слова всегда остаётся ещё нераскрытый ресурс необнаруженных пока значений.

Наше «интуитивное» представление о том, что составление словаря должно обязательно предшествовать расшифровке текста («сначала делаем словарь, а потом с его помощью переводим»), в корне не верно. Появление словаря забытого языка не предваряет работу по «прочтению» текста, а является итогом этой работы. Причём не просто «прочтению», а глубокому критическому осмыслению текста как в целом, так и в деталях. Словарь, по большому счёту, есть квинтэссенция самого «понимания текста» научным сообществом, подводящая черту под его изучением.

Повторим ещё раз. При работе с неизвестным языком не «значения слов определяют смысл фраз», а наоборот – «смысл фраз по факту порождает значения входящих в них слов». Суть расшифровки контекстна.

А теперь, в свете всего вышесказанного, посмотрим что у нас имеется на тему «х-р-ш» в словарях библейского иврита.

Здесь и далее под «х-р-ш» подразумевается «слово или слова, имеющие трёхбуквенную основу Х-Р-Ш».

Хараш-хаос

Как только вы заглядываете в «библейские» словари на предмет основы «х-р-ш», вас тут же погребает под собой лавина мыслимых и немыслимых значений. Только краткое их перечисление способно погрузить человека в глубокие, но бессмысленные рассуждения о смысле существования «смысла».

Например, на полторы сотни случаев появления «х-р-ш» в «Ветхом Завете», словарь Брауна предлагает нам больше 20 различных (далёких между собой) значений.

Вот только одни существительные и только некоторые. «Вспахивание», «глухота», «гравировка», «инструмент» (режущий), «злоумышление», «зелье», «колдун», «кувшин», «лес» (густой и предпочтительно на вершине холма), «молчание», «плуг», «резьба» (по дереву), «ремесленник» (в том числе отдельно любая специальность), «рисунок», «таинственность», «черепица», целый ряд предположительных топонимов: «Хереш», «Харша», «Харшаим», «Харошеф», «Кирхарес» – и так далее.

Перечисленные значения задействованы в тексте в разной степени. Вот пятёрка лидеров: глаголы (все вместе, ниже разберём) – 51%, «ремесленник» – 29%, «черепица» – 11%, «оглохший» – 6% и «густой лес» – 4%.

Поскольку в «Книге Исайи» в интересующем нас стихе 41:1 стоит, судя по всему, глагол, взглянем на предлагаемый нам ассортимент глагольных значений слов, имеющих основу «х-р-ш».

«Вспахивать», «глохнуть», «гравировать», «замышлять», «колдовать», «разрезать», «рисовать», «темнить», «умолкать».

Да... разброс значений большой. И как же нам узнать, которое из них было использовано в данном конкретном случае (41:1)?

Если вы задаётесь этим вопросом, значит не до конца поняли смысл предыдущего раздела. Всё происходит с точностью до наоборот. Сначала исследователи договариваются, какой смысл фразы (с «х-р-ш») они согласны в данном случае видеть, а потом, исходя из этого, уже выбирают нужное значение из имеющегося списка – или добавляют в этот список новое значение, какое требуется. Если толкователи текстов посчитают, что в каком-то месте хорошо бы увидеть «дубраву на холме», то «х-р-ш» будет считаться в этом месте «дубравой на холме», а не, скажем, «глиняным кувшином» или «городом Кирхарес», как это считалось ещё несколькими строками выше. Пример реальный, смотрите «Исайя, 17:9».

Заговор «молчания»

Поскольку «значение» слова, как мы убедились, подбирается достаточно свободно исходя из соображений оптимизации смысла, то стоит присмотреться внимательней, как обстоят дела с этим самым смыслом в стихе 41:1 «Книги Исайи». В русском переводе это место звучит так:

«Умолкните предо Мною, острова, и народы да обновят свои силы;
пусть они приблизятся и скажут: «Станем вместе на суд».

(Ис. 41:1)

Грамматически здесь всё, вроде бы, нормально. Но с точки зрения смысловой наполненности есть небольшие вопросы.

В терминах «семантической инженерии» первая часть предложения (до «островов» включительно) представляет собой классическую «нуль-фразу». Это такие фразы, которые хотя ничем не мешают, но и ничем не помогают в формировании смысла. Обычно они используются в «семантических процессорах» в качестве разного рода «заглушек».

Говоря попросту, на месте «нуль-фразы» с равным успехом может стоять любая другая фраза определённого типа, ничего от этого не изменится. «Слушайте меня, острова», «Преклоняйтесь предо мной, острова», «Глядите на меня, острова», «Восшумите предо мной, острова», «Не шумите предо мной, острова». По форме это вроде бы призыв. Но такой, который ни к чему конкретному не призывает.

Никаких претензий к автору фразы у меня, естественно, нет – он написал, как посчитал нужным. Я сейчас обсуждаю не содержательность этой фразы, а достаточность этого содержания для того, чтобы убедительно обосновать выбор переводчиками для «х-р-ш» значения «умолкните» – в данном конкретном месте.

Ведь выбор-то был, и не маленький. Даже если отбросить редкие и экзотические значения, предлагаемые для «х-р-ш» – да даже если оставить только два самых ходовых значения – и то мы имеем реальную возможность выбора.

В качестве глагола наиболее часто «х-р-ш» встречается в библейских текстах в двух значениях – «вспахивать» и «умолкать» (в сумме – около 75% всех глагольных употреблений «х-р-ш»).

Соотношение же между «вспахивать» и «умолкать» неустойчиво по выборке. Если брать по всему «Ветхому Завету», то будет 1:2 («вспахивать» – «умолкать»). Если же по совокупности шестнадцати книг Пророков (куда входит и «Книга Исайи»), то пропорция обратная – 2:1 («вспахивать» задействовано вдвое чаще).

Может быть стоит присмотреться внимательней к этому второму значению – «вспахивать»?

Утерянное значение

Одно уточнение. В целях удобства, я везде выше приводил не сами значения слов с основой «х-р-ш» из словаря Брауна (вообще-то иврито-английского), а их переводы на русский язык.

Понятно, что абсолютно точного эквивалента слова (то есть всего спектра его значений) при переводе с одного языка на другой подобрать невозможно в принципе, таковых просто не существует. Так что нам придётся на какое-то время вернуться к оригиналу словаря Брауна. Так вот, говоря выше о таком значении «х-р-ш», как «вспахивать», я на самом деле говорил вот о чём: «to plough, to cleave» (Brown, с. 360).

У каждого из этих двух английских слов есть широкий спектр значений – в каких-то частях они совпадают между собой, в каких-то нет. Особый интерес для нас представляет зона пересечения этих спектров, поскольку именно она высвечивает именно те оттенки значения «х-р-ш», которые составители словаря пытались передать глаголами «plough» и «cleave», приведёнными вместе. И зона этих пересечений такова:

Plough – рассекать волны (поэтич.), продвигаться, пробиваться с трудом, прокладывать путь <...>

Cleave – рассекать (воду, воздух – о птице, судне, пловце и т.п.) <...>

(«Большой англо-русский словарь» в 2 томах, под ред. И. Р. Гальперина, М., 1977)

Основное значение глагола «to plough» это – «пахать» (в смысле «пахать землю»). Однако во всех языках у этого слова обязательно появляется и переносное значение – «бороздить» (о корабле, лодке), «пробиваться» (о человеке), а в общем случае – «продвигаться к цели, преодолевая встречное сопротивление среды». Одно слово, «рассекать».

Так что вот оно, новое значение для глагольного «х-р-ш», на поверхности. И изобретать ничего не надо:

«Пробивайтесь ко мне, острова»

А вот как это будет всё вместе:

«Пробивайтесь ко мне, острова, и народы пусть обновят свои силы; пусть они приблизятся и скажут: «Станем вместе на суд».

Вроде бы тоже самое, а как преобразилась вся фраза, как вся подобралась и обрела единый вектор. Каждая часть предложения стала теперь представлять собой конкретную мини-программу действий – при этом строго в рамках общего проекта консолидации.

Так что если непременно уж нужно выбирать между «умолкните» и «пробивайтесь», то выбор будет явно в пользу второго значения.

Под сенью биньянов в цвету

Слово это уже поминалось мной выше, но всуе. Теперь пришло время отдать ему полную дань.

Среди преподавателей иврита имеет место высокая конкуренция за учеников. Поэтому каждый старается привнести в образовательный процесс свою изюминку. Почему-то особенно часто этой изюминкой становится методика объяснения понятия «биньян».

Например, говорят так. «Слюшай, очэн прастой тэма! Биньяны – это как люди. Один биньян – многа-многа работал и стал ба-альшой начальник, другой биньян – прастой падчинённый. Хороший начальник – хороший биньян, только работай чэстно. Всё понял, да?»

Или так. «Словообразующие и контroversально формообразующие функции аффиксов атрибутируют в биньянах предстоятельность присущеобусловленной семантики залоговой модели».

Рискну вклиниться в эту высоко-конкурентную среду и предложить собственное понимание понятия «биньян». Может, переманю кого.

Языки состоят из слов. И эти слова могут принимать разные формы. Например, изменение глагола по лицам (я «бегу» – ты «бежишь») или числам (он «бежит» – они «бегут») – это и есть формы.

Наличие «форм» усложняет изучение языка, но облегчает дальнейшее им пользование. Если бы не было форм, то приведённый мной выше пример со «столяром» был бы мало понятен: «столяр – прыгать – лев». Кто здесь куда запрыгнул? Или – перепрыгнул? Большая разница, между прочим. А может это вообще «курица зарезала столяра», подкараулив после работы?

Без «форм» – слова есть, а понимания нет. Чтобы этого избежать и нужны «формы». Именно с их помощью обеспечивается некоторая определённая во взаимоотношениях различных слов внутри одного предложения.

А в каких случаях какие слова должны принимать какие формы? Тут есть определённая свобода манёвра. Поэтому в разных языках этот вопрос решён по-разному. Например, в русском языке так сложилось, что глаголы могут, в частности, иметь разные «залог» («я побежал», «меня побежали») и «наклонения» (изъявительное – «бегу», повелительное – «беги!»), что закреплено в разных моделях формообразования (правилах изменения по лицам, числам и т.д.).

В иврите же этот вопрос решён вот как. Для начала все глаголы разделены на семь групп по весьма условному признаку. Как утверждается, «по сходной смысловой направленности», но это только звучит гладко. Сами признаки сейчас обсуждать не будем, но уж поверьте, что ориентируясь только на эти признаки вы самостоятельно вряд ли сможете безошибочно отнести тот или иной глагол к его «группе». «Группу» каждого глагола надо просто знать.

У каждой из этих семи групп имеется собственная модель формообразования. То есть, глаголы из разных групп изменяются по лицам, числам и временам – по разным правилам. Эти семь групп (или эти семь моделей формообразования, что то же самое) и есть «биньяны».

А интересно: насколько жёстко каждый глагол иврита «приписан» к «своему» биньяну? В том-то и дело, что совсем не жёстко. Множество глаголов вы можете свободно отнести в каждом конкретном случае к тому или иному биньяну по своему желанию. При этом, однако, их смысл несколько сместится. Например, один и тот же глагол «писать», будучи отнесённым к разным биньянам, будет переводиться, как «написал», «был написан», «продиктовал», «был продиктован», а то и вовсе «переписывался». Вопрос о месте прохождения никем не охраняемой границы между «омонимией» и «полисемией» мы трогать сейчас не будем.

Зачем это всё нужно? Для двух вещей. Во-первых, «биньяны» до некоторой степени выполняют функции, сходные с теми, что в русском языке выполняют «наклонения» и «залог», давая читателю информацию об «активности» или «пассивности» действия, или его «направленности», а иногда и «интенсивности».

А во-вторых, инструмент «биньянов» предоставляет исключительные возможности для текущего словотворчества. С помощью «биньянов» вы можете на ходу «сгенерировать» у старого слова новый, требуемый вам в данный момент оттенок значения. Для этого достаточно начать использовать такой тип спряжения, который соответствует не типовому в данном случае биньяну, а другому – более соответствующему вашим целям. И слово «расти» тут же возвеличится, скажем, до «возвеличивать».

Главный смысл всего этого в том, что «биньянность» глаголов иврита – это дополнительное средство выразительности, делающее язык очень гибким. Обратная сторона медали – усложнение языка, и оправдано ли оно – отдельный вопрос.

Но моё дело не обсуждать целесообразность «биньянов», а попытаться использовать здесь возможности, которые они предоставляют. Поскольку в «Книге Исая» биньяны есть.

Пора назвать наших героев по именам. По крайней мере двух из семи.

Итак. Один биньян носит название «пааль», а ещё один – «хифиль». А вот – признаки, по которым нам предлагается их различать.

«Пааль» – обозначает обычное простое действие. Этот биньян, понятно, самый ходовой.

«Хифиль» – обозначает действие, связанное с «воздействием на некий сторонний объект», «задействование» чего-либо.

При этом не следует смешивать «повелительность» наклонения (призыв «пробивайтесь!») и такое свойство отдельных биньянов, как «понуждение к действию». Биньян, по задумке, характеризует лишь некую «глубинную природу» глагола (ту, какую вы хотите ему в данный момент придать). Например, «навязывание своей воли объекту», как в случае с биньяном «хифиль». А для «повелительного наклонения» у него существует специальная форма.

А теперь перейдём к нашей конкретной задаче – стиху 41:1 «Книги Исаяи». Задача стоит так. Имеется некое слово, произведённое от основы «х-р-ш», чьё значение (равно как и огласовка) нам пока не известно. И это значение предлагается выбрать из двух наиболее вероятных вариантов – «умолкать» и «пробиваться».

Исходя из смысла фразы в целом, мы уже свой выбор сделали (в предыдущем разделе). Теперь нам нужно сделать аналогичный выбор по результатам анализа самой грамматической конструкции.

Форма, в которой мы видим «х-р-ш» в 41:1 1 (יִחְרֹשׁ) однозначно указывает на то, что автор, употребляя это слово, 1) отнёс его к биньяну «хифиль» и 2) дал это слово в повелительном наклонении, второго лица, множественного числа.

«Х-р-ш» в значении «умолкать» традиционно относится к биньяну «пааль». «Х-р-ш» в значении «пахать» («пахать землю») тоже относится к «пааль».

Но стоит лишь перенести слово, имеющее основу «х-р-ш», в биньян «хифиль» (как это по факту и сделано в «Книге Исаяи»), как у него тут же возникает новый смысловой оттенок – «продвигаться вперёд, преодолевая сопротивление среды» (как плуг идёт вперёд, раздвигая землю), то есть – «пробиваться». Поскольку именно «хифиль» придаёт слову смысловую окрашенность, соответствующую «активному воздействию на препятствующую среду».

В настоящее время «х-р-ш» в значении «пробиваться» как правило не используется. Однако, само понятие «пробиваться» («хифция») в современном иврите устойчиво соотносится именно с биньяном «хифиль». Причём значение этого слова полностью соответствует русскому, с точностью до оттенков – «пробиваться (как свет пробивается сквозь мрак)».

Итак, в слове с основой «х-р-ш», употреблённом в биньяне «хифиль» в 41:1 «Книги Исаяи», обнаруживается новый, весьма продуктивный, оттенок значения – «пробиваться», «бороздить», «рассекать».

Сухой остаток таков: грамматика говорит нам ровно то же, что ранее уже сказал здравый смысл. «Пробивайтесь ко мне, острова!» «Книга Исаии», стих 41:1.

Обретённое значение

Итак, у нашего «х-р-ш» есть, как выяснилось, ещё одно значение – «пробиваться». Именно это значение и имел ввиду автор «Книги Исаии», когда он писал стих 41:1.

Не мешало бы, кстати, заодно теперь проверить, не проявится ли это новое значение данного слова и в других местах «Ветхого Завета» – тех, чей смысл вызывал до сих пор лёгкие сомнения и чей вариант перевода в словарях имел статус «предлагается за неимением лучшего»?

Если мы сейчас начнём заниматься уточнением перевода «Ветхого Завета», то уйдём далеко в сторону от нашей темы. Так что просто бегло взглянем на несколько мест из книг Пророков, где переводчики не признали явный биньян «хифиль» у слов с основой «х-р-ш» и, соответственно, не смогли воспользоваться значением «пробиваться».

Вот три классические места, где мы видим «х-р-ш» с подозрительной «недоопределённостью» смысла – «Исаия, 17:9», «Иеремия, 4:19» и «Софроний, 3:17». И во всех этих трёх местах за «х-р-ш» явно просматривается биньян «хифиль». Попробую, исходя только из грамматики, предложить новый вариант перевода этих мест.

Переводчики хорошо знают, что изменение одного слова во фразе часто влечёт за собой необходимость глубокого перестроения фразы целиком. Я не буду здесь этого делать. В целях максимальной наглядности, я изменю только ближайшее окружение слова «х-р-ш», а все остальные слова оставляю как они были – пусть даже ценой некоторой негладкости смысловой линии.

«Книга Исаии» 17:9. «Х-р-ш» в биньяне «хифиль» – «пробивайся!» (2 лицо, ед. ч., муж. р., повелит. накл. – שררה):

Было: «В тот день укрепленные города его будут, как развалины **в лесах и на вершинах гор**, оставленные пред сынами Израиля.»

Стало: «В тот день, когда превратятся укрепленные города в развалины – **пробивайся** (שררה), **росток** (0534, וואמיר), что был оставлен сынами Израиля.»

«Книга Иеремии» 4:19. «Х-р-ш» в биньяне «хифиль» – «[я] пробьюсь» (1 лицо, ед. ч., муж. р., будущ. вр. – שררה):

Было: «Утроба моя! Утроба моя! Скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, **не могу молчать**; ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы.»

Стало: «Утроба моя! Утроба моя! Стонет сердце моё, а я никак [к нему] **не пробьюсь** (שררה חל); но ты слышишь, душа моя, звук трубы.»

«Книга Софрония» 3:17. «Х-р-ш» в биньяне «хифиль» – «[он] пробьётся» (3 лицо, ед. ч., муж. р., будущ. вр. – שׁוּרֵי):

Было: «Господь Бог <...> возвеселится о тебе радостью, [Он] **будет милостив** по любви Своей.»

Стало: «Господь Бог <...> возвеселится о тебе радостью, [Он] **пробьётся** (שׁוּרֵי) **к тебе** в любви своей.»

Как мы видим, у слова с основой «х-р-ш» значение «пробиваться» встречается в «Ветхом Завете» сплошь и рядом. Конечно, не исключено, что это значение существует только как историческое. Но ведь мы и говорим здесь об исторических текстах.

Конечная истинность

«Обновляйтесь ко мне, острова» – этот болгарский перевод стиха 41:1 – ошибочен.

«Освятитесь предо мной, острова» – этот греческий перевод того же стиха – также ошибочен. В обоих случаях переводчики одинаково спутали букву «реш» со сходной буквой «далет».

«Умолкните предо мной, острова» – этот русский (равно как и латинский) перевод 41:1 опять ошибочен. Переводчики использовали не то значение «х-р-ш».

«Пробивайтесь ко мне, острова». Переводить 41:1 следует так и только так.

Три ошибки или ни одной?

(Проблема 45:16 – Наваждение – Просто читаем буквы – Инверсная суперпозиция – Три ошибки переводчика – Авторская версия – Главный вывод)

Проблема 45:16

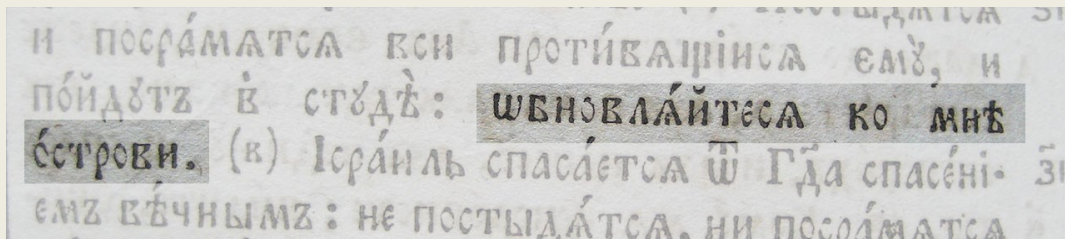
В предыдущей главе мы лишь слегка коснулись одного значения одного из слов одного из стихов, одной из глав, одной из книг, одного из сборников текстов (в данном случае «Ветхого Завета»). Но в мире есть и разные другие слова для исследования. В том числе в той же самой книге.

Как мы видели, фраза об «обновляющихся островах» в стихе 41:1 «Книги Исайи» возникла в результате просто ошибки переводчика. Всё бы хорошо, но дело в том, что «обновляющиеся острова» встречаются в «Книге Исайи» ещё и в другом месте, в стихе 45:16. И там дело обстоит совсем не так просто. Совсем-совсем не так просто.

Давайте сначала посмотрим на саму эту фразу и насладимся ею. Итак, «Книга Исайи», глава 45, стих 16:

– 1820. Библия издания РБО:

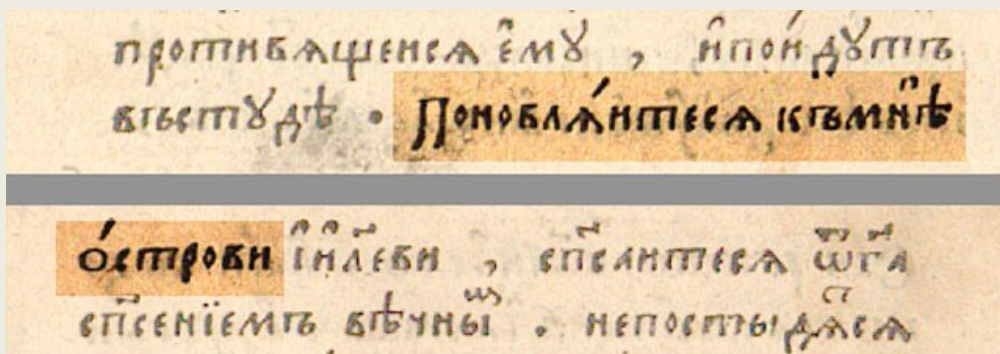
«ѡбновляйтесѧ ко мнѣ острови»

[Илл. 18-07-01-1. Библия издания Российского Библейского Общества, СПб, издание 7-е, стереотипное, л. 342]

– 1581. Острожская Библия:

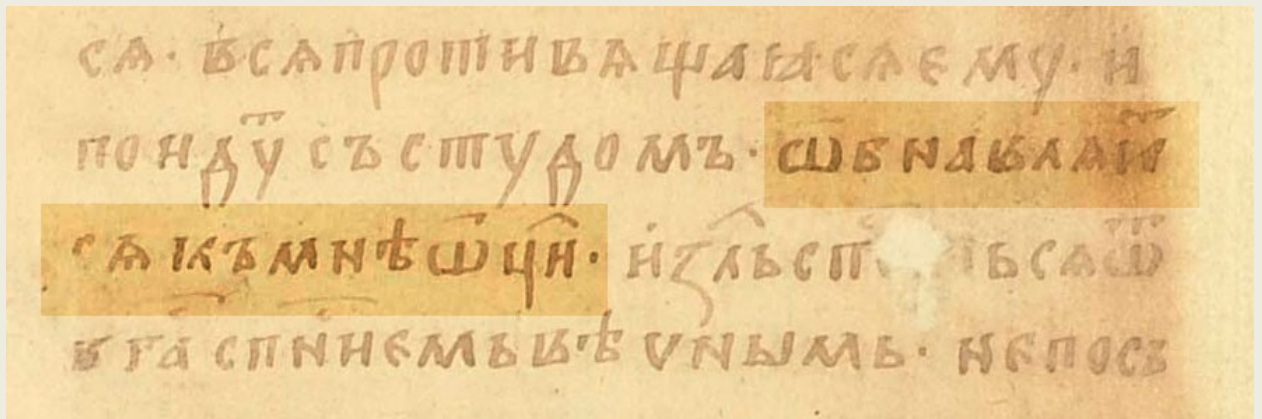
«Поновляитесѧ къ мнѣ острови»

[Илл. 18-07-02-1. Острожская Библия, 1581, л. 85 об.]

– XIV в. Паремийник. Слово «острова» стоит здесь в форме «отоци», до сих пор использующейся в ряде балканских языков для обозначения понятия «остров».

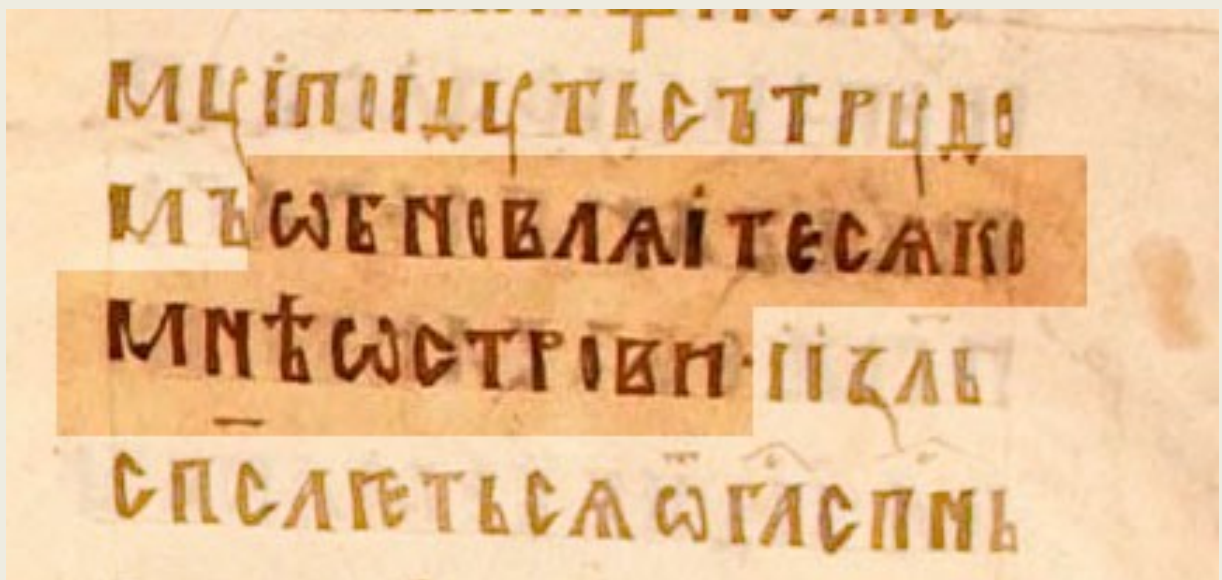
«СѢНАВЛАИТСА КЪ МНѢ ѠЦИ»

[Илл. 18-07-03-1. Паремийник, XIV, РГБ, ф. 304.1, док. 64, л. 99.]

– XIII в. Паремийник:

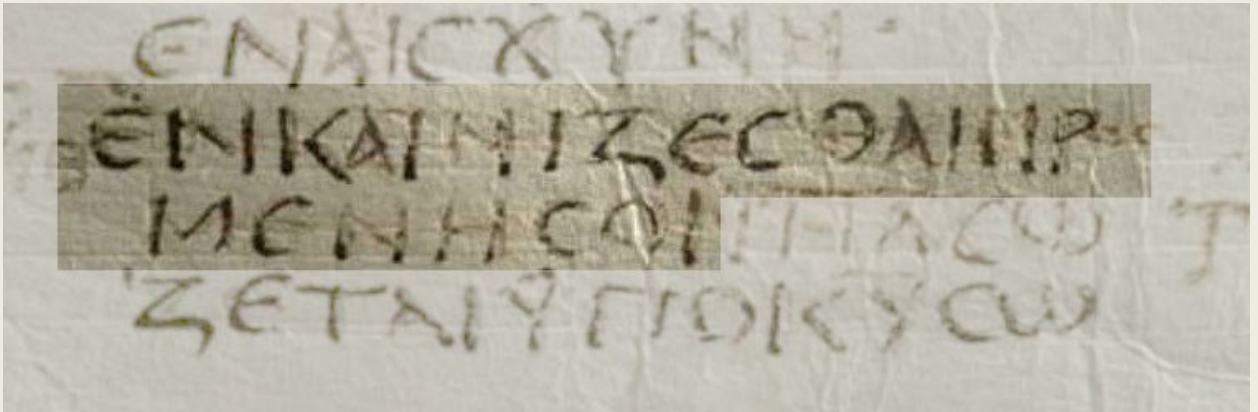
«СѢНОВЛАІТЕСА КО МНѢ ѠСТРОВИ»

[Илл. 18-07-04-1. Паремийник, XIII, РГБ, ф. 304.1, док. 4, л. 59.]

– IV в. Синайский кодекс:

«ENKAINIZEΣΘΑΙ ΠΡ[...] ΜΕ ΝΗΣΟΙ»

[Илл. 18-07-05-1. Синайский кодекс, IV, л. 60.]

А в чём здесь проблема, – спросите вы? А проблема здесь в том, что в оригинале этих слов нет. Вообще.

Наваждение

Итак, никаких слов об «Обновляющихся островах» в стихе 45:16 в «Книге Исаяи» в оригинале нет. А что там тогда есть? Давайте посмотрим.

В русском синодальном переводе, который как правило отражает исходную версию Библии более точно, чем древнеболгарский перевод, это место звучит так. Привожу несколько стихов до и после, чтобы был понятен контекст. Место, соответствующее «Обновляющимся островам», я выделил жирным начертанием:

14: Так говорит Господь: труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога.

15: Истинно Ты Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель.

16: Все они будут постыжены и посрамлены; вместе с ними со стыдом пойдут и все, **делающие идолов**.

17: Израиль же будет спасен спасением вечным в Господе; вы не будете постыжены и посрамлены во веки веков.

Итак, слова «обновляйтесь ко мне, острова» превратились в «делающих идолов». А вот как это место выглядит собственно в оригинале (не забываем читать справа налево):

– 920. Алеппский кодекс:

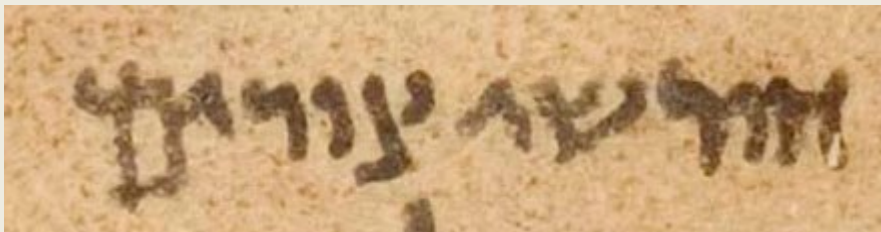
חרשי צירים

[Илл. 18-07-06-1. Алеппский кодекс, Исайя 45:16.]

– 125 до н.э. Кумранский «Большой Свиток Исайи»:

חירשו צירים

[Илл. 18-07-07-1. Кумранский «Большой Свиток Исайи», 1QIsaA, 45:16.]

Существуют и другие версии отекстовки этого места по рукописи 1QIsaA, основанные на иной идентификации букв «вав» и «йуд». Но мы помним, что эти две буквы в Кумранских рукописях не то что малоразличимы, а ставились зачастую вообще достаточно произвольно. Так что тут лучше самим взглянуть на подлинник.

Итак, мы имеем два слова. В русском синодальном переводе (в данном случае совпадающим с еврейской масоретской традицией понимания этого места), первое слово тут понимается, как «х-р-ш» в значении «ремесленник» («номер Стронга» 2796), а второе – как множественное число слова «цир» («цирим»), интерпретируемого в данном случае, как «статуя идола» («номер Стронга» 6736). Я так аккуратно выбираю выражения, поскольку всё в этих интерпретациях зыбко и подозрительно.

Что такое «номера Стронга», раз уж я их упомянул. Профессор Джеймс Стронг из университета Дрю штата Нью-Джерси, сделал со своими сотрудниками в конце

XIX века то, что следовало бы сделать на две тысячи лет раньше. Он разобрал текст «Ветхого Завета» на еврейском языке буквально «по косточкам», то есть – по словам, и просто составил индекс этих слов. Просто, скажете вы? Да, просто. Но – гениально просто.

Всего в «Ветхом Завете» Стронг насчитал 8674 разных «слов». Слово «слово» я даю здесь кавычках, поскольку вопрос, что именно считать отдельным словом, оказался вопросом тонким. Понятно, что все «формы» слова (спряжения, времена, числа) – это одно слово. А вот – разные словарные значения? При том – что сам вопрос об этих значениях являлся тогда (и остаётся до сих пор) вопросом дискуссионным?

В данных обстоятельствах профессор Стронг поступил так, как только и можно было поступить. Он присвоил словам «номера» в соответствии с собственным пониманием их значений в том или ином месте Библии. В результате, в одних случаях совершенно разные значения одного слова могли получить один и тот же «номер» («х-р-ш 2790» это – и «пахать», и «молчать», и «замышлять»), а в других случаях очень близкие значения получили разные «номера» («х-р-ш 2791» – «ремесленник», но и «х-р-ш 2796» тоже «ремесленник»).

Данный подход никоим образом не обесценил труд Стронга. С момента публикации его «номеров» (1890) стало наконец возможным вместо долгих объяснений на тему «какое значение того или иного библейского слова вы имеете в данном случае ввиду» – вместо этого стало возможным просто указать номер этого «значения» (пусть даже и не идеально вычлененного из прочих значений).

Но вернёмся к стиху 45:16. Два стоящие здесь рядом слова – «х-р-ш» и «цир» – нам предлагается понимать, как выражение «ремесленники [делающие] идолов».

Почему здесь взяты именно такие значения этих слов? Потому что эти слова имеют «номера Стронга» 2796 и 6736. А почему данные слова имеют именно эти «номера»? Потому что они употреблены здесь в указанных значениях.

Приехали! «А» равняется «Б», потому что они стоят рядом. А стоят они рядом, потому что мы их так поставили. А поставили мы их так потому, что они равняются друг другу (поскольку стоят рядом). Всё понятно?

С этим всем определённо надо что-то делать.

Просто читаем буквы

Причастия – удивительные создания. Когда надо, они – сами по себе, самостоятельные части речи. Но чуть что – они мимикрируют под глаголы так, что не отличишь.

Например, в иврите глагол настоящего времени является одновременно и причастием. То есть фраза «он умолкает» на иврите звучит, как «он [есть] умолкающий». С прошедшим временем это не столь выражено, но всё равно, фразу «город [который] умолк» часто переводят с иврита на русский, как «умолкший город».

С учётом этого, просто прочитаем первое слово интересующей нас фразы.

Для определённости, возьмём то его написание, что предлагает Кумранский свиток 1QIsaA – самый древний из сохранившихся источников.

Так вот, согласно рукописи 1QIsaA, интересующее нас слово состоит из 5 букв (54321), из которых 2 и 5 – служебные, а 431 образуют трёхбуквенную основу «х-р-ш», подробно рассмотренную выше.

Конкретная форма «х-р-ш», задаваемая служебными буквами 2 («йуд») и 5 («вав»), с беспристрастностью астероида говорит о следующем. Слово с основой «х-р-ш» является глаголом и использовано здесь в биньяне «пиэль» в форме прошедшего времени, 3 лица, множественного числа.

Биньян «пиэль» по своей «смысловой группе» весьма близок к уже знакомому нам биньяну «пааль» и отличается от него несколько большей «интенсивностью» действия. Так, если в биньяне «пааль» слово означает «умолкнуть», то в «пиэль» это будет, типа, «заткнуться».

Мы помним, что два основных значения «х-р-ш» в биньяне «пааль» были «умолкать» и «вспахивать». Таким образом, слово с основой «х-р-ш» в данном конкретном случае («יִשְׁרֹן») уместно будет перевести причастием прошедшего времени – «умолкнувшие».

Теперь о втором слове нашей фразы – слове «цир» («צִיר»), стоящем во множественном числе («цирим»). С этим словом творятся вообще чудеса.

Слово «цир» – очень редкое, во всём «Ветхом Завете» оно встречается всего 14 раз. И при этом посмотрите – какой нам предлагается принять для него (с учётом омонимов) разброс значений. В 6 случаях это – «посланник», а на остальные 8 случаев приходятся – «судороги», «боль», «дверные петли», «внешний вид», «идол» и даже глагол «запасаться продовольствием».

В переводе на нормальный язык это означает, что за исключением первых 6 случаев («посланник»), какую-либо систему в значениях слова «цир» исследователям Библии обнаружить не удалось. По факту это слово означает в «Ветхом Завете» либо «посланник», либо – всё что угодно. То есть – неизвестно что.

Конкретно, значение «идол» («номер Стронга» 6736) нам предлагают видеть в слове «цир» в «Ветхом Завете» 1 (прописью: «один») раз.

Если мы вспомним, как формируются словари древних языков (а именно – по воспроизводимости контекстов), то становится ясно, что приписывание слову «цир» значения «идол» есть ничто иное, как выдача желаемого за действительное. Так как данное значение «вроде бы подошло по смыслу» в каком-то одном месте текста – значит у этого слова такое значение здесь и имеется (и больше нигде). Такая вот логика.

А давайте вместо этого лучше сделаем вот что. Попробуем использовать хоть сколько-то устойчивое значение слова «цир», а именно – «посланник», «посол», «представитель» – и посмотрим что получится.

А получится вот что. В паре с предыдущим словом («х-р-ш»; по кумранской версии в форме «יְחִי», биньян «пиэль») здесь у нас получаются «Умолкнувшие представители». Теперь вставим это в общий контекст.

В предшествующих строках главы 45 «Книги Исаяи» (стихи 14-15) говорится о том, что все народы (кроме одного) будут приведены в ничтожество и покорность. Идёт условное перечисление – египтяне, эфиопы и так далее. Все они «в цепях придут и повергнутся». Затем мы видим дальнейшее развитие темы:

16: Все они будут постыжены и посрамлены; вместе с ними со стыдом пойдут и все **умолкнувшие представители** [прочих народов].

И где здесь «ремесленники», и где здесь «идолы»? Хоть с этим-то разобрались.

Инверсная суперпозиция

Это слово только звучит страшно. А обозначает оно очень простое понятие. Один полезный математический оператор.

Операции сложения и вычитания интуитивно кажутся универсальными. Но они хорошо определены только для некоторого типа объектов, в частности натуральных чисел.

Если же у нас имеются, скажем, геометрические области, то «сложение» и «вычитание» будут для них понятиями не очень понятными. Что означает «сложить две области», если они частично перекрываются? В частности, удваивается ли при этом сама зона перекрытия? Неясно. Ещё неопределённое дело обстоит с «вычитанием» одной области из другой.

Так вот, для некоторых типов объектов в качестве аналогов «сложения» и «вычитания» удобно использовать операции «прямой суперпозиции» и «инверсной суперпозиции». «Суперпозиция» – это буквально «наложение».

В нашем геометрическом примере «прямой суперпозицией» двух частично перекрывающихся областей будет как раз эта самая зона их перекрытия. И, наоборот, «инверсная суперпозиция» – это совокупность всех тех зон, которые не перекрываются.

Операторы «суперпозиции» имеют широкое применение в «семантической инженерии». Например, если у нас имеется ряд очень близких, но не идентичных понятий, то хранить их в памяти удобно в форме именно «инверсных суперпозиций», несущих информацию лишь о различиях (которых мало), и не дублирующих общую часть (большого объёма).

Вообще, есть общее правило. Для анализа далёких понятий показательна их «прямая суперпозиция» (фиксирующая только общее), а для анализа близких понятий нужна «инверсная суперпозиция» (фиксирующая различия).

Поясню на наглядном примере. Школьник пишет сочинение о событиях прошедших летних месяцев. В голове у него крутятся две фразы: 1) «Как я провёл каникулы», 2) «Мой отдых этим летом».

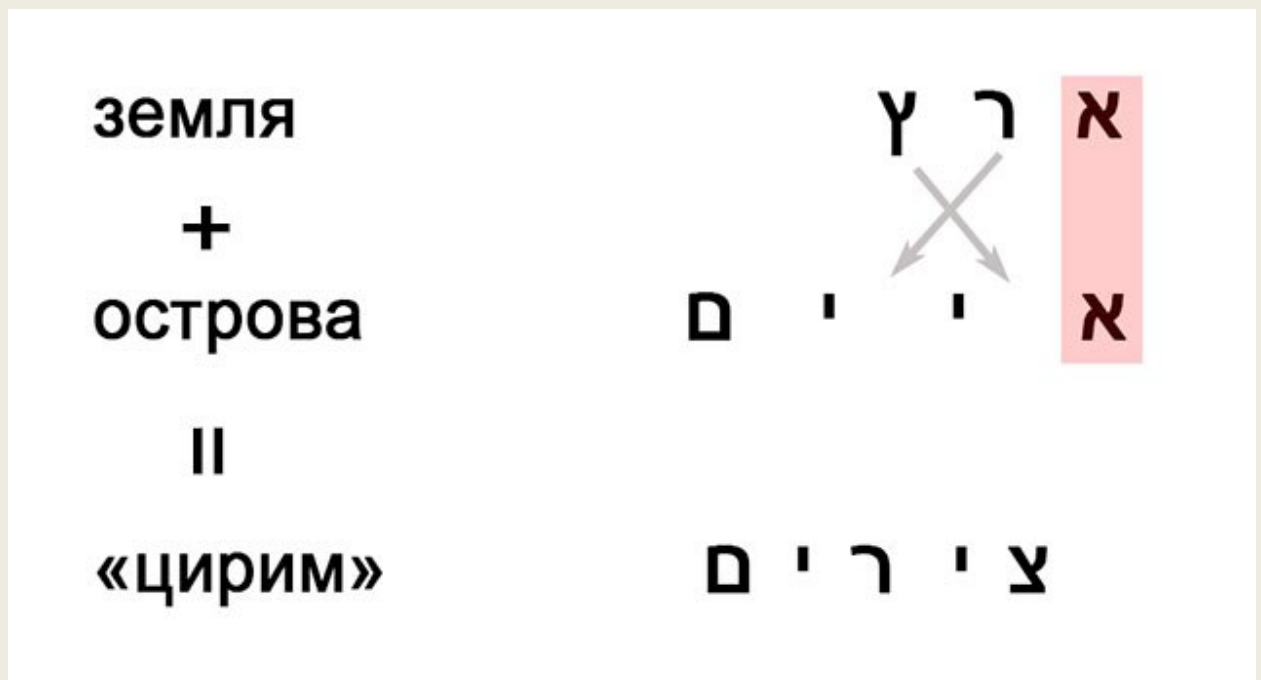
Фразы эти близки по смыслу, но не идентичны – каждая из них отражает суть дела правильно, но не полностью. Так что, по хорошему, ему надо бы написать их обе. Вместо этого происходит следующее.

Понятия «каникулы» и «мой отдых», которые в данном контексте являются идентичными, мысленно как бы «вычитаются» одно из другого. Остальные же две части, наоборот, «склеиваются». И в результате школьник ничтоже сумляшеся пишет: «Как я провёл этим летом».

Это – типовая школьная ошибка (ставшая, в качестве таковой, названием известного фильма). А представляет она из себя ничто иное, как «инверсную суперпозицию» двух исходных фраз.

К стиху же 45:16 «Книги Исаяи» всё это имеет самое прямое отношение.

Ибо совокупность букв «цирим» («צִירִם»), стоящая в стихе 45:16, является ничем иным, как «инверсной суперпозицией» слов «земля» («אֶרֶץ», «эрэц») и «острова» («דְּיִם», «иим»).

[Илл. 18-07-08-1. Пример «инверсной суперпозиции»: из слов «эрэц» (земля) и «иим» (острова) получается слово «цирим».]

Три ошибки переводчика

Теперь рассмотрим возможный механизм появления в стихе 45:16 в греческом переводе загадочных «Обновляющихся островов» там, где на самом деле было написано «Умолкнувшие представители народов».

Так вот, появление фразы «Обновляйтесь ко мне, острова» могло стать итогом трёх последовательных ошибок, каждая из которых естественным образом вытекала из предыдущей. Разберём по стадиям.

Стадия первая. Мы уже говорили, что в еврейском алфавите буквы «далет» и «реш» в реальном письме практически не различимы. Особенно вероятны связанные с этим ошибки в тех случаях, когда в обоих вариантах образуются значащие слова. Как оно и имеет место со словами с основой «х-Д-ш» («обновляться») и «х-Р-ш» («умолкать»).

Данный эффект весьма распространён – прочитывание «х-Р-ш», как «х-Д-ш» при работе над греческим переводом «Ветхого Завета» носит массовый характер (Софр. 3:17, Ис. 16:11, Ис. 41:1, Ис. 45:16).

Но подобная типовая ошибка, совершённая переводчиком «Книги Исаяи» в стихе 41:1, имела неожиданные последствия. В результате неё родился яркий образ «Обновляющихся островов», который вскоре «сработал» и стал «пусковым механизмом» для следующей ошибки.

Стадия вторая. Наш переводчик, совершив упомянутую ошибку в 41:1, доходит вскоре до стиха 45:16. Где он, уже вполне ожидаемо, вновь совершает ту же самую типовую ошибку, путая «х-р-ш» («умолкать») с «х-д-ш» («обновляться»). Это было что-то вроде «привычного вывиха» по медицинской терминологии. Но в данном конкретном случае на эту ошибку дополнительно наложилось одно важное обстоятельство.

Для краткости я везде выше писал просто «Книга Исаяи» – при том, что имелась ввиду, конечно, та её часть, что была написана «Второисаией», то есть главы с 40 по 66.

Так вот, в самом начале этой части, в главе 41, переводчик допускает ошибку и получает в результате образ «Обновляющихся островов». Образ оказывается, однако, очень здесь к месту, поскольку теперь всё действие книги «Второисаии» обретает чёткую геометрию. А именно – начинается всё «Обновляющимися островами» (41:1), а завершается «Новой Землёй» (66:22).

Хочу подчеркнуть – всё это происходит только в сознании переводчика, и то – исключительно вследствие случайной ошибки. Так что мы говорим здесь о факте, отражающем лишь состояние сознания. Но именно «состояние сознания переводчика» мы и пытаемся здесь проследить.

И, наконец, стадия третья. При таком восприятии переводимого текста, понятия «Обновляющиеся острова» и «Новая Земля» должны были стать для переводчика базовыми (опорными) понятиями, то есть – постоянно присутствовать в его «быстрой памяти». А поскольку эти понятия в рамках данного текста крайне близки, то они должны были храниться в памяти в виде их «инверсной суперпозиции».

С учётом всего этого имеем следующее.

- 1) Переводчик совершает ожидаемую ошибку в 45:16, переводя «х-р-ш», как «Обновляйтесь».
- 2) Слово «Обновляйтесь» отсылает его сознание к важному (в его представлении) образу «Обновляющихся островов» из 41:1 (полученного им ранее в результате аналогичной типовой ошибки).
- 3) Переводчик постоянно держит в уме понятия «Обновляющиеся острова» и «Новая Земля».
- 4) Само слово «острова» хранится в его памяти в виде «инверсной суперпозиции» понятий «острова» и «земля», то есть в виде слова «цирим».
- 5) Слово «цирим» в качестве собственно слова (со значением «представители») – очень редкое, в «Ветхом Завете» оно практически не используется.
- 6) А потому, выражения «х-р-ш цирим» (то есть «Умолкнувшие представители») он «понимает» как «Обновляйтесь, острова». Слова «ко мне» добавляются в строку просто для связки, по аналогии с 41:1.

Понятно, что мы имеем здесь дело с явным сбоем процесса обработки информации. Но этот «сбой» возник не на пустом месте, а был в значительной степени предопределён наложением ряда обстоятельств. А именно – двух предыдущих ошибок перевода, случайным совпадением значащего слова с «инверсной суперпозицией» двух других важных слов, редкостью встретившегося в тексте слова и предустановкой видеть то, что хочется видеть (в данном случае – «острова»).

Переводчик просто ошибся, и мы теперь понимаем как именно.

Авторская версия

Цепь рассуждений, приведённая в предыдущей главе, удивительным образом обратима.

Вообще, свойство «обратимости» не является всеобщим законом природы. Если, выйдя из точки «А», в результате ряда вычислений вы приходите в точку «Б», то из этого ещё не следует, что выйдя из точки «Б» в обратном направлении, вы сможете тем же путём вернуться в «А».

Но в случае со строкой 45:16 «Книги Исайи» дело обстоит именно так. Ровно те же самые логические действия, но применённые с обратным знаком, приводят нас к аналогичному, но строго зеркальному выводу.

Раньше у нас выходило, что переводчик, совершив ряд предсказуемых ошибок, вместо реально имеющейся фразы получил на выходе совсем другую.

А теперь мы увидим, что столь же вероятно обратная ситуация – автор, под воздействием тех же самых факторов, вместо замысленной «другой» фразы ошибочно записал фразу «имеющуюся».

И – действительно:

- 1) Понятие «остров» является ключевым понятием для автора второй части «Книги Исаяи», об этом мы уже говорили.
- 2) Понятие «Новая Земля» для того же автора как минимум не менее важно, вся книга уверенно правится им именно к этой результирующей точке.
- 3) «Островами» автор открывает свою часть книги (41:1), а «Новой Землёй» он её завершает (66:22). И это не переводчик так себе надумал, так распорядился именно автор. Вся вторая часть «Книги Исаяи» – это история о том, как острова пробиваются к Новой Земле, чтобы с ней полностью слиться.
- 4) Слово «цирим» в значении «представители народов» – действительно очень редкое слово в библейском иврите. Это факт, не зависящий ни от переводчика, ни от автора.
- 5) Последовательность букв «цирим» является точной «инверсной суперпозицией» слов «земля» и «острова» (которые автор «Книги Исаяи» понимает практически как синонимы), это тоже факт.
- 6) Близкие между собой и важные для человека понятия хранятся в его «быстрой памяти» в виде именно «инверсной суперпозиции» этих понятий – это самая продуктивная модель работы мозга с подобными объектами.
- 7) В дополнение к этому всему, «Умолкнувшие острова» стилистически ожидаемы в стихе 45:16. Поскольку законы риторики требуют в подобных пассажах, чтобы по ходу изложения уровень обобщения нарастал. Если автор начинает пророчество с перечисления отдельных народов (стих 14), то завершать фразу в таких конструкциях уместно расширением географии до «всех земель и островов». Пусть даже «умолкнувших».

Всё вместе, это складывается в следующее понимание произошедшего.

В процессе написания данного отрывка автор думает об «островах», но его «быстрая память» подбрасывает ему вместо «островов» их «заархивированный» эквивалент – «инверсную суперпозицию», конкретно «цирим». Семантически эта подмена становится возможной потому, что в иврите обнаруживается и самостоятельное (хотя и редкое) слово «цирим» («представители народов»), отчасти подходящее по смыслу. Кроме того, «цирим» хорошо «рифмуется» с другим ключевым словом этой фразы («египтяне», «מִצְרַיִם», 45:14), а, кроме того, оно отсылает к похожему в написании слову «обитатели пустыни» («מִדְבָּר»), которое в «Книге Исаяи» используется для обозначения ещё одного народа – вавилонян («халдеев», 23:13).

Это всё, разумеется, результат также определённого сбоя работы сознания. Но как и в случае с переводчиком, этот сбой в чём-то ожидаемый. Автор, в силу тех же алгоритмов работы мозга, совершил в том же месте ту же ошибку, что и пере-

водчик – только в обратную сторону. Он собирался написать «Умолкнувшие острова», а вместо этого пишет «Умолкнувшие представители [народов]». Никто ничего особо и не заметил.

И как теперь прикажете оценивать создавшееся положение? Переводчик явно ошибся. Но и автор ошибся. При этом переводчик своей ошибкой исправил ошибку автора, правильно передав его намерение. Но неправильно передав его текст.

Оставим лучше всё как есть. Пусть здесь пока остаются «Умолкнувшие представители народов». Ведь «правда жизни» всегда одерживает победу над «высшей правдой».

Главный вывод

А нет тут никаких выводов.

В определённую точку в стихе 45:16 «Книги Исаяи» вбит алмазный гвоздь, и тёмная материя мироздания, шитая жемчугом, тихо вращается вокруг этой вселенской фонемы. Или морфемы. А может лексемы.

Единственно, что мы можем вынести из всей этой истории – это чёткое понимание того, что слова «Остров» и «Новая Земля» означали для автора «Книги Исаяи» практически одно и то же.

Новый Остров у Северного Края Земли

(Объёмные свойства слов – Парижский шулер и заготовка грибов – Скрытый объект – Всякая математика – Геолокация – Из вод морских)

Объёмные свойства слов

Все без исключения писатели начинают с того, что полагают себя начальниками своих текстов. По мере появления практического опыта эта уверенность заметно ослабевает.

Преподаватели литературы любят иллюстрировать данную мысль классическим высказыванием на эту тему Пушкина. Но всё именно так и есть. Присоединяюсь.

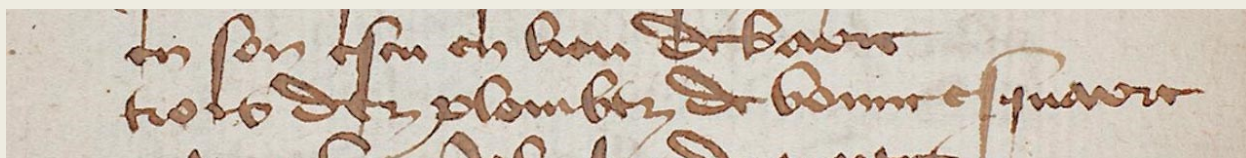
Кто кем управляет – это большой вопрос. В любом случае, писатель даже не успевает ещё толком ничего сказать, а уже оставляет в тексте свои «отпечатки пальцев». Он думает, что говорит в своём тексте о мире то, что считает нужным, а на самом деле текст говорит нам о нём самом, выдавая его с потрохами. Только надо уметь «читать».

Слова никогда не ходят по одному, они ходят стаями. И видовой состав этих «стай» зачастую более показателен, чем смысл образуемых этими словами высказываний. Вот почему так важно знать о наличии или отсутствии в тексте корреляций между теми или иными словами.

В этой главе мы будем говорить на языке объёмных распределений слов по тексту. И попробуем сказать на этом языке пару осмысленных фраз.

Парижский шулер и заготовка грибов

Известный всему Южному Ситэ шулер Перине Маршан, он же «Баррский Ублюдок», славился своим умением завлекать в нечестную игру ничего не подозревающих зевак. При игре он использовал специальные кости со смещённым центром тяжести, которые, с лёгкой руки Вийона, попали даже на его фамильный герб («En son escu, en lieu de barre, Trois dez plumbez, de bonne carre», Le Testament, CVIII, 1461).

[Илл. 18-08-01-1. «На его [Перине Маршана] фамильный герб, вместо знака незаконнорожденности, [я завещаю поместить] три хорошо изготовленные шулерские [залитые свинцом] игральные кости» («En son escu en lieu de barre trois dez plumbez de bonne esquarre»). Франсуа Вийон, «Большое Завещание», строфа CVIII, строки 1097-1098. «Fauchet Manuscrit», f. 53v, 1480-е годы. Стокгольмская Королевская библиотека, MS Vu 22.]

Так вот, представим на минутку, что и нас с вами, прогуливающих по Парижу в районе площади Шатле, этот самый Маршан смог уговорить сыграть с ним в кости, прикинувшись простаком.

Правила соблазнительно просты. Каждый игрок загадывает цифру от одного до шести, и чья цифра выпадет при броске кости – тот и выиграл. Если не угадал ни один, бросают снова. Вся игра зиждется на предположении, что кубик строго симметричен и выпадение каждой из шести цифр – равновероятно.

Игра начинается. Вы ставите, скажем, на «шестёрку», а Маршан – на «единицу». Но только-только он собирается бросить кость, как вас охватывает смутное подозрение. И вы требуете, чтобы Маршан дал вам проверить его кубик. А поскольку недалеко прохаживается патруль, он неохотно, но соглашается. Вам разрешают для проверки три раза бросить кубик, после чего игра продолжится с уже сделанными ставками.

У кубика шесть граней. И вероятность выпадения любой из них должна быть, в теории, строго равна одной шестой. И вот, в результате трёх контрольных бросков, у вас все три раза выпадает «единица» (на которую поставил Маршан). Согласитесь вы играть таким кубиком?

А если из трёх бросков «единица» выпала «всего лишь» дважды? Определённо, тоже нет. А – один раз? Трудно сказать, тут не понятно. А если из трёх бросков «единица» не выпала ни разу? Тогда делать нечего, придётся вам с Маршаном всё-таки играть (себе на беду – у него имеются и другие заготовки).

Обратим здесь внимание вот на что. Вам хватило всего трёх (!) испытаний для того, чтобы по их результатам принять вполне обоснованное решение. Оно принималось интуитивно, но в мозгу на самом деле происходило при этом следующее.

Сначала вы интуитивно оценили вероятность того, что даже при условии строгой симметричности кубика, в трёх бросках всё-таки может трижды выпасть «единица» – чисто случайно. Поскольку эта вероятность была расценена вами (интуитивно же) как «слишком маленькая», то тот факт, что этот маловероятный случай тем не менее реализовался на практике, вы интерпретировали как высокую вероятность того, что кубик был шулерским.

Этот анализ происходил на уровне общих ощущений. Однако все означенные вероятности можно точно рассчитать и осознанно установить критерии для принятия решения. Для этих целей, собственно, и было придумано «Искусство предположений» – Теория вероятности.

Точные значения упомянутых выше параметров можно рассчитать по формуле Бернулли (Якоба), сказавшего (якобы), что «всё сущее под Солнцем – прошедшее, настоящее и будущее – имеет высшую степень достоверности; а каким образом достоверность будущего согласуется со случайностью – об этом пусть рассуждают другие».

Считать мы сейчас ничего не будем. А лишь отметим ещё раз, что малая теоретическая вероятность реально полученного в серии испытаний результата – она позволила нам говорить о высокой вероятности того, что кубик отнюдь не был симметричным («равновероятным»).

При этом, однако, формула Бернулли позволяет оценить только вероятность самого факта смещения центра тяжести кубика, а отнюдь не величину этого смещения.

А сейчас из весеннего Парижа перенесёмся в осенний Поплавенец, Тверской обл. Вы – начальник «Райзаготконторы», ответственный за выполнение государственного плана по сбору грибов. План надо выполнять, но ваши кадровые ресурсы крайне ограничены – в наличии всего две штатные единицы (баба-Лиза и девка Мария). А потому распорядиться личным составом надо очень ответственно.

План спущен по конкретному виду грибов, не входящему в «Перечень Ламартиньера» – по подберёзовикам. А коли так, то пришёл вам час решить для себя сакральный вопрос: «Действительно ли подберёзовики растут преимущественно под берёзами – или это очередной миф?». Надо ведь знать куда именно посылать подготовленные кадры.

По счастью, у вас есть отчёт за прошлый год. Где точно указано, под каким деревом какой подберёзовик был тогда срезан. Так вот – какая-то их часть была тогда найдена действительно под берёзами. Но другая часть – под другими деревьями. На первый взгляд связь вроде бы не прослеживается. Но, с другой стороны, берёз-то у вас в лесу всего ничего, а других деревьев – тьма тьмущая. Как всё это свести воедино?

Очень просто. Нужно количество прошлогодних «подберёзовиков найденных под берёзами» поделить на общее количество «берёз» в лесу. А количество «подберёзовиков найденных под остальными деревьями», поделить на количество этих «остальных деревьев». Так мы определим «среднюю плотность подберёзовиков под берёзами», и «среднюю плотность подберёзовиков под не-берёзами».

Нам остаётся только поделить одно на другое, и мы получим – что? Мы получим показатель, характеризующий силу связи «подберёзовиков» и «берёз». Если он окажется близким к единице, то эта связь – слабая. Если же он заметно отличается от единицы (скажем, больше двух) – то смело вручайте бабе-Лизе и девке Марии (под роспись) свежесоставленную Служебную Инструкцию в двух пунктах: «А. Подберёзовики следует искать исключительно под берёзами. Б. На другие деревья казённый ресурс расходовать запрещается.»

Резюме. Формула Бернулли (случай: «Кубик») позволяет оценить самую «вероятность существования связи» между явлениями, а анализ «фактической плотности распределения» (случай: «Грибы») – «силу связи» между ними.

А теперь читаем Исайю новыми глазами.

Скрытый объект

Раньше мы уже установили, что для автора Книги Исайи понятия «Остров» и «Новая Земля» являются понятиями как минимум крайне близкими. А коли так, то неплохо было бы посмотреть, как слова, выражающие эти понятия, распределены по объёму текста и не прослеживаются ли тут какие закономерности.

Рассмотрим следующие три слова:

1) «Остров» – «יָא», (номер Стронга 339), в главах 40-66 «Книги Исайи» употреблено 12 раз.

2) «Новый» – «שֵׁנִי», (2319), 10 употреблений.

3) «Край Земли». Строго говоря, это не слово, а понятие, для обозначения которого в иврите используется несколько разных слов: «אֶרֶץ יִפְתָּח» (657), «לִפְתָּח» (7098), «הַפְתָּח» (7097). Будем учитывать их все, условно считая за одно «слово». Итого, в сумме 10 употреблений.

Все случаи употребления интересующих нас слов в «Книге Исайи» (40-66) приведены ниже в таблице. Столбцы соответствуют главам, числа в ячейках – стихам в этих главах.

глава/стих	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
острова	15	1, 5	4, 10, 12, 15							1		5								18	9						19
новый		15	9, 10	19					6														2			17, 17	22, 22
«концы земли»	28	5, 9	10	6		22			20	6			10										11				

[Табл. 18-08-01. Местоположение ключевых слов в Книге Исайи, 40-66.]

Так вот. Обработка данных этой таблицы выявила один очень нетривиальный факт. А именно: каждое из трёх наших слов – «Остров», «Новый» и «Край Земли» – каждое из них в Книге Исайи оказалось пространственно связанным с двумя другими. То есть появление любого из этих слов в каком-то месте текста – статистически сопровождается появлением в его окрестности двух других. На глаз это может быть не очень и видно, но чуткие статистические методы отчётливо это распознают.

Количественно, данная связь между указанными словами описывается двумя параметрами – «критерием характеризующим вероятность наличия связи, К» (выражается в процентах; при $K > 90\%$ можно уверенно говорить о существовании связи), и «силой связи, F» (чем больше эта величина отличается от единицы, тем связь сильнее: «единица» соответствует нулевой силе связи, «три» – большой, «четыре» – очень большой и т.д.).

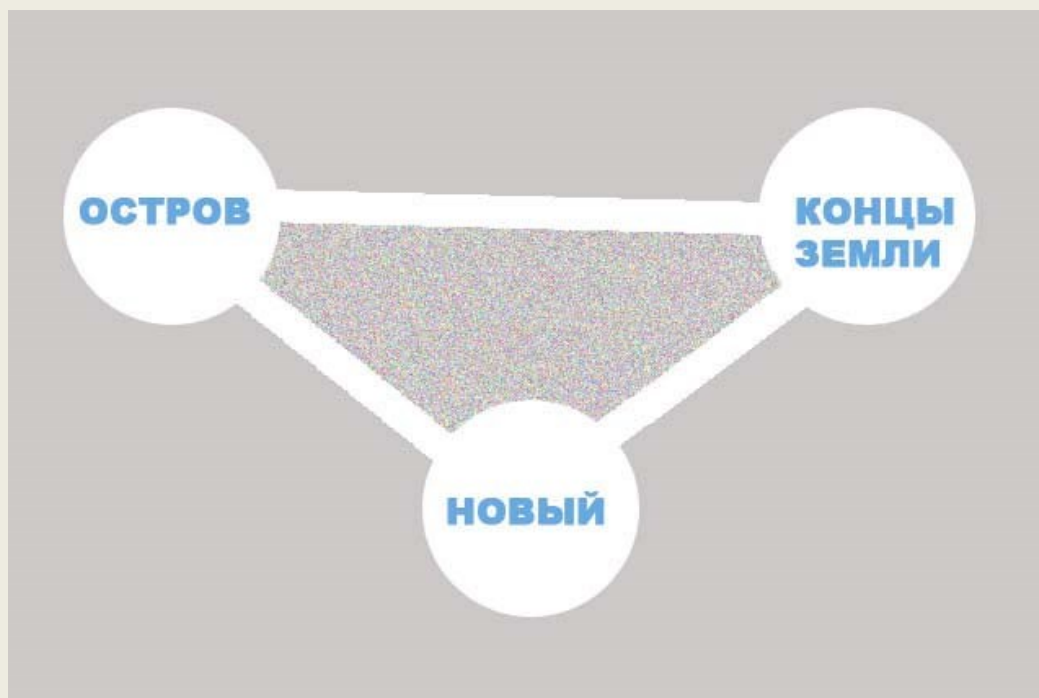
Первый параметр рассчитывается по методике Бернулли (см. «Кубик»), а второй – по методике средних плотностей (см. «Грибы»). В следующей главе я подробно опишу процедуру счёта; все нежелающие в это углубляться легко могут её пропустить. Сейчас же посмотрим конечные результаты. Итак:

Связанные пары слов	Критерий вероятности наличия связи (K), %	Сила связи (F)
Новый – Остров	98 % (вероятность: очень высокая)	4,0 (сила: очень большая)
Край Земли – Остров	98 % (очень высокая)	4,0 (очень большая)
Новый – Край Земли	97 % (очень высокая)	4,3 (очень большая)

[Табл. 18-08-02. Значения критерия вероятности связи (K) и силы связи (F) между словами «Остров», «Новый» и «Край Земли» в Книге Исаяи, 40-66.]

Для сравнения. В случае, когда у подозреваемого в шулерстве Маршана (см. «Кубик») мы проверяли его игральную кость (кубик), и при трёх контрольных бросках дважды выпала именно та цифра, на которую он сделал ставку – тогда «критерий вероятности» того, что его кубик имел смещённый центр тяжести, был даже несколько меньше ($K = 92,6\%$), чем для всех приведённых выше пар слов.

А всё вместе это означает, что в Книге Исаяи мы обнаружили неизвестный доселе, расплывённый по тексту объект, который можно описать, как «Новый Остров на Краю Земли». Схематически, этот объект выглядит так.

[Илл. 18-08-02-1. Схема объекта «Новый Остров на Краю Земли» в Книге Исаяи, 40-66.]

Всякая математика

Данный пункт адресован тем, кто хотел бы самостоятельно проверить приведённые выше результаты, повторив соответствующие расчёты. Остальные могут сразу переходить к следующему пункту этого раздела. Читайте же, что легко вам из него (tayassara minhu), 20 из 73.

Сама «математика», кстати, здесь весьма простая, если не сказать большего. Однако в задачах такого типа нужно очень аккуратно определять понятия и корректно интерпретировать получившиеся результаты. Так что даже и здесь слова будут важнее цифр.

Сначала произнесём традиционную в подобных случаях мантру: да, наличие статистической связи между параметрами не обязательно означает наличие между ними связи функциональной; и, наоборот – отсутствие первой вовсе не означает отсутствия второй; мы временно признаем существование самого понятия «случайности»; мы будем негласно предполагать, что эта «случайность» имеет «нормальное распределение»; и, наконец, мы согласны с тем, что «бесконечное разнообразие, обнаруживаемое в действиях природы и поступках человеческих, является основной прелестью Вселенной» («Ars Conjectandi», f. 72). А теперь к делу.

1. Оценка вероятности наличия связи между двумя словами в тексте (параметр «К»).

Два слова будут считаться «связанными» между собой, если при их употреблении они выказывают тенденцию располагаться «рядом». При этом два слова будут считаться расположенными «рядом», если они находятся в одной и той же главе (наш масштаб дискретности).

Принимается следующая модель для оценки возможной связи между двумя произвольными словами в тексте (например, «принц» и «нищий»).

Все главы текста мы делим на две группы – те, в которых есть хотя бы одно слово «принц» (количество этих глав обозначим «k») – и те, где этого слова нет («m»). Общее количество глав в тексте равняется, соответственно, $(k+m)$.

Временно примем гипотезу о том, что слово «нищий» распределяется по тексту «случайным образом» («нуль-гипотеза»). Это означает, что при каждом употреблении слова «нищий» вероятность его попадания в любую главу одинакова и никак не связана с наличием или отсутствием в этой главе слова «принц».

Тогда, в принятых обозначениях, при каждом употреблении слова «нищий» его вероятность (p) попасть в одну из глав, содержащих слово «принц», будет равна $k/(k+m)$.

Общее количество случаев употребления в тексте слова «нищий» обозначим «N», а количество «нищих», оказавшихся в одних главах с «принцами», обозначим «n».

Теперь мы можем воспользоваться формулой Бернулли для расчёта вероятности («P») получить в серии из «N» независимых испытаний «n» «удачных исходов» – при условии, что в каждом испытании возможно всего два исхода («удачный» и

«неудачный») и вероятность «удачного исхода» одинакова во всех испытаниях («р»).

$$P = p^n(1-p)^{N-n}N! / [n!(N-n)!], \text{ где } p = k/(k+m). \quad (1)$$

В нашей конкретной задаче «отдельным независимым испытанием» является каждый случай употребления слова «нищий» (аналог «слепой стрельбы» по «мишени текста»; общее количество таких «испытаний» – N), а двумя возможными исходами каждого такого испытания являются: либо попадание в любую главу со словом «принц» («удачный исход», общее количество таких исходов – n), либо не попадание в такую главу (количество, соответственно, N-n).

Таким образом, мы можем теперь точно рассчитать вероятность («Р») того, что при условии полной независимости слов «принц» и «нищий» они «случайно» встретятся в тексте «рядом» определённое количество раз (например, 10).

Полученную вероятность «Р» напрямую использовать нельзя, её нужно соотнести с какими-то другими масштабами задачи.

Сделаем это аналогично тому, как это сделано в определении «точного критерия Фишера». А именно, вычислим сумму «вероятностей Бернулли» (ΣP) как для «нашего исхода» серии испытаний, так и для всех остальных «ещё менее вероятных исходов».

Например, в 12 «испытаниях», в каждом из которых вероятность «удачного» исхода равнялась $\frac{1}{2}$, у нас на практике реально получилось 10 «удачных исходов». Тогда для определения параметра « ΣP » мы возьмём сумму трёх «вероятностей Бернулли», рассчитанных (по формуле 1) для 10, 11 и 12 «удачных исходов». Полученную величину нормировать уже не нужно, поскольку сумма вероятностей по всем возможным исходам нашей серии испытаний равняется единице.

Теперь применим следующую гносеологическую формулу: «Факт наступления события, являвшегося маловероятным в свете некоего дополнительного предположения, позволяет полагать, что это дополнительное предположение было неверным. И чем меньше была расчётная вероятность наступившего события, тем больше вероятность ошибочности дополнительного предположения».

То есть, применительно к нашему случаю, маленькое расчётное значение вероятности того, что слова «принц» и «нищий» случайно встретятся рядом в тексте например 10 раз (при условии отсутствия связи между этими словами, «нуль-гипотеза»), плюс факт того, что в реальности они «встретились» тем не менее именно 10 раз – эти два факта в совокупности интерпретируются, как высокая вероятность того, что «нуль-гипотеза» была неверна. То есть, совместное появление слов «принц» и «нищий» в тексте исходно было взаимообусловлено. Количественной мерой этой взаимообусловленности («связи») и является критерий «К»:

$$K = (1 - \Sigma P) * 100\% \quad (2)$$

Для данного критерия «К», характеризующего вероятность наличия связи между двумя словами, в качестве порогового мы примем значение 90%.

При этом, для $K = 90-95\%$ – вероятность связи будем считать «высокой», при $K > 95\%$ – «очень высокой».

Подытожим. В тех случаях, когда критерий «К» оказывается больше 90%, о наличии связи между словами можно говорить с высокой вероятностью. И тогда (и только тогда) становится актуальным вопрос о «силе» этой связи.

2. Оценка силы связи между словами (параметр «F»)

«Силу связи» мы определяли выше в терминах «средних плотностей» (см. «Грибы»). В случае с «принцем» и «нищим» это означает следующее.

Сначала вычисляем среднюю плотность слова «нищий» в главах, содержащих слово «принц». Потом вычисляем среднюю плотность слова «нищий» в главах без «принца». Затем делим одно на другое – и получаем параметр «F». То есть:

$$F = (nm) / [(N-n)k] \quad (3)$$

Если $F = 1$, это означает нулевую «силу связи» между словами, $F=2$ – «среднюю силу», $F=3$ – «большую», $F=4$ и больше – «очень большую».

3. Момент истины

Таким образом, для оценки вероятности наличия связи между двумя словами в тексте (K), и силы этой связи (F) для каждой исследуемой пары слов необходимо знать следующие четыре параметра: k, m, N, n.

Исключительно для удобства записи, сведём их все в один вектор $R = (k, m, N, n)$.

А теперь – реальные данные для трёх реальных пар реальных слов (берём из таблицы предыдущей главы). Связь между словами в общем случае не является симметричной; направление рассчитывавшейся связи показано стрелкой (→). Итак:

R (новый → остров) = (7, 20, 12, 7)

R (край земли → остров) = (9, 18, 12, 8)

R (новый → край земли) = (7, 20, 10, 6)

Ну вот, теперь вы знаете всё. Считайте, проверяйте (формулы 1, 2, 3).

Геолокация

Итак, в Книге Исаяи отчётливо проступил некий «Новый Остров на Краю Земли».

А нельзя ли как-то поточнее? У Земли ведь четыре края.

Тут можно попробовать посмотреть вот что. В Книге Исаяи (40-66) имеется ряд азимутальных маркеров. А именно: Юг («יָמִי»), Запад («מִזְרָח»), Восток («מִמָּוֶת») и Север («צָפוֹן»).

Работать с этими «указателями направлений» нужно, впрочем, достаточно аккуратно. Поскольку в случаях их парного употребления в качестве «бинарных оппозиций» (типа: «от Запада и до Востока...») они означают не конкретное направление, а понятие «езде», «всюду».

По этой причине из дальнейшего рассмотрения у нас выпадает весь «Юг» и весь «Запад», а также часть «Востока» и часть «Севера» (парные «Север – Юг», 43:6, и «Запад – Восток», 43:5, 45:6, 46:11).

В результате свободными остаются только два направления и только в следующих позициях:

Восток (41:2, 41:25, 46:11).

Север (41:25, 49:12).

Их-то мы и проверим на возможную связь с нашим «островом».

Вычисления показывают, что в случае с «Востоком» у нас нет достаточных оснований говорить о наличии такой связи: критерий вероятности К (восток – остров) = 78%, что меньше порога принятия гипотезы о наличии связи.

А вот «Север» преподнёс нам сюрприз. Мало того, что выявилась отчётливая связь между ним и «Островом», но в добавок к этому обнаружилась очень сильная связь «Севера» с другим элементом нашего нововыявленного объекта – с «Краем Земли». Смотрите:

Связанные пары слов	Критерий вероятности наличия связи (К), %	Сила связи (F)
Север – Остров R=(2, 25, 12, 3)	95 % (вероятность: высокая)	4,2 (сила: очень большая)
Север – Край Земли R=(2, 25, 10, 3)	97 % (очень высокая)	5,4 (очень большая)

[Табл. 18-08-03. Значения критерия вероятности связи (К) и силы связи (F) между словами «Остров», «Север» и «Край Земли» в Книге Исайи, 40-66.]

А коли так, то географическая локализация выявленного объекта ещё больше конкретизировалась. Ибо «Север» плюс «Край Земли» дают в сумме «Крайний Север».

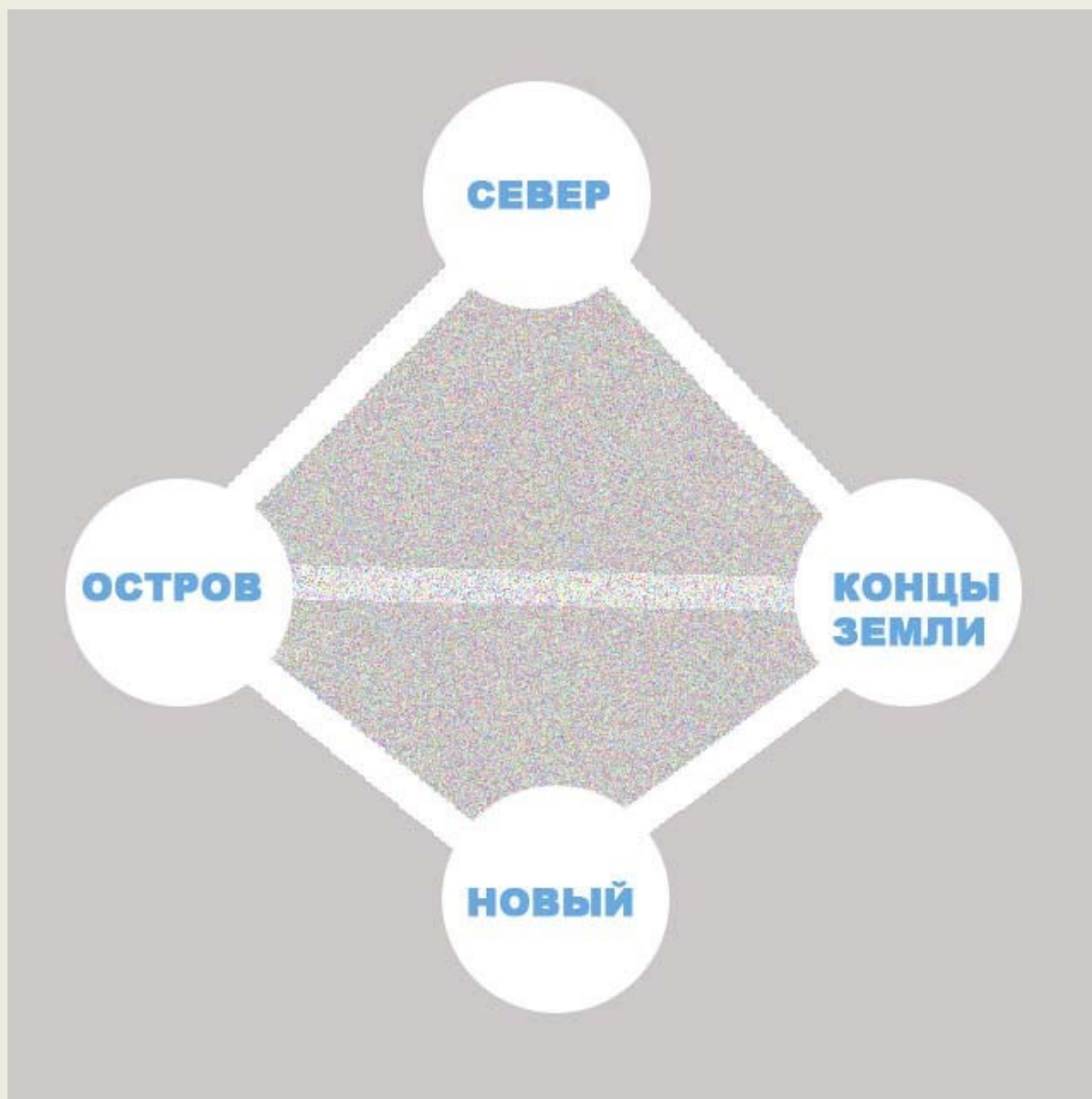
Из вод морских

Анализ объёмных свойств слов «Остров», «Новый», «Дальний Край Земли» и «Север» в тексте «Книги Исайи» показал наличие сильных перекрёстных связей между этими словами.

Это означает одно – для автора «Книги Исайи» эти четыре слова являются определённо взаимообусловленными. А значит, соответствующие четыре понятия тесно связываются между собой в сознании автора и являются частными свойствами некоего единого объекта.

Этот объект нигде не появляется в тексте целиком, но само выстраивание текста идёт при постоянном обращении автора к различным его свойствам.

И описывается этот объект следующим образом: «Новый Остров у Северного Края Земли».

[Илл. 18-08-03-1. Схема объекта «Новый Остров на Северном Краю Земли» в Книге Исайи, 40-66.]

Так, из-за горизонта событий показалась, наконец, вершина Острова Вечной Жизни (*udnarišti*), лежащего на дальнем Севере (*iltānu*), за краем Земли, среди Вод Смерти великого Океана – куда путь лежит через «двойную гору» (*šadi mašu*) и сквозь райский сад лазуритовых деревьев с сердоликовыми плодами («О всё видавшем», табл. I, IX-XI).

[Илл. 18-08-04-1. Глиняная табличка из «библиотеки Ашшурбанапала», представляющая фрагмент «ниневийской версии» рассказа «О всё видавшем». *British Museum*, K. 2360 + 3060, оборот (табл. IX, столб. 4-6, текст идёт слева направо сверху вниз, столбцы – справа налево). Герой, направляясь к Острову Бессмертия, идёт мимо «двойной горы» (*šadi mašu*, правая врезка), по области тьмы («темнота густа», *šarat ekl<etumma>*, левая врезка) – так, что «северный ветер» (*iltānu*, средняя врезка верхняя строка) дует ему «в лицо» (*panišu*, средняя врезка нижняя строка). В другом месте отдельно оговаривается, что герой был на «краю земли» (табл. I-1. ВМ, K. 2756 и др.). VII в. до н.э.]

[Илл. 18-08-05-1. Глиняная табличка из Сиппара (OB VA+BM, «табличка Мейснера»). Две её части хранятся раздельно: верхняя – в Vorderasiatisches Museum Berlin (VAT 4105), нижняя – в British Museum (ед. хран. 96974). Показан оборот, колонки идут справа налево. Содержание соотносится с табл. X «ниневийской версии». Здесь сообщается, что место обретения Бессмертного («нашедшего далёкую жизнь», *utanaīštim*, левая врезка) находится за Водами Смерти (*me-e mutim*, средняя врезка), далеко в Океане (*tiāmtam*, правая врезка). XIX в. до н.э.]

Книги

В этой книге, как все, надеюсь, успели уже заметить, присутствует много других книг. Так и как это, нормально?

Чтобы ответить на данный вопрос, надо либо писать отдельную книгу («Что такое книги, зачем они нужны и как их выбирать», а может даже так: «Новый Иеноам или Прощание с книгой»), либо ограничиться парой слов. Ограничусь пока парой.

Да, нормально.

Четыре загадочные буквы

(М-стринг – Самая последняя математика – Снег)

М-стринг

Сейчас мы подошли к эпизоду, который... впрочем другой автор, почище меня, по другому поводу сказал так, что лучше уже не скажешь. Просто повторю:

Сейчас мы подошли к эпизоду, который лежит у нас поперек дороги, так что не заметить его мы не можем. А эпизод этот тёмный, таинственный и решительно недокументированный, так что непонятно, как его объяснить. Писать о нем можно целые тома; целые религиозные системы можно на нем основать. И посему наш долг – сообщить факты, насколько они нам известны, а читатель уже пусть сам из них извлечёт, что сумеет.

(Вирджиния Вулф, «Орландо», глава 2)

Хотя, пожалуй, некоторые отличия в ситуации всё же имеются. Наш эпизод «документирован» так полно, как это только возможно. Мы сталкиваемся здесь с достоверным, несомненным и хорошо проверяемым результатом. Но, скажу честно, столкнувшись с этим результатом, я теряюсь.

Итак. Об острове (или группе островов), фигурирующем в «Книге Исайи», мы из предыдущих глав уже кое-то знаем.

1. Это – важный объект как в образном, так и в физическом пространстве «Книги Исайи». Так или иначе «Остров» присутствует в тексте постоянно.
2. Этот «Остров» ассоциируется у автора «Книги Исайи» с некой «Новой Землёй».
3. Про местоположение «Острова» известно, что он находится «у северного края Земли».

И это пока было всё.

А вот сейчас мы познакомимся с ещё одним результатом. При этом нам потребуется несколько расширить взгляд на понятие «объект».

Вообще, «объектом» в структурном анализе может являться всё что угодно, не обязательно какой-то один «предмет». Банка «бычков в томате» и пачка «пельменей» в авоське – это один «объект» под названием «моя сегодняшняя покупка», принадлежащий «множеству» под названием «мои ежедневные покупки». А те же самые «бычки» плюс «пельмени» плюс «зеленоватость» – эти три слова в совокупности представляют собой объект под названием «пример экзотического объекта», принадлежащий «множеству» под названием «идиотские умозрительные примеры».

Короче, в теории любая сущность может являться «объектом». Но на практике всегда хочется, чтобы «объект» хоть сколько-то соответствовал какому-нибудь понятному явлению реального мира. До сих пор с этим у нас всё было более-

менее в порядке. «Объектом» у нас являлось то или иное понятие, выраженное либо одним словом (например, «остров»), либо совокупностью слов, связанных в рамках конкретного понятия («Новый Остров у Северного Края Земли»).

Так вот, в ходе структурного сканирования «Книги Исаяи» произошло следующее. Алгоритмы обработки текста, с помощью которых я вдохновенно вычленял взаимозависимые слова, вдруг обнаружили новый, не описанный никем ранее «объект» – имеющий при этом очень чёткие границы и обладающий ярко выраженными свойствами. Главное из которых – невероятно устойчивая и сильная связь с нашим «Островом».

Даже не знаю с чего тут начать. Новый «объект» на первый взгляд был как будто представлен некой «совокупностью слов». Но эти слова не сходились ни в каком едином «понятии» (как это было в случае с «новым северным островом»). Выявленная группа слов не была объединена общим смыслом даже опосредованно, в рамках какого-нибудь «общего сюжета». Более того – строго говоря, её нельзя было даже назвать «группой слов».

Сейчас скажу сложно, но кратко. Новый обнаруженный «объект» был представлен «совокупностью элементов, каждый из которых представлял собой ту или иную неразрывную последовательность букв, ограниченную с обеих сторон пробелами». Назовём этот «объект» по первой букве его первого обнаруженного проявления – «М-объектом».

Как уже говорилось, «М-объект» выказал сильнейшую связь со словом «Остров». А вот какие у него имелись конкретные проявления.

Проявления «М-объекта»	Номер Стронга	Трёхбуквенная основа	Традиционный перевод (с точным сохранением формы)	Позиция в Книге Исаяи
משתולל	7997	שלל	«подвергается оскорблению»	59:15
ושמתי	7760	שׁים	«и сделаю» «и положу»	42:15, 49:11, 54:12, 60:17 66:19
ושמתיך	7760	שׁים	«и сделаю те- бя»	60:15
ושמתיה	7760	שׁים	«и подам её»	51:23
ותמשלוני	4911	משל	«и сравните меня»	46:5

[Табл. 18-09-01. Различные проявления «М-объекта» в Книге Исаяи, 40-66.]

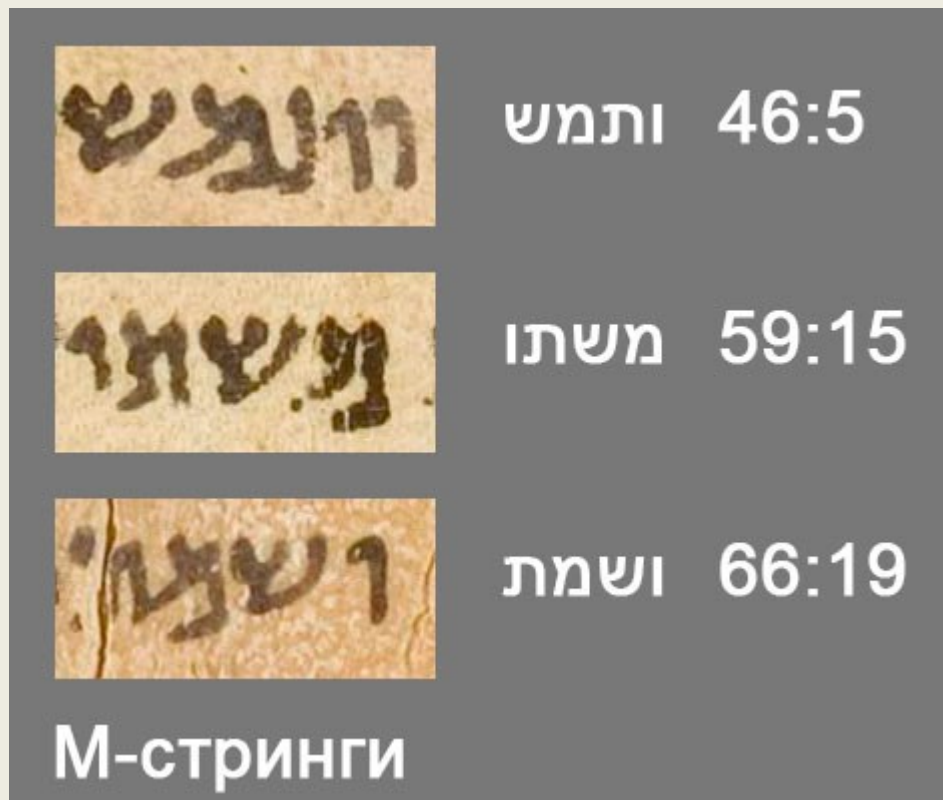
Как видим, между разными «проявлениями» нашего «М-объекта» общего мало. Очевидно, что они были отобраны алгоритмом не по принципу схожести «слов» (иначе бы все слова, имеющие один тот же номер Стронга – скажем 7760, а их в тексте множество – сюда бы попали). И уж тем более они отбирались не по принципу сходства «понятий».

Перед нами какая-то странная выборка отдельных слов в строго определённых формах (лице, числе, роде, времени), идущих строго в связке с определёнными союзами и местоимениями, которые по правилам языка пишутся слитно. Системы в этом всё не прослеживается никакой.

Разве что вот. Первые четыре буквы во всех найденных проявлениях «М-объекта» (читаем справа налево) – это одни и те же буквы, только в разной последовательности. Буквы эти вот какие – «мэм», «тав», «шин» и «вав». В дальнейшем будем называть любую последовательность этих четырёх букв, предвараемых пробелом, – «М-стринг».

Как ни звучит это невероятно, но данный (чисто формальный) признак оказался при проверке как необходимым, так и достаточным признаком принадлежности того или иного элемента текста «Книги Исайи» к «М-объекту». А именно – все без исключения проявления «М-объекта» начинаются с «М-стринга» – и при этом больше ни одного «М-стринга» в тексте «Книги Исайи» нет.

Так что, судя по всему, между «М-объектом» и «М-стрингом» можно поставить знак тождества. То есть первый является ничем иным, как просто совокупностью различных видов второго.

[Илл. 18-10-01-1. Примеры «М-стрингов» Книги Исайи (46:5, 59:15, 66:19), 1QisaA.]

Теперь о связи «М-объекта» с нашим «Островом». На приведённой ниже таблице указано их взаимное расположение в тексте «Книги Исайи».

глава/стих	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
			4, 10, 12, 15																								
острова	15	1, 5	15							1		5								18	9						19
М-объект			15				5			11		23			12					15	15, 17						19

[Табл. 18-09-02. Места расположения слов «Остров» и «М-объекта» в Книге Исайи, 40-66.]

Критерии «вероятности связи» и «силы связи» рассчитывались по данным этой таблицы – способом, описанным в предыдущей главе. Нужные для этих расчётов параметры оказались тут следующие: R (остров → М-объект) = (9, 18, 9, 7).

Результаты расчётов, признаться, немного ошеломляют. Вот они.

«Критерий вероятности наличия связи, К» : 99,6%.

«Сила связи, F»: 8,3.

Такого мы ещё не видели. Вероятность отличается от 100% только в третьем знаке. Сила связи вдвое превысила «очень большую».

Всё это было настолько невероятно, что хотелось проверить данный результат каким-нибудь независимым способом. Желательно основанным на какой-нибудь другой модели.

По сложившейся хорошей традиции, все нежелающие вникать в математику следующую главу могут пропустить. Единственно, следует посмотреть приведённую в её конце таблицу с результатами.

Итак, другая модель.

Самая последняя математика

Сам факт существования нескольких альтернативных математических методов решения одной и той же задачи никого не должен смущать. Математика, по большому счёту, является лишь инструментом исследования, и каждый волен выбирать тот инструмент, с которым ему удобнее работать. Кто-то покоряет сердце девушки с помощью польки, кто-то – с помощью болгарки.

До сих пор мы пользовались инструментами Теории вероятности. А сейчас подойдём к той же проблеме с позиций Статистического анализа. Тем более, что последний имеет хорошо наработанный аппарат для решения именно подобных практических задач. Если Теория вероятности летает высоко и вкушает такие сладостные материи, как «абсолютная сходимость», «достаточная выборка», «полностью независимые события» – то Статистический анализ был рождён как

раз для того, чтобы работать в реальном мире в реальных условиях. У вас есть столько «пусковых испытаний» сколько есть – и на дополнительное даже не надейтесь, но за принятое на их основе решение вы будете отвечать головой – вот какие вопросы порешивает Статистический анализ. Дисциплина серьезная.

В соответствии с изменением инструментария, мы модифицируем и нашу модель. Раньше центральным понятием у нас была «серия независимых испытаний», где в качестве «отдельного испытания» выступал каждый случай употребления в тексте исследуемого слова. Теперь же мы взглянем на текст, как на «совокупность однотипных элементов», где каждый «элемент» характеризуется двумя «свойствами». И нам надо выяснить – связаны ли эти два свойства между собой или нет.

Применительно к нашему случаю это выглядит так. «Единичные элементы» – это главы текста. Нас интересует возможная связь между двумя словами (например, «короли» и «капуста»). Тогда двумя «свойствами» каждой главы будут её «королистость» и её «капустность». Каждое из этих свойств имеет в свою очередь две возможные градации: для «королистости» – это наличие или отсутствие в главе слова «короли», для «капустности» – это наличие или отсутствие в главе слова «капуста».

Таким образом, все главы разделяются на четыре категории: «с королями и с капустой» (их количество обозначим «a»), «с королями, но без капусты» («b»), «без королей, но с капустой» («c»), «без королей и без капусты» («d»).

Четыре числа, соответствующие количеству глав в этих четырёх категориях, образуют матрицу, которую по традиции называют «таблицей сопряжённости». Анализ такой «таблицы» и позволяет ответить на вопрос – насколько вероятно наличие связи между «королями» и «капустой».

Процедурно этот анализ может быть выстроен так. Сначала принимается гипотеза о независимости «королей» и «капусты» друг от друга («нуль-гипотеза»), затем в рамках этой гипотезы для каждой ячейки «таблицы сопряжённости» вычисляется «наиболее ожидаемый» результат, потом вычисляются квадратичные отклонения этих «ожидаемых» результатов от результатов реальных, данные отклонения суммируются по всей матрице и полученное число («критерий хи-квадрат») сравнивается с неким эталонным значением. На основе этого сравнения и определяется вероятность того, что «нуль-гипотеза» исходно была не верна – или (что то же самое) что исследуемые слова на самом деле зависели друг от друга.

Для проведения анализа связи любой пары слов в тексте нам нужно знать, таким образом, четыре числа (a, b; c, d), образующих собой «таблицу сопряжённости» («W»).

Конкретно, для нашего случая (слово «остров» и «М-объект» в Книге Исаии, стихи 40-66), «таблица сопряжённости» выглядит так: $W = (6, 2; 2, 17)$. Всё, можно считать.

Так были рассчитаны ещё два независимых критерия для оценки вероятности наличия связи между исследуемыми словами, и ещё один – для оценки силы этой связи. Процедура вычисления и физический смысл данных величин хорошо известны (напр., Грэхэм Аптон, «Анализ таблиц сопряжённости», 1982. 2.10-12).

– «Вероятность наличия связи» на основе «критерия хи-квадрат». Вычислялась с «поправкой Йейтса», учитывая малость выборки («жизнь – это непрерывная подготовка к тому, чего никогда не будет»).

– «Вероятность наличия связи» на основе «точного критерия Фишера». Даёт корректный результат в том числе и для малых выборок («белые имеют возможность каждый раз играть по разному, а потому они каждый раз будут по разному проигрывать»).

– «Коэффициент связи Юла». Чем ближе его значение к единице, тем связь сильнее («прошу, не надо понимать меня *настолько* быстро»).

Итак, к нашим двум предыдущим критериям, характеризовавшим вероятность и силу связи между «Островом» и «М-объектом» (K, F), добавились ещё три новые независимые критерия, полученные с помощью аппарата Статистического анализа ($P_{\text{хи-квадрат}}$, P_{Fisher} , Q). Вот как это выглядит всё вместе:

Связанные объекты	Различные критерии вероятности наличия связи между объектами, %			Сила связи	
	K (Бернулли)	$P_{\text{хи-квадрат}}$ ($X^2=8,1$)	P_{Fisher} (Фишер)	F (средние плотности)	Q (Юл)
Остров – «М-объект» R=(9, 18, 9, 7) W=(6, 2; 2, 17)	99,6 % (очень высокая)	99,6 % (очень высокая)	99,8 % (очень высокая)	8, 3 (очень большая)	0,92 (очень большая)

[Табл. 18-09-03. Значения различных критериев, характеризующих вероятность наличия связи и силу этой связи между «Островом» и «М-объектом» в Книге Исайи.]

Снег

А всё вместе это означает вот что. С высочайшей степенью вероятности в «Книге Исайи» между словом «Остров» и четырьмя загадочными буквами «М-объекта» обнаружилась чрезвычайно сильная связь неизвестной природы. «Как хорош снег на кровлях, покрытых корой кипариса».

Имя

(Природа взаимодействия – Проявленная реальность – Послание)

Природа взаимодействия

Итак, с высочайшей степенью вероятности в «Книге Исаяи» между словом «Остров» и «М-объектом» обнаружилась чрезвычайно сильная связь – неизвестной природы.

Хочу особо подчеркнуть – никаких «значений» и никаких «смыслов» за «М-объектом» не значит. Это просто-напросто голая последовательность букв. То есть, «М-объект» (он же – «М-стринг») равняется «м-т-ш-в» – и ничего больше.

И при этом, однако, нашему «Острову у Северного Края Земли» в тексте «Книги Исаяи» неизменно сопутствует именно эта совокупность букв. Там, где в тексте появляется остров, там же неизменно, как «25-й кадр», появляются и эти буквы. Как если бы строка «м-т-ш-в» являлась одним из атрибутов нашего северного «острова».

Человеку стороннему это может показаться обыденным по сравнению с эпическим пересечением «севера» с «островом» или «обновления» с «дальним концом Земли». На самом деле дело обстоит ровно наоборот.

То, что разные «смыслы» взаимодействуют между собой – это не то что возможно, это – неизбежно. Сама суть «смыслов» состоит в их постоянном притяжении и порождении чего-то нового. Вопрос был единственно в установлении конкретного механизма конкретного взаимодействия. В результате мы просто получили новое знание, а именно – что некий «остров» находится не где-нибудь, а «на севере, у дальнего края Земли». Это – объективная реальность, и существовала она вне зависимости от того, знали мы о ней или нет. Ну вот теперь узнали.

И совсем другое дело – связь между северным «Островом» и просто последовательностью знаков. В этом, и именно в этом вся неправдоподобность и невозможность ситуации. Мы сложили «горячее» с «зелёным» – и преспокойно получили на выходе говорящего енота, рассуждающего о «молекулярной кухне».

«Смысл» обнаружил взаимодействие с «не-смыслом». Так не бывает. Но именно так в данном случае есть. Прокомментировать это я не могу.

Хотя, чисто теоретически... Чисто теоретически всё-таки существует один расклад, при котором «М-стринг» может считаться «словом», несмотря на отсутствие его в словарях. Этот расклад называется: «название».

Ибо любая совокупность букв теоретически может оказаться топонимом, собственным именем некой точки на карте, географического объекта.

С подобной ситуацией мы уже сталкивались в той же «Книге Исаяи». Когда мало-понятное «слово» в стихе 16:11 («שַׁרְחָרֶשֶׁת», «к-й-р-х-р-ш»), в конце концов было «назначено» топонимом и стало считаться «городом Кирхареш». Существовал ли такой город на самом деле или нет – значения это тогда не имело. Допустим, су-

ществовал, и, допустим, так назывался. А в течение тысячи лет (начиная с IX и до конца XIX века) это «слово» («к-й-р-х-р-ш») преспокойно переводилось, как «обновление стены». А потом стало «Кирхарешем», ничего личного.

Так что, похоже, единственная возможность объяснить полученные данные – это допустить, что «М-стринг» представляет собой ничто иное, как название нашего северного острова. Всё к тому сходится.

Ещё раз суммируем наши знания в этой области. Есть некий «остров». Находится он на «северном краю Земли». И из текста «Книги Исаяи» вытекает его предположительное название: «М-т-ш-в». На этом пока остановимся.

Проявленная реальность

А теперь поднимаемся на уровень выше. Или – спустимся на уровень ниже, это кому как. Короче, от «текста» перейдём к «текстовому документу».

Переход этот хоть и незаметный, но принципиальный. И на мой взгляд это всё-таки следующий уровень, поскольку такой переход является определённым мостиком в реальность.

Отличие здесь вот в чём. Объект под названием «текст» – вещь не-материальная. Вы копируете этот объект на другой носитель – и он остаётся при этом тем же самым объектом. Вы рассылаете его друзьям миллиардом копий – и всё равно он остаётся тем же самым объектом – вашим «текстом».

А объект под названием «текстовый документ» – он вполне себе материален, и он всегда единичен. Если вы даже абсолютно точно его скопируете, вы создадите всего-навсего «копию документа», а не ещё один «тот же самый документ».

И сейчас мы обратимся именно к «документу», точнее – «группе документов». К тем конкретно манускриптам, которые являются в практическом смысле «первоисточниками» для нашего ключевого места в «Книге Исаяи» – то есть для слов о «Новой Земле» в стихе 66:22.

Документы, к которым мы сейчас обратимся являются самыми ранними из сохранившихся экземпляров каких бы то ни было рукописей, содержащих конкретно эти слова.

Таких документа три, и все они относятся к «Кумранским свиткам».

Всего среди «Кумранских свитков» насчитывают около 20 экземпляров «Книги Исаяи» той или иной степени сохранности. О степени этой самой сохранности можно составить представление уже по одному только слову «около». Если говорить грубо, то один экземпляр сохранился полностью (1QIsaA) и ещё один сохранился «в значительной степени» (1QIsaB). Остальные же не то 17 не то 18 экземпляров представляют собой набор отдельных кусочков кожи, по которым даже трудно понять количество экземпляров, к которым они принадлежали.

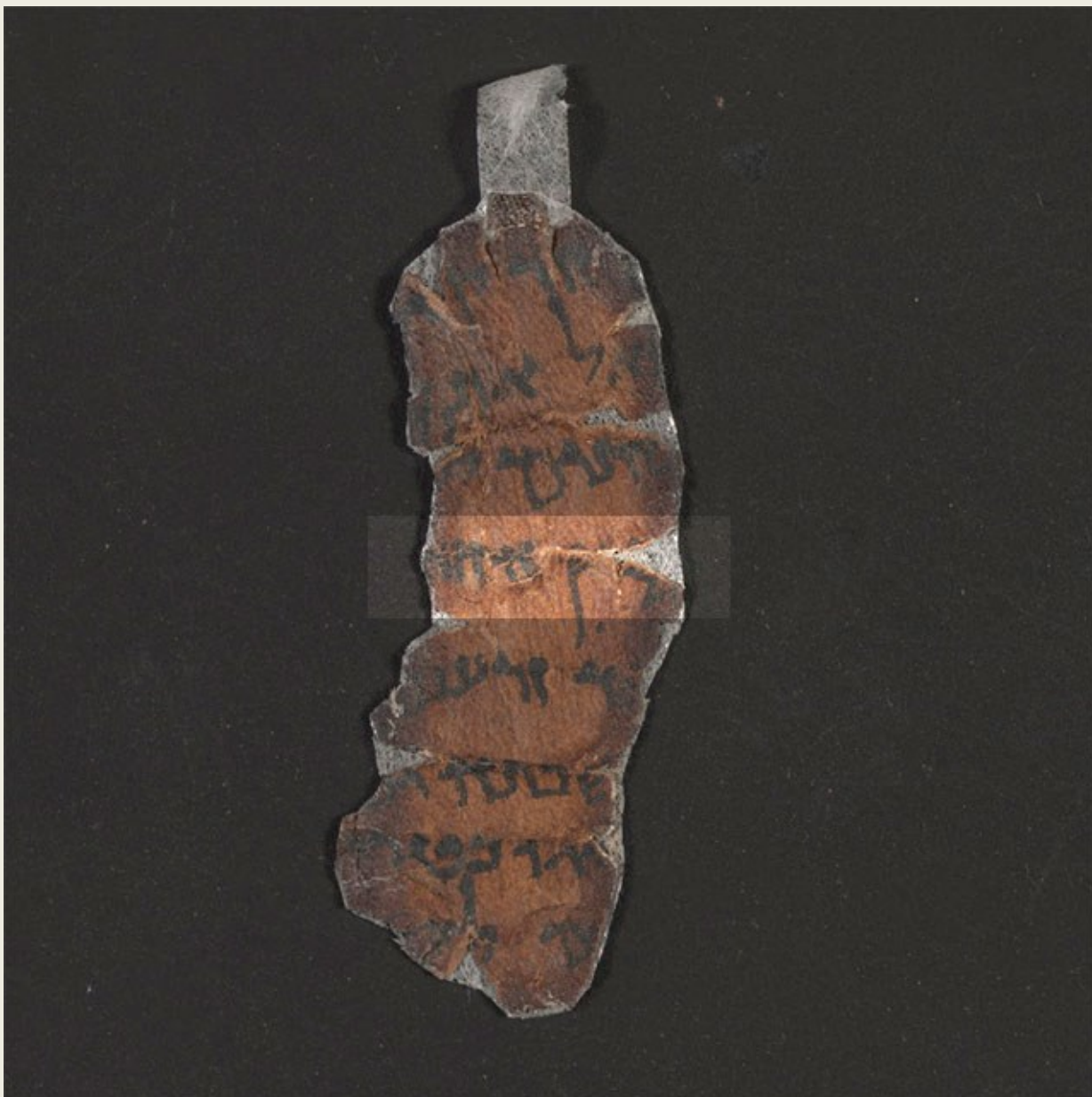
«Новая Земля» присутствует только в трёх Кумранских экземплярах «Книги Исайи» – 1QIsaA («Большой Свиток Исайи», около 125 года до н.э.), 1QIsaB (он же 1Q8) и 4QIsaC.

И это – всё. Больше данное место в «Кумранских свитках» не сохранилась нигде. И после этих трёх документов в источниковедении следует абсолютный пробел длиной в одну тысячу лет.

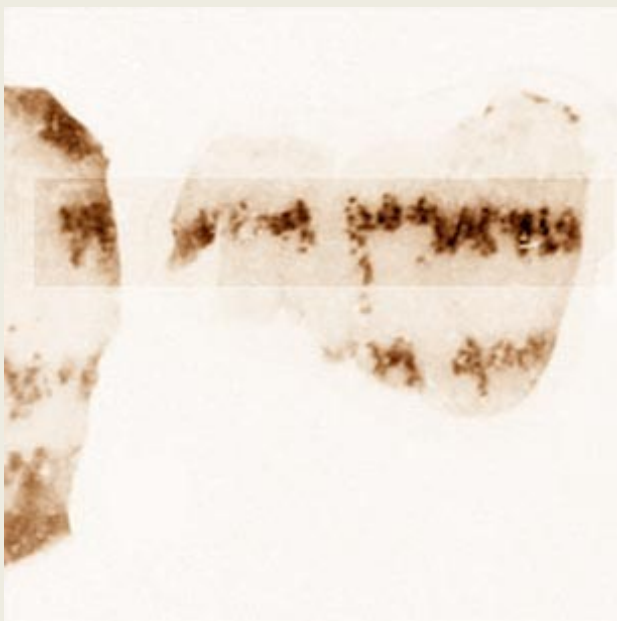
Так что просто посмотрим на эти три фрагмента и помолчим.

[Илл. 18-03-10-2. «Новая Земля», Исайя 66:22. Кумранский свиток 1QIsaA, л. 54, стрк. 14.]

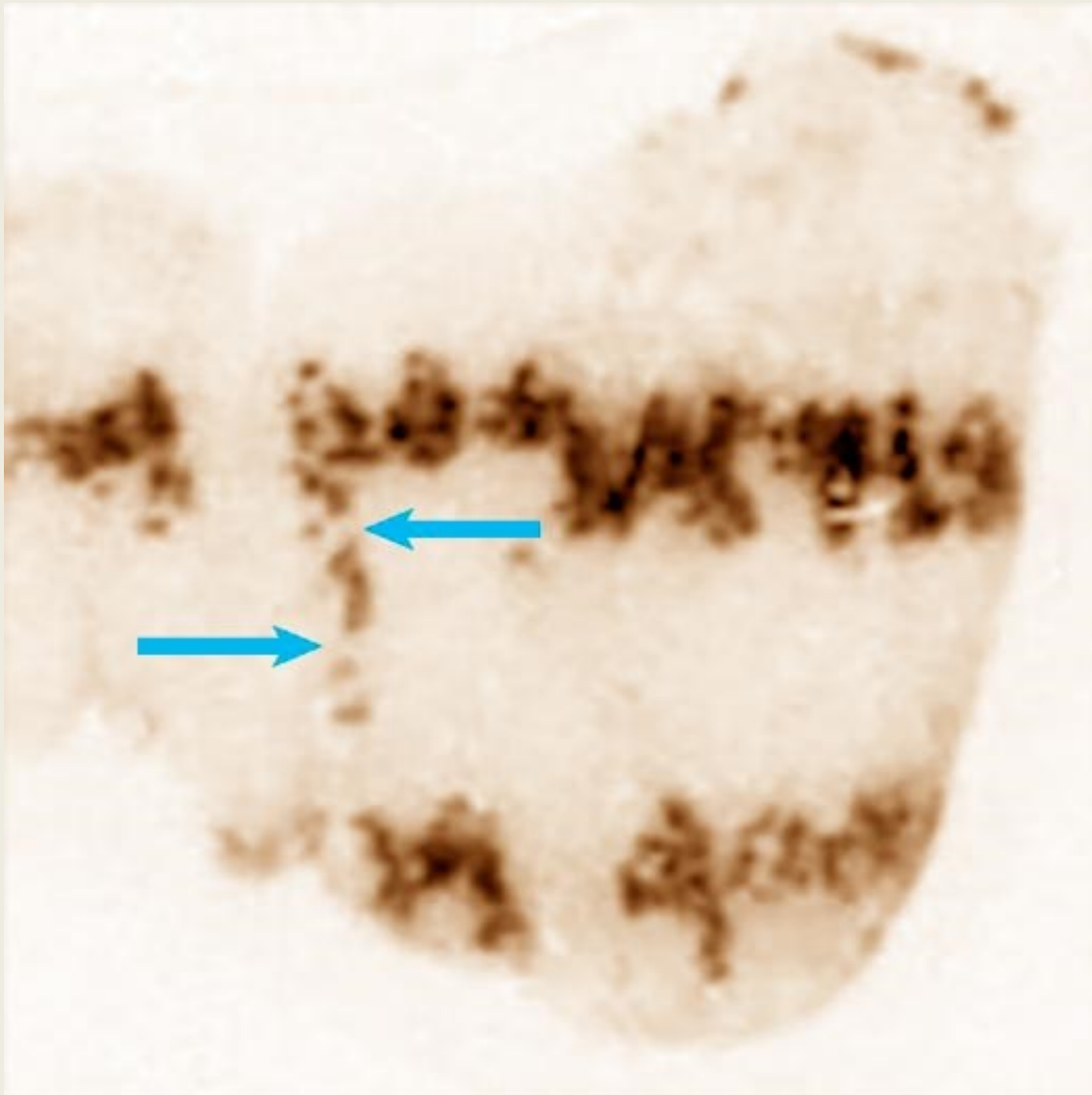
[Илл. 18-11-01-1. «Новая Земля», Исайя 66:22. Кумранский свиток 4QIsaC, PI-387-frag-5; PI-XI-frag 48.]

[Илл. 18-11-02-1. «Новая Земля», Исайя, 66:22. Кумранский свиток 1QIsaB, Pl-XXVIII-line-34, фото SHR-4282 и 4279 (последняя буква «хей»), «Discoveries in the Judaean Desert» v. XXXII, part 1, стр. 151, Oxford, 2010.]

Но, подождите. Это мне только так кажется, или так оно и есть? Судьба (в обли-
чи Времени) начертала на всех трёх представленных фрагментах некое допол-
нительное сообщение. Присмотритесь внимательней.

В рукописи 1QIsaB в слове «земля» Время перечеркнуло в двух местах «ножку» у
буквы «цади» («ү»).

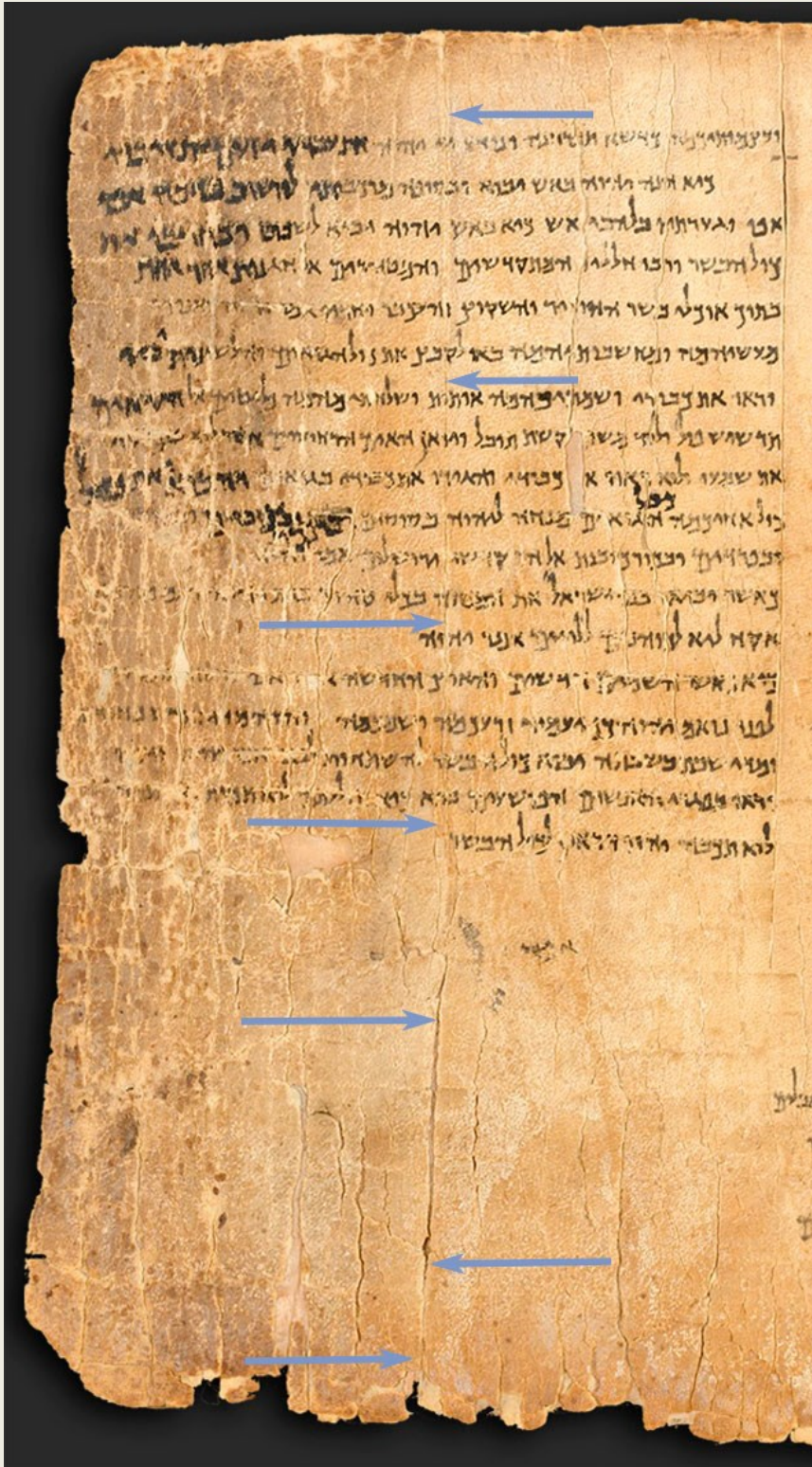
[Илл. 18-11-02-2. 1QIsaB, разломы в букве «цади» в слове «эрэц» (земля).]

В рукописи 4QIsaC оно отделило от того же слова («земля») ту же самую букву («цади»), попросту отрезав остальную часть слова.

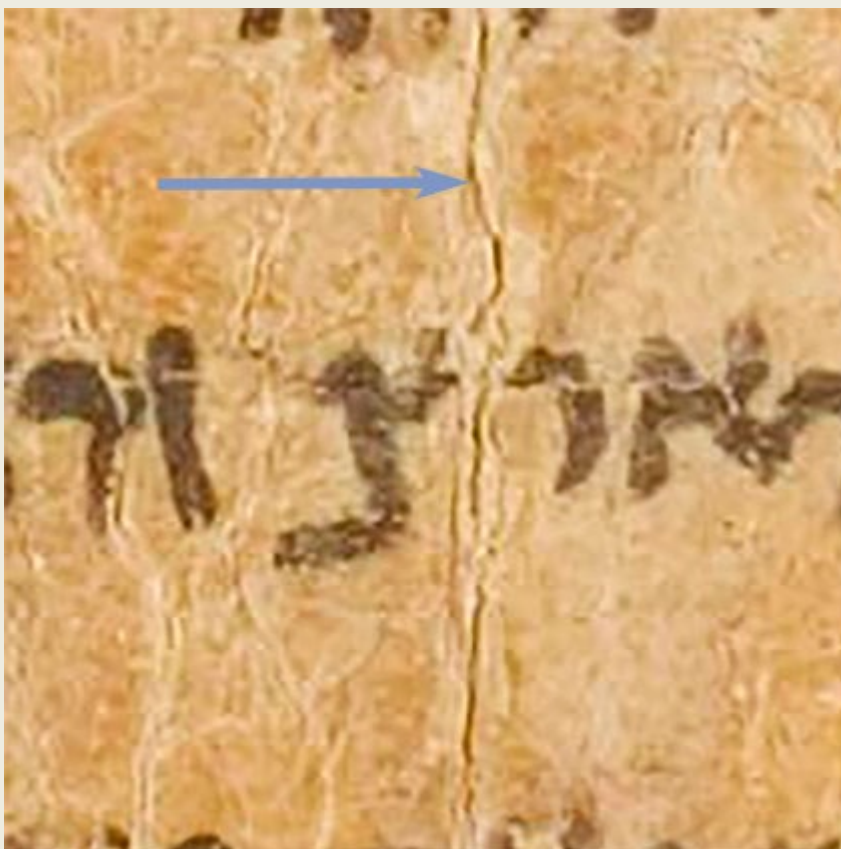

[Илл. 18-11-01-2. 4QIsaC, буква «цади» от слова «эрэц» (земля).]

И, наконец, в рукописи 1QIsaA гигантская семантико-тектоническая трещина рас-секла, как Большой Каньон, весь лист от края до края (л. 54). И прошла при этом с хирургической точностью в-аккурат между буквой «цади» и буквой «реш» (по буд-то специально оставленному для того месту), разделив слово «земля» на две не-равные части.

[Илл. 18-03-10-3. 1QIsaA. Трещина, проходящая через весь лист, «отрезает» букву «цади» от слова «эрец» (земля).]

[Илл. 18-03-10-4. Там же. Фрагмент. Буква «цади» отрезана от остального слова трещиной.]

Что бы это всё могло означать? На рациональном уровне – ничего. На вне-рациональном – чёткий знак Судьбы. Но вот только знак – чего?

Итак, в слове «земля», состоящем из трёх букв («алеф»-«реш»-«цади», «ָרָחַ») последняя буква («цади», «ָ») неизменно удаляется Судьбой, которая что-то пытается этим сказать. Но не очень понятно – что именно, поскольку оставшееся слово из двух букв («алеф»-«реш», «ָרָחַ») решительно ничего не означает.

Но давайте вспомним теорию: в «Кумранских рукописях» написание букв «реш», «далет», «вав» и «йуд» как правило практически не различимо. А после этого обратимся к практике (см. илл.): в рукописи 1QIsaA в слове «земля» («ָרָחַ») буква «реш» («ָ»), действительно не отличима по написанию от буквы «йуд» («ֿ») в соседних словах.

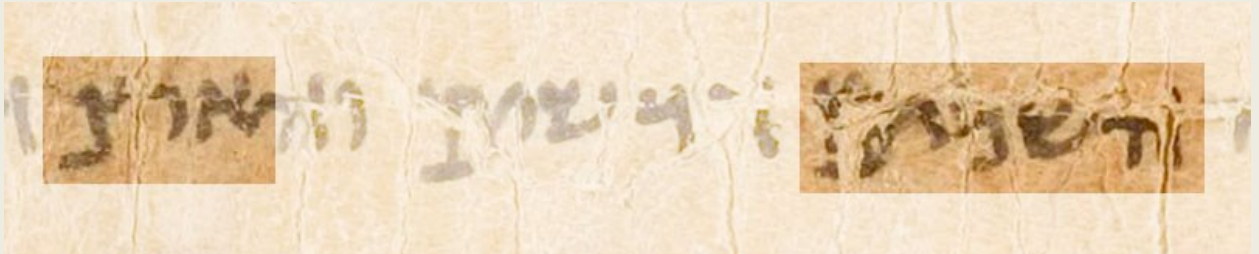
Таким образом, оставшиеся от слова «земля» две буквы могут быть интерпретированы, как «алеф»-«реш» («ָרָחַ»), но с равным основанием они могут означать «алеф»-«йуд» («ֿֿ»). Что есть ничто иное, как – «Остров».

Так вот он, знак Судьбы. «Новая Земля» на наших глазах (буквально) превратилась в «Новый Остров».

Собственно, мы это знали и раньше – что под «Новой Землёй» автор «Книги Исайи» понимает именно некий северный остров. Но к сухим результатам структурного анализа теперь добавилось горячее биение пульса Времени и неотвратимость самой Судьбы.

Что-нибудь ещё?

Да хотя бы вот. Рядом с образовавшимся «Новым Островом», в тексте стоит слово «небо» («ר'שם»). И вот, по воле того же Времени, которое в рукописи затёрло в этом слове пару линий, «небо» превратилось в ничто иное, как «М-стринг» («ל'מ'ש').

[Илл. 18-03-10-5. 1QisaA, 66:22, л. 54, стрк. 14. Слова «Небеса» (справа) и «Земля» (слева).]

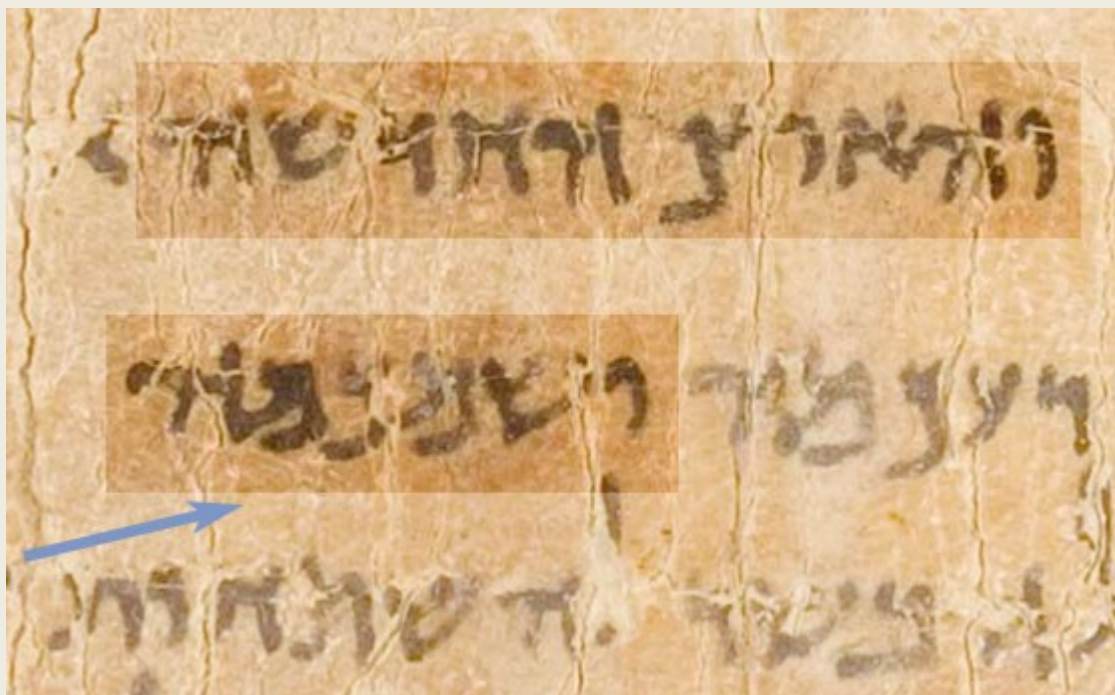

[Илл. 18-03-10-6. Кумранский свиток 1QisaA, 66:22, л. 54, стрк. 14. Буква «мэм» в слове «небеса» трансформировалась в букву «тав» (для сравнения дано соседнее слово с «тав»)].

Итак, мы видим следующее. Под действием Времени, на всех сохранившихся свитках Книги Исаяи, как на ортохроматических пластинах Люмьера, проявилась исходная реальность. «Новая Земля» предстала миру, как «Новый Остров», а в высоком «Небе» отчётливо проступили четыре буквы названия этого острова.

И ещё об именах. Чтобы не оставалось уж никаких сомнений в правильности истолкования природы связи между «М-стрингом» и «Новым островом», прямо под последним в рукописи 1QIsaA стоит прямое указание: «Ваше имя» («הממש»).

Да уж, прямее некуда.

[Илл. 18-03-10-7. 1QIsaA, 66:22, л. 54, стр. 15. Выделены фразы: «Новая Земля» (вверху) и «И ваше имя» (пишется слитно, внизу).]

Послание

И самая последняя песчинка.

До сих пор мы всегда брали в качестве объекта изучения либо «текст», либо «документ». Выбор этих объектов определялся относительной простотой работы с ними. Но, строго говоря, с точки зрения самой сути явления обмена информацией, фундаментальным объектом являются не они, а объект под названием «послание».

«Послание» – это система, состоящая из трёх связанных элементов – «писатель», «текст» и «читатель». Это вроде как гантеля, где «писатель» и «читатель» – её чугунные головы, а «текст» – соединяющая их рукоять.

А то ведь обычно бывает как? Если с книгой что-то не то, писатель говорит: «Я (писатель) – хороший, книга – хорошая, просто читатель ничего в ней не понял, так что он – плохой».

Но если поставить всё с головы на ноги, то для писателя его текст – это средство доставки до читателя писательских идей. А коли так, то если «средство доставки» по факту не смогло доставить адресату нужный груз, значит именно оно и не справилось со своей задачей и проблема в нём.

Я здесь не о том, что «читатель всегда прав». А о том, что вся совокупность всех возможных смыслов и ассоциаций, которые возникают сейчас и могут возникнуть в будущем при прочтении текста – это рабочее поле и зона ответственности того, кто текст производит.

И – даже не об этом. А о практическом, прагматическом, просто технологическом следствии этой реалии: «Все возможные способы прочтения текста являются составной частью «послания», его естественными атрибутами».

Всё это кажется немного заумным и оторванным от жизни, но сейчас мы столкнёмся с этим в самой что ни на есть реальной ситуации.

Современные издания «Библии» практически всегда включают в себя такую вещь, как перекрёстные ссылки на параллельные места текста. Например, напротив стиха Ис. 1:2 указывается что-нибудь вроде: «Втор. 32:1». Что означает, что наш стих 1:2 из «Книги Исайи» каким-то образом соотносится со стихом 32:1 из книги «Второзаконие».

Эти «ссылки» не являются авторскими, авторы библейских книг свои тексты ими не снабжали. От издания к изданию состав этих ссылок может варьироваться. И вообще, их происхождении не слишком прозрачно.

Так что если исходить из классических представлений о тексте, эти ссылки не должны при его изучении приниматься в расчёт. Поскольку они представляют собой всего лишь некое частное мнение о тексте неких частных неизвестных лиц.

Но в рамках модели функционирования «посланий», непреодолимая пропасть между текстом и этими «сторонними» ссылками исчезает. Поскольку совокупность этих ссылок представляет собой результат коллективного прочтения данного текста, а значит – она может при определённых условиях рассматриваться, как его составная часть.

Ведь эти ссылки – ничто иное, как сумма по факту выявленных читателями смыслов, вложенных в текст автором именно с целью их выявления.

Таким образом мы можем (с некоторой осторожностью) рассматривать перекрёстные ссылки «Ветхого Завета» как полноправную, хотя и специфическую, составную часть самого текста.

Про сами эти ссылки можно сказать следующее. 1) Наличие ссылки указывает лишь на факт связи между двумя текстами, но природа этой связи может быть при этом самая разная; 2) Ссылки не симметричны (если текст «А» имеет ссылку на текст «Б», то это вовсе не означает, что «Б» имеет ссылку на «А») и, 3) Ссылками отмечены далеко не все имеющиеся связи.

Последний пункт вполне понятен. Чисто технически было бы невозможно уместить в узкой колонке весь массив ссылок на все параллельные (в том или ином смысле, и в той или иной степени) места, которых для каждого стиха можно найти сотни, если не тысячи. Так что авторам ссылок приходилось ограничиваться в каждом случае самым-самым важным.

А теперь взглянем в свете всего вышесказанного на ссылку, которой снабжён стих 66:19 «Книги Исайи» – тот самый стих, в котором слово «остров» появляется в книге в последний раз.

«...пошлю <...> на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей: и они возвестят народам славу Мою.»

И вот при данном стихе имеется ссылка, которая отсылает нас к стиху 16:5 другой книги «Ветхого Завета» – книги «Исход»:

«...если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля.»

На том этапе истории, когда писались эти слова, была крайне актуальна проблема вывода Яхве с локального уровня на региональный, а в идеале – на мировой. «Всемирность» Яхве отнюдь не была очевидной всем, а потому требовалось её постоянное декларирование при каждом удобном случае. И именно это мы и наблюдаем в приведённых отрывках.

Связь между приведёнными выше двумя стихами очевидна, но это не отвечает на вопрос о возникновении именно этой ссылки. В «Ветхом Завете» присутствует множество других мест, в которых содержится та же самая декларация – так почему стих «Исайя, 66:19» имеет внешнюю ссылку только на «Исход, 19:5»?

Есть, правда, между этими отрывками ещё одна (кроме чисто «тематической») параллель. В одном из этих отрывков ключевую роль играет слово «остров», а в другом – «земля». А в «Книге Исайи» эти два слова являются практически синонимами, что очень точно почувствовали (и отразили) «разработчики» системы перекрёстных ссылок.

Но даже если и так – этого всё равно не достаточно. Существуют и другие места в «Ветхом Завете», декларирующие «всемирность Яхве» и одновременно содержащие слово «Земля» (навскидку – Быт. 14:19, Втор. 10:14, Пс. 23:1, Иер. 23:24 и др.).

Значит, было здесь что-то ещё, что выделило из ряда похожих фрагментов именно фрагмент из книги «Исход».

Сама эта книга посвящена выходу евреев из Египта и сорокалетним их скитаниям по ближневосточным пустыням. Название «Исход» здесь весьма удачно, поскольку точно отражает содержание.

Однако, в оригинале эта книга называется совсем по другому. Она называется – «Имена». Название это взято по второму слову её текста. А пишется это слово так – «לִמְשׁ» («ш-м-в-т»).

Что представляет собой ничто иное, как полный, точный и бескомпромиссный «М-стринг».

Теперь всё окончательно встало на свои места. Прочтение «Ветхого Завета» многими поколениями читателей материализовалось в ссылке, в которой отразилась связь между «Новой Землёй» и «Островом» (как «коллективное сознательное»), а также проявились (как «коллективное бессознательное») и четыре буквы имени этого острова.

Да, «М-т-ш-в Остров». Новый остров у северного края Земли.

Океан

А история эта всего-то о том, что нематериальные объекты – такие как «идеи» или «смысловые структуры» – существующие, казалось бы, в своём собственном отдельном пространстве – прорываются временами в наш физический мир и меняют его как хотят.

И о том, что изумрудная гора, даже если сама и не видна, окрашивает собой всё небо.

И о том, что смыслы обтекают слова, как вода – камни.

И о том, что случайные параллели пересекаются неизбежно, давая точки роста новой реальности.

И о том, что камень размером с гору, предназначенный для починки небес, по факту стал книгой.

И о том, что замороженные слова, оттаяв, текут по линии твоей жизни.

И о том, что взмах крыльев «острова-бабочки» вызывает вселенское торнадо суффиксов и флексий, ибо лоренцов аттрактор «никогда не устанавливает программы на компьютер во время проливного дождя (in the pouring rain)».

И о том, что любой путь необратим, если ты сделал по нему хоть один шаг.

Облачный мост. ОМ мани падме хум. Остров-М.

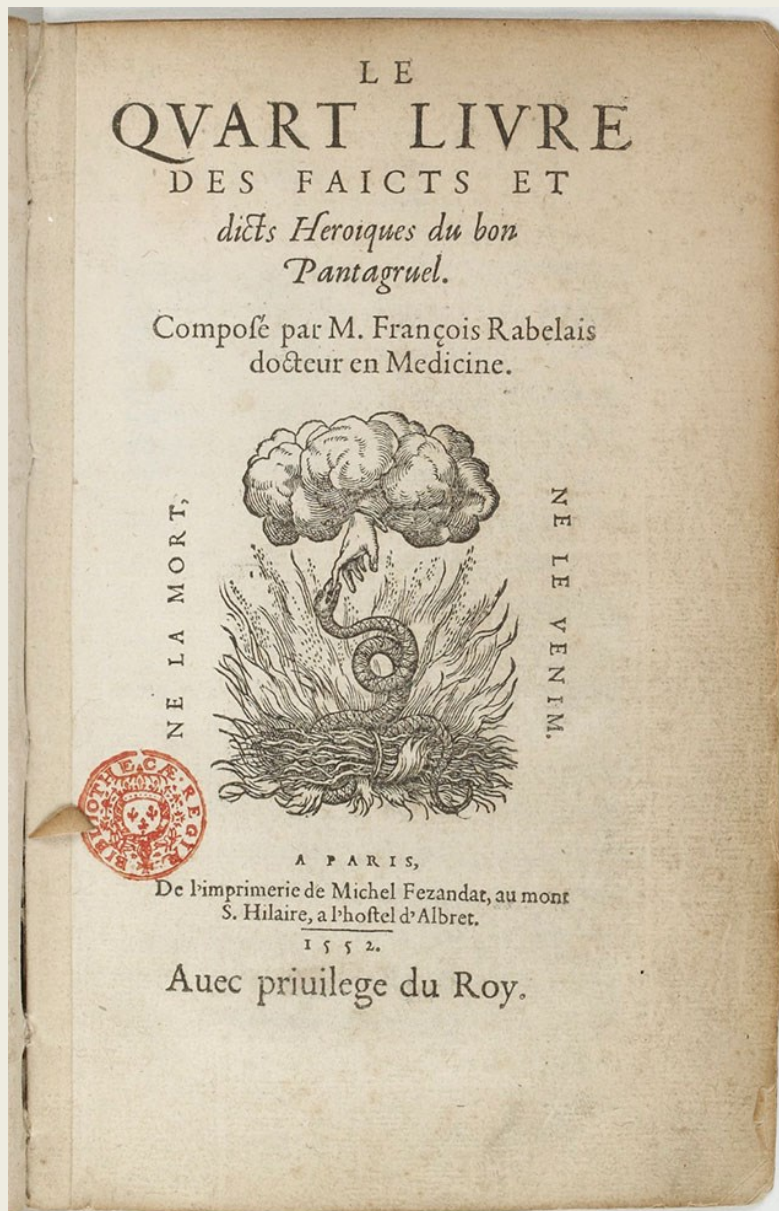
Да.

9 апреля 1553 года умер доктор Франсуа Рабле. А 10 мая из Рэтклиффа вышли три корабля сэра Хью Уиллоуби, отправившиеся открывать новый путь в Китай. Так была открыта Новая Земля. А меньше чем за год до этого, в 1552, вышла в свет книга о плавании Пантагрюэля как раз в полярных морях.

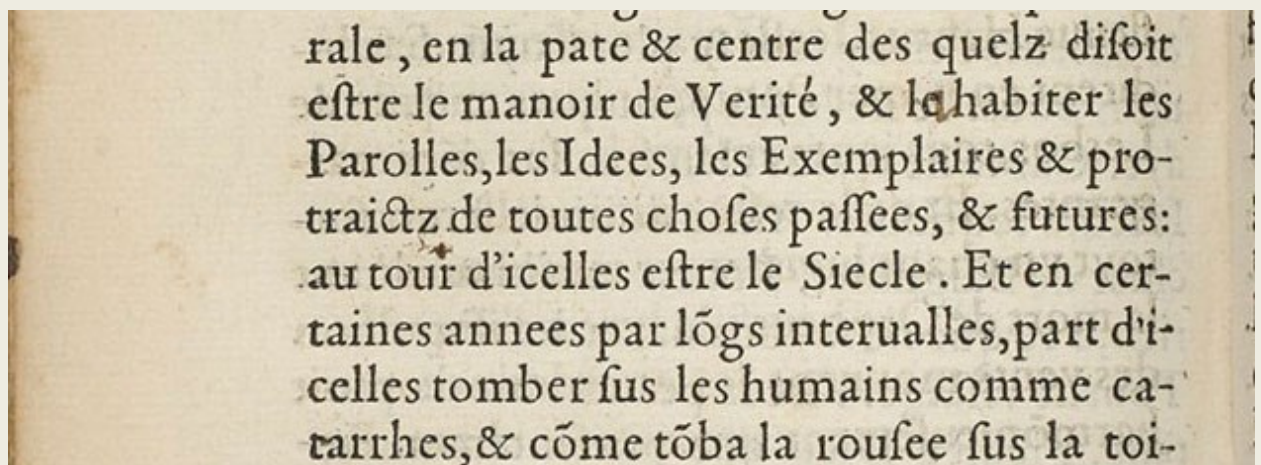
В ответ на причитания Панурга, Пантагрюэль сказал: – Послушайте! Я читал что <...> существует множество разных миров и они соприкасаются между собой так, что образуют равносторонний треугольник, в центре которого находится ядро Реальности («manoir de Verité»), где сконцентрированы Слова, Идеи и Базовые модели («Exemplaires») всего того, что было и что будет. И вокруг них-то всё остальное и вертится. Время от времени часть их проникает в наш мир («tomber sus les humains») как вирус («catarrhes»), остальные же припасены на будущее. <...> А что если мы сейчас находимся в том месте, где заморожены те самые слова? <...>

Лоцман сообщил: – <...> Мы находимся у границ Ледовитого моря («la mer glaciale»).

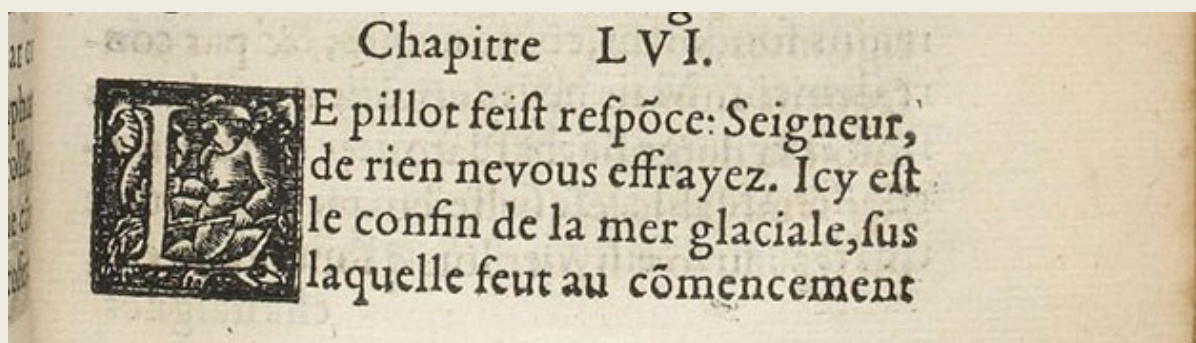
(Франсуа Рабле, «Четвёртая книга приключений Пантагрюэля», 1552, гл. LV-LVI)

[Илл. 18-12-01-1. Франсуа Рабле, «Четвёртая книга Пантагрюэля», первое издание, 1552. Титульный лист.]

[Илл. 18-12-02-1. Там же, с. 116v.]

[Илл. 18-12-03-1. Там же, с. 117.]

А в 1017 году город, где жил один немолодой уже человек, был завоёван его еди-новерцами, а сам человек насильственно уведён за сотни фарсахов от своего до-ма.

Но он этого почти не заметил, поскольку его сознание было равно далеко от обеих этих мест. Или, если угодно, равно к ним близко.

Чем больше я читаю Собрание его избранных трудов в семи томах (и восьми кни-гах), являющее собой лишь песчинку из неисчислимых россыпей самоцветов его научных работ – тем всё более угрожающими темпами растёт список его выска-зываний, которые могли бы стать эпиграфами к этой книге. Мне начинает казаться, что он говорит прямо моими словами (на деле же я – его), этот хорезмиец, проникший тысячу лет назад в самую суть вещей («manantial de todo lo que se puede saber»), Абу Рейхан ал-Бируни.

В этом мире люди находятся во власти самых невероятных представ-лений – и функция цивилизации состоит в упорядочении этого хаоса. Мой разум, более того – вся моя душа стремится сейчас единственно к распространению знаний – как раньше она стремилась к их обретению. Возможность передавать другим свои знания я рассматриваю, как вели-чайшее счастье.

(Бируни. Предисловие к его переводу «Патанджали»)

Пути подхода к изучаемой теме оказались очень трудными для меня, несмотря на мою сильную привязанность к ней, в чем я был совершенно одинок. <...> Я тратил по возможности все свои силы и средства на со-бирание этих книг.

(Бируни, «Индия», гл. 2, с. 12)

Когда эти книги были <...> прочитаны буква за буквой, и когда до меня начал доходить их смысл – я понял, что просто не вправе лишить других <...> подобной возможности. Ибо нет хуже преступления и тяжелее гре-ха, чем скупость в обладании знаниями.

(Предисловие к «Патанджали»)

Если коротко, он сделал вот что. Он в одиночку познал и описал нашу Вселенную. Попутно создав, за неимением, Историю, Геодезию, Фармакологию, Минералогию, Астрономию, Математику и Лингвистику.

Предложенная им формула поэзии используется в «семантической инженерии» при построении текстовых процессоров нового поколения; описанные им приёмы провоза изумрудов до сих пор с успехом практикуют бразильские контрабандисты.

Так же, между делом, он провёл комплексное исследование Индии и дал её исчерпывающее описание, заодно переведя с санскрита на арабский (всего-то тринадцать лет работы) многие и многие классические индийские сочинения. «Бхагавад-Гита» – только одно из них.

Признаюсь: один фрагмент из «Бхагавад-Гиты» в переводе Бируни, а именно шлоку 3:19, я уже давал в этой книге, подмешав её к соответствующим переводам Александра Петрова (глава «Пылинка», эпизод «Связь»). Вы, наверно, обратили тогда внимание на странную ссылку, никак не раскрытую в тексте. Раскрываю: «БИ» означало «Бируни. Индия», «VII» – «7-я глава», «37:12-14» – номера страницы и строк согласно базовой рукописи «Индии» (BNF MS Arabe 6080, 1159 год).

А вот ещё один фрагмент «Бхагавад Гиты» в переводе Бируни:

«Ом» – слово создания и творения. <...> Любая вещь, о которой человек много думает, запечатлевается в нём так, что он оказывается сам ведомым ею.

(Бируни, «Индия», гл. 7, с. 37; «Бхагавад Гита» 8:13, <...> 6)

Последние слова, переведённые Бируни с санскрита, в полной мере описали его собственную судьбу. В своих трудах Бируни «много думал» о некой полярной горе, дающей начальный отсчёт всему Пространству – и эта гора «запечатлелась в нём» так, что он оказался не только «ведомым ею» в своей посмертной славе, но и сам превратился в эту гору. Ибо в сознании потомков Бируни стал олицетворением Цивилизации, как таковой. Ярче других это выразил его исследователь, доктор Эдвард Захау (Edward Sachau):

«Бируни – это одинокая гора, высящаяся посреди океана...»

(«Albiruni's India», публикация на арабском, 1887, с. XXXVII)

Сама же эта уходящая в небо арктическая Гора проходит жирным пунктиром через многие труды Бируни – пишет ли он о звёздах, или о фундаментальных понятиях, или о свойствах драгоценных камней.

Вот, например, как выглядит в его изложении последний эпизод жизни Арджуны – героя, породившего «синдром Достоевского» (БИ, гл. 47, с. 202): после ряда трагических происшествий, Арджуна и его братья направились на Север и там начали бесконечный подъём на высочайшую гору «где не тают снега»; во время этого подъёма все они, кроме одного, погибли от смертельного холода, но последнему оставшемуся в живых открылся вход в рай.

Мы об этом так никогда бы и не узнали, если бы не «искусство рисовать звуки». А эти «рисунки» проникают сквозь всё и вся, как поток нейтрино проникает сквозь нашу планету (и так же не вступая во взаимодействие с её серым веществом, – как пошутил бы Бируни):

Подлинно язык доводит до слушателя то, что говорящий имеет сообщить. Но бытие речи ограничивается кратким, похожим на миг, отрезком времени. <...> Письмо же распространяется повсюду, как распространяется ветер, и шествует, не зная преград времени, как шествуют души умерших.

(БИ, гл. 16, с. 81)

Воистину, только Пишущий укрощает ифрита Времени. Для описываемого героя будущее туманно и светозарно, он полон надежд и дерзаний – но Пишущий видит (сразу на трёх экранах) что с тем уже было, что есть и что с неизбежностью будет.

Поистине правдивы слова того, кто говорил: «Сообщение не то, что видение воочию»; <...> и если бы «сообщению» не сопутствовали свои недостатки, его преимущество перед «видением воочию» было бы явным, поскольку последнее ограничено бытием, не выходящим за пределы известных отрезков времени, а «сообщение» может брать эти отрезки совокупно с предшествующим и непосредственно следующим за ними.

(БИ, Вступление, с. 2)

Но как бы там ни было, но только прямой и воспроизводимый Опыт украшает тюрбан Истины халифом всех изумрудов:

Согласно всеобщему убеждению, к свойствам изумруда относится то, что при взгляде на него у ядовитых змей вытекают глаза. <...> Несмотря на единодушие рассказчиков, истинность этого не подтверждается опытом. Я провёл так много испытаний, что больше уже невозможно: я опоясывал змею изумрудным ожерельем, сыпал ей изумруды на дно корзины, размахивал перед ней нанизанными на нитку изумрудами, и всё это проделывал в течение девяти месяцев. Но на её глаза это не произвело никакого впечатления, если только не усилило остроту её зрения.

(Бируни, «Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир», [«Минералогия»], гл. «Изумруд»)

И, возвращаясь к Горе:

В книге «Путеводитель по Этому и по Загробному Мирам» говорится, что гора Каф <...> состоит из зелёного изумруда <...> и если небо кажется зелёным, то это потому, что оно находится над этой горой. <...> Нечто подобное говорят <...> и об отвесной горе, которая <...> находится под Полярной звездой; её четыре стороны будто бы состоят из яхонтов разных цветов. <...>

(Там же)

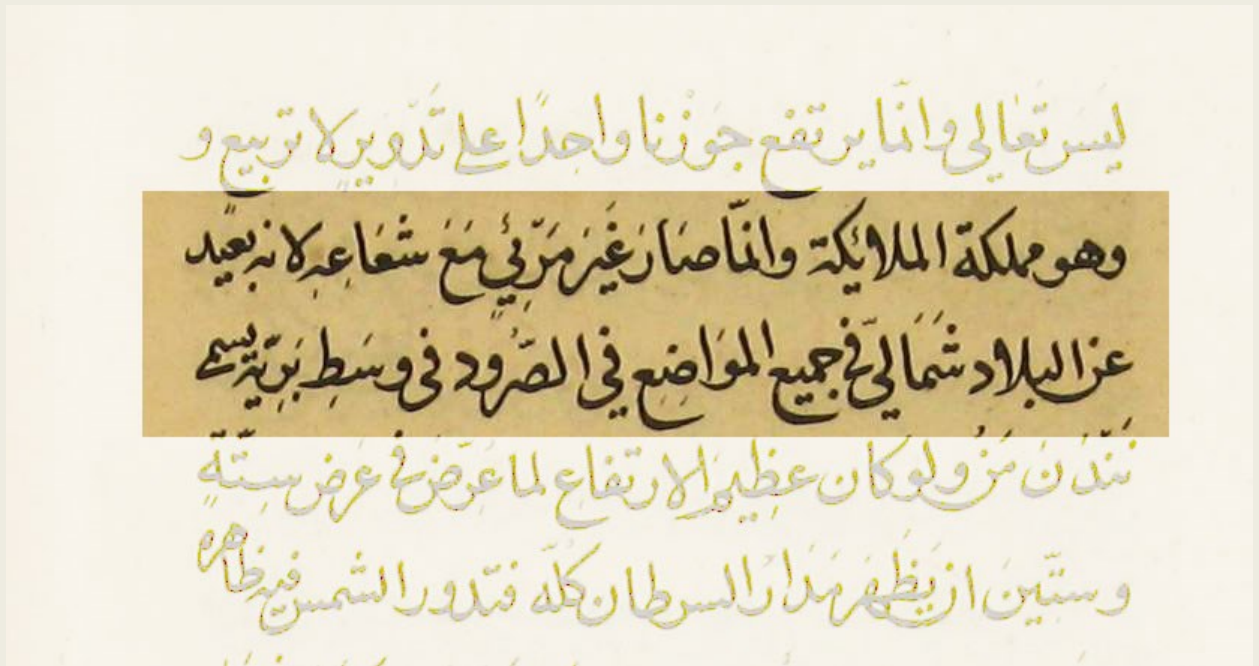
Но какова понятийная сущность этой полярной Горы? Она что – «виденное воочию» или «сообщение»? В алмазных буквах великого познавателя мира Абу-р-Рейхана Мухаммада ибн Ахмада ал-Бируни мы находим лишь серию её бесконечных информационных отражений, уходящих за горизонт:

<Бируни сообщает, что> Балабхадра говорит, <...> что Арьябхата полагает, <...> что гора Меру по отношению к любому месту на земле находится на севере, в зоне холода, посреди пустыни.

(Бируни, «Индия», гл. 23, с. 122)

[Илл. 18-12-04-1. Бируни, «Индия». «Она (гора Меру)... находится на севере, в зоне холода, посреди пустыни». Стамбульская рукопись, «Köprülü Fazıl Ahmed Pasha», док. 100 (1001), л. 118v, стрк. 3-4.]

[Илл. 18-12-04-2. Там же, деталь.]

А в 406 году человек по имени Кумараджива перевёл на родной язык историю о «Призрачном Городе». В ней говорится о людях, которые совершают тяжёлое путешествие в желании обрести (в оригинале – потерять) себя. Путь пролегает по бескрайней и бесплодной земле.

В середине пути люди не выдерживают тягот и решают повернуть назад. Тогда их проводник усилием своего сознания создаёт у них на пути «Призрачный Город».

Впрочем, город «призрачен» условно, ибо для путешественников он вполне реален, по крайней мере «дан в ощущениях». Среди его садов и каналов, изящных башенок и роскошных дворцов, в домах, что один другого выше и один другого краше – во всём этом комфорте путники мало-помалу приходят в себя.

И тогда их проводник развеивает наваждение: город исчезает. Люди снова стоят на безжизненной равнине. Но имевшая место пауза не прошла бесследно. У людей появились силы продолжить путь.

Удаётся ли им в результате достичь своей цели, в рассказе не говорится.

Историю эту принято понимать так. Если бы человек реально представлял, сколь тяжёл окажется его путь к освобождению, он никогда не решился бы сделать даже первый шаг. Поэтому мудрый проводник с помощью разных «уловок» (ключевой термин рассказа) должен помогать своим подопечным, создавая у них полезные для дела иллюзии.

На мой непросвещённый взгляд, в этой истории призрачным является не только город, а буквально всё – начиная со смыслов, которые в ней видит (или делает вид, что видит) двухтысячелетняя традиция.

Очевидна избыточность «Призрачного Города» как такового – его функции полностью выполнил бы простой родник и толково организованный привал.

Когда в тексте говорится, что людям предстоит пройти невероятно длинный путь, то понятие «пройти» выражается словом «jīng» (經) – при том, что одно из значений «jīng» – «книга, сочинение, вымысел».

В «Призрачном Городе» по блаженным каналам «льются» (流, «liú») благостные струи – при том, что одно из значений слова «liú» – «быть отправленным в ссылку».

Понятие «Призрачный Город» выражено словами «huà chéng» (化城, буквально: «меняющийся город») – при том, что одно из значений слова «huà» (化) – «умирать».

Да и сама «уловка» (方便, «fāng biàn»; в оригинале «upāya», буквально: «мастерский приём») – уж больно она семантически близка к «ловушке».

Мы не знаем, что у них там тогда произошло. Но люди ушли в «неведомая пустыни», увидели там «Призрачный Город» – и не вернулись.

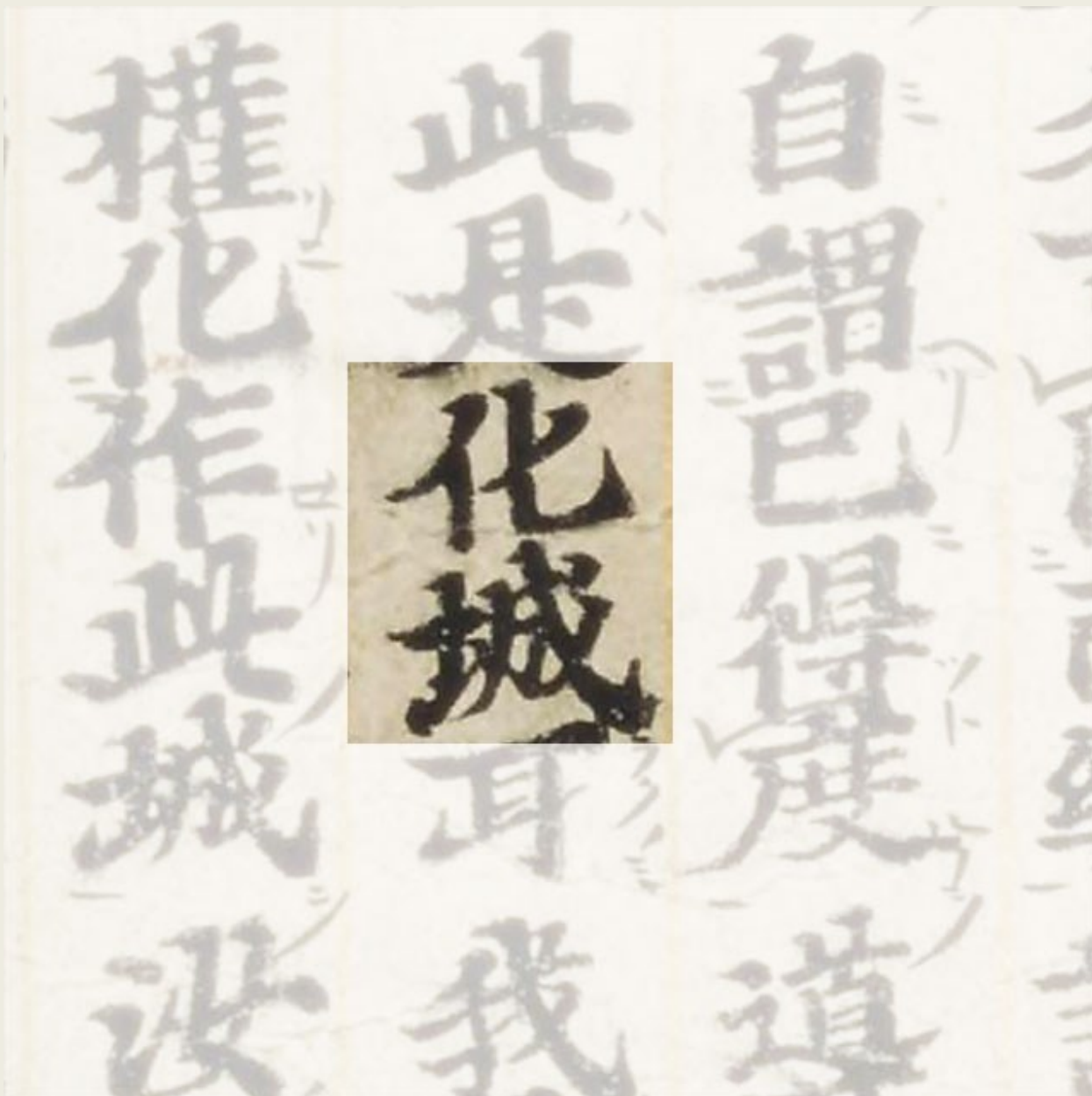
А книга о них раскрылась на рассвете невыразимо прекрасным цветком лотоса.

[Илл. 18-12-05-1. «Лотосовая Сутра» в переводе Кумарадживы, копия начала XIV в. Свиток 3, общий вид. National Diet Library, Tokyo, ID pid 1288224.]

今汝入佛道慎勿懷驚懼辟如險惡道迴絕多毒獸
 又復無水草人所怖畏處無數千万衆欲過此險道
 其路甚曠遠經五百由旬時有一導師強識有智慧
 明了心決定在險濟衆難衆人皆疲倦而白導師言
 我等今頓乏於此欲退還導師作是念此輩甚可賤
 如何欲退還而失大珍寶尋時思方便當設神通力
 化作大城郭莊嚴諸舍宅周而有園林渠流及浴池
 重閣高樓閣男女皆充滿即作是化已慰衆言勿懼
 汝等入此城各可隨所樂諸人既入城心皆大歡喜
 皆生安穩想自謂已得度導師知息已集衆而告言
 汝等當前進此是化城我見汝疲羸中路欲退還
 故以方便力權化作此城汝今勤精進當共至寶所

[Илл. 18-12-06-1. Там же. Стихи в конце главы 7.]

[Илл. 18-12-06-2. Там же. «Призрачный Город».]

А в 6500 году до нашей эры в 75 миллионах миллиардов километров от Земли произошёл взрыв космического масштаба.

И хотя «одновременность» – понятие в астрофизике нестрогое, но одновременно с этим, насколько это вообще возможно, на Земле произошёл цивилизационный «взрыв» «нового камня» – «неолитическая революция», в результате которой люди стали свою еду не только собирать или ловить, но и производить. И это с неизбежностью потянуло возникновение первых прото-городов (нижние слои Иерихона) и прото-письменностей («Цзяху-скрипты»). А слова уж отлились там и в металл.

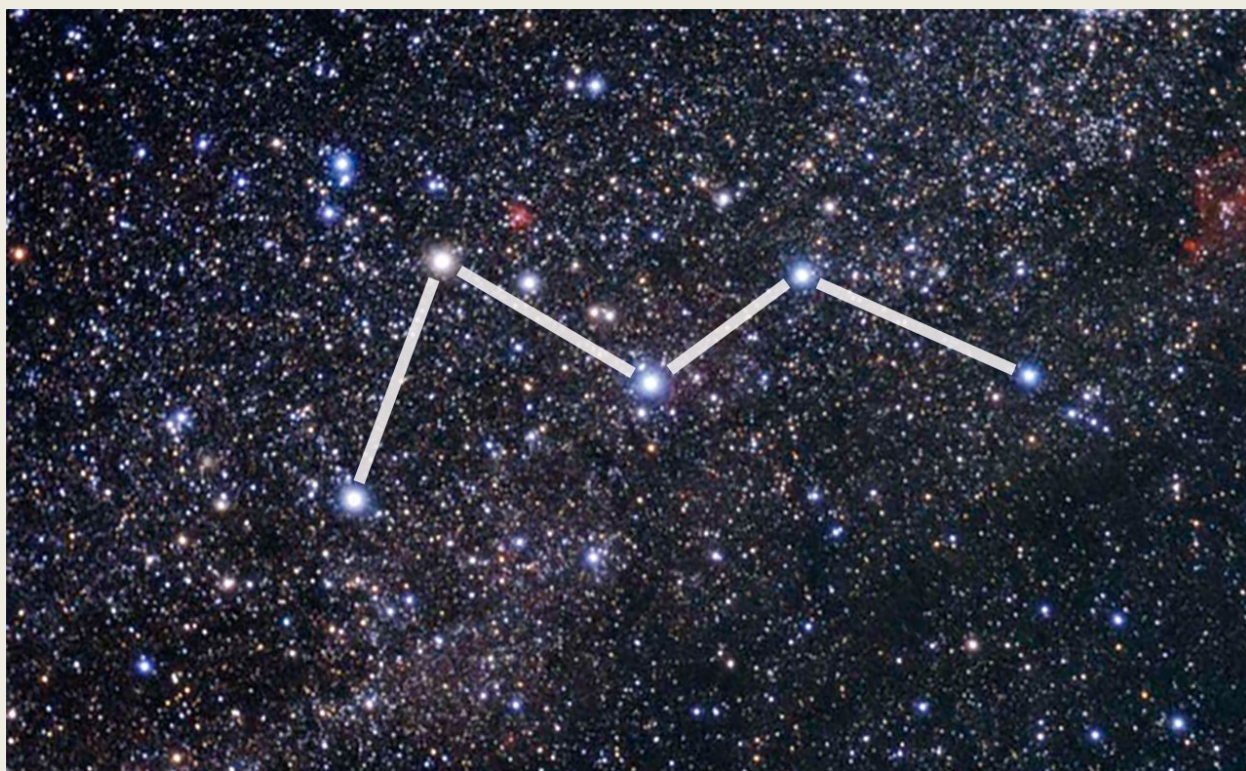
6 ноября 1572 года передний фронт расширяющегося со скоростью света фотонного «пузыря» от того космического взрыва достиг поверхности Земли. В небе зажглась «Stella Nova» – сверхновая «звезда» Тихо Браге.

Она была столь ярка, что была видна даже днём, наводя ужас на смертных. «Стенка» того «пузыря» была такой толщины, что со скоростью света она «проходила» Землю ещё полтора года.

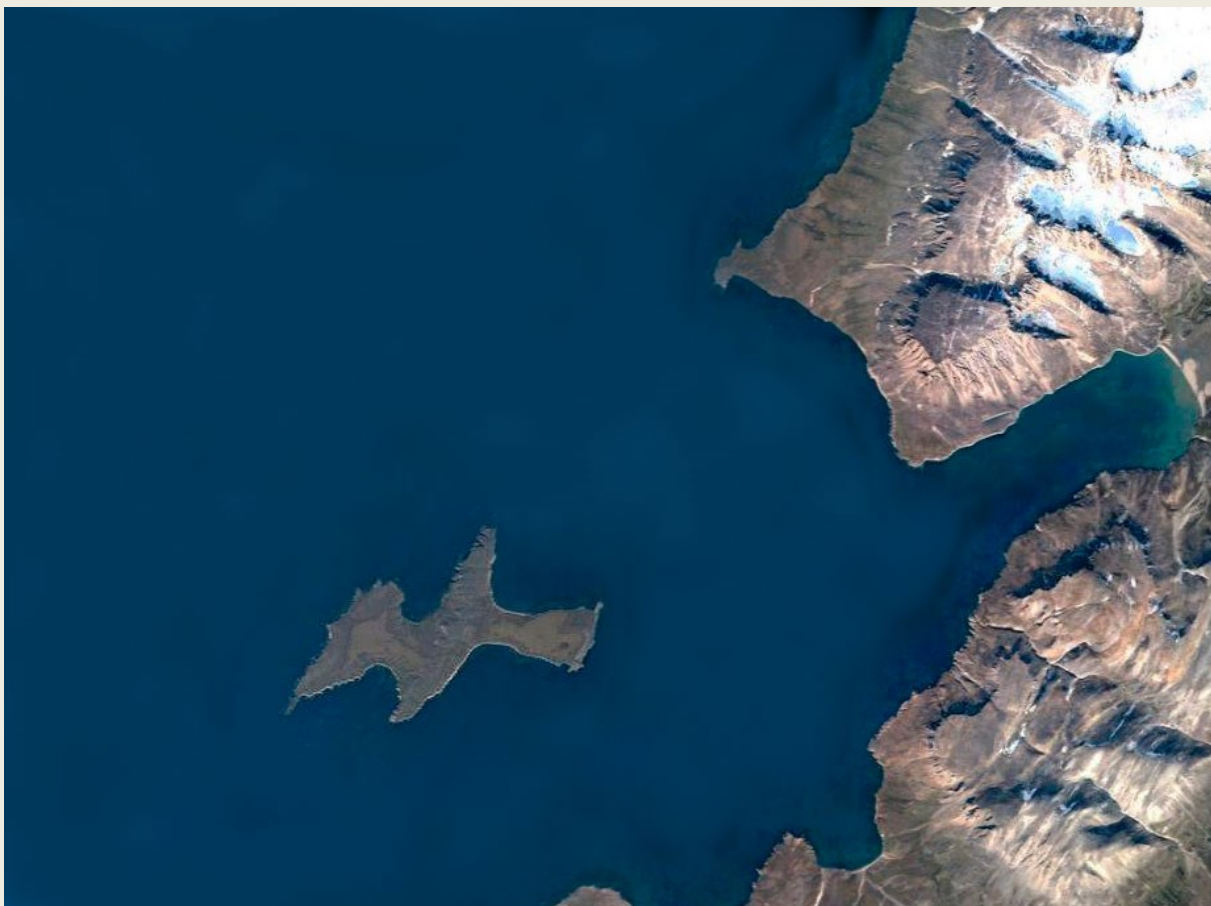
Зажглась «Stella Nova» в созвездии «Кассиопеи», имеющем вид небесной буквы «М» – что вызвало волну М-мотиваций и имело следствием появление на свет в 1583 году «лоции Мерша».

Так космический взрыв вывел на человеческий горизонт первый объект «топонимического кластера» – никем не поминавшийся ранее пролив «М-шар».

А Небесная Буква отразилась в полярном Океане Смыслов.

[Илл. 18-12-07-1. Созвездие Кассиопеи.]

[Илл. 18-12-08-1. Митюшье остров.]

[Илл. 18-12-09-1. Там же.]

А 7 января 1830 года Александр Пушкин, всю жизнь мечтавший побывать хоть где-нибудь за границей, но неизменно получавший отказы, направил через Бенкендорфа на Высочайшее имя просьбу отпустить его в Китай в составе 11-й духовной Пекинской миссии.

В этой просьбе Пушкину также было отказано. В результате, в Пекин в составе Миссии поехал 22-летний выпускник горного кадетского корпуса, гиттенфервалтер Алексей Кованько.

Именно благодаря этому обстоятельству, в 1843 году появился первый русский перевод фрагмента романа Цао Сюэциня «Записки о Камне» («Шитоу Цзи»), больше известного, как «Сон в красном тереме».

Кованько был горным инженером, но в отличие от Пушкина хорошо владел китайским языком. В 1836 году, накануне экспедиции Бэра на Новую Землю, он вернулся из Пекина, а ещё семь лет спустя опубликовал в «Отечественных записках» свой перевод прочитанной им в Китае интересной книги.

Согласно первой её главе, весь текст этого гигантского сочинения (более миллиона иероглифов) представляет собой надпись, сделанную на огромном Камне, который может по собственному желанию уменьшаться. Главный герой романа, подросток Баоюй, носит этот камень (с которым он родился во рту) на шее, просто как амулет. На этом камне записана история всей его будущей жизни, но Баоюй просто не приходит в голову взять и прочитать этот текст. А мы читаем:

Нюй-гуа-ши плавил камни для починки Неба, <...> а один <...> остался. <...> Этот камень <...> получил душу и сам уже мог приходить и уходить, мог увеличиваться и уменьшаться. <...> Увидев этот светлый, блестящий, чистый камень, сжавшийся в величину веерного набалдашника, <...> Хэ-шан взял его к себе на ладонь. <...> – Надо высечь на тебе несколько слов, по которым бы люди с первого взгляда узнавали твою чудесность, потом надо провести тебя через блестящие и цветущие государства, через богатые и знатные семейства. <...>

Неизвестно <...> сколько прошло после того веков, пока один Дао-сы не заметил огромный камень, с ясно насечёнными на нём словами. Едва только Дао-сы взглянул на надпись, как тотчас узнал, что этот тот самый камень. <...> [На нём] были описаны все подробности, <...> даже все мелкие обстоятельства домашней жизни и любовные приключения невинных дев. <...>

Кун-хай-си назвал эту историю <...> драгоценным зеркалом, а после него Цао-суй-цин, пересматривая её десять лет <...> разделил на главы.

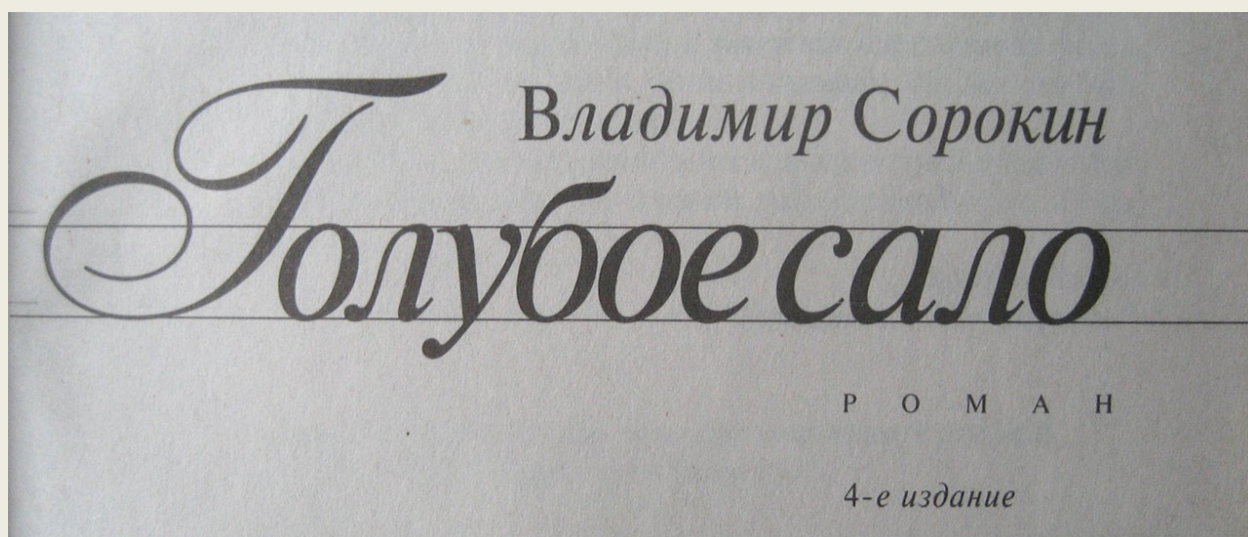
(Цао Сюэцинь, «Записки о Камне», они же – «Сон в красном тереме», гл. 1, перевод Алексея Кованько (дэ-Мин), «Отечественные записки», т. 26, 1843, с. 28-31, раздел «Смесь»)

Сюэцинь закончил свои «Записки о Камне» в 1763 году, за год до своей смерти – и за 5 лет до того момента, как Фёдор Розмыслов на кочмаре купца Бармина отправился на Новую Землю на поиски легендарного «сияющего Камня», находящегося по слухам на берегу мифического пролива «М-шар».

Больше половины участников экспедиции Розмыслова погибли, а её результаты оказались никому не нужны, и на всякий случай были заморожены в секретных архивах. Мэй го, нимада рипс.

Он бросил на палубу целую пригоршню замерзших слов, похожих на драже, переливающихся разными цветами. Здесь были красные, зелёные, лазуревые и золотые. В наших руках они согревались и таяли как снег, и тогда мы их действительно слышали, но не понимали, так как это был какой-то варварский язык.

(Владимир Сорокин, «Голубое сало», Ad Marginem, М. 1999, с. 5)

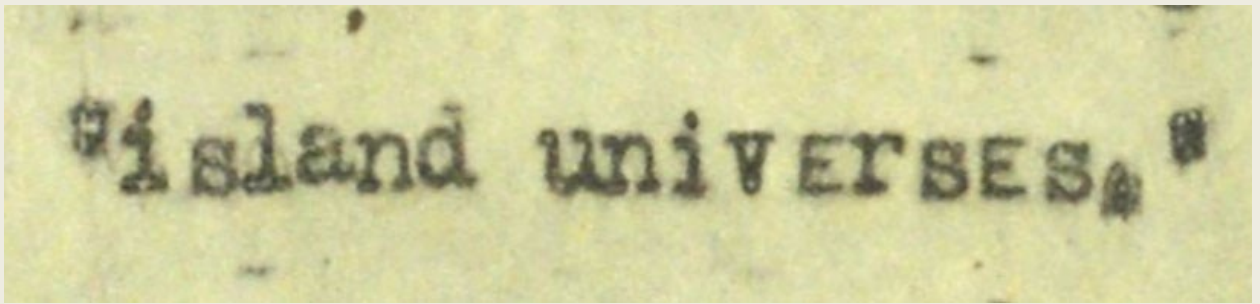

[Илл. 18-12-10-1. Владимир Сорокин, «Голубое сало», 4-е издание, 1999. Титульный лист.]

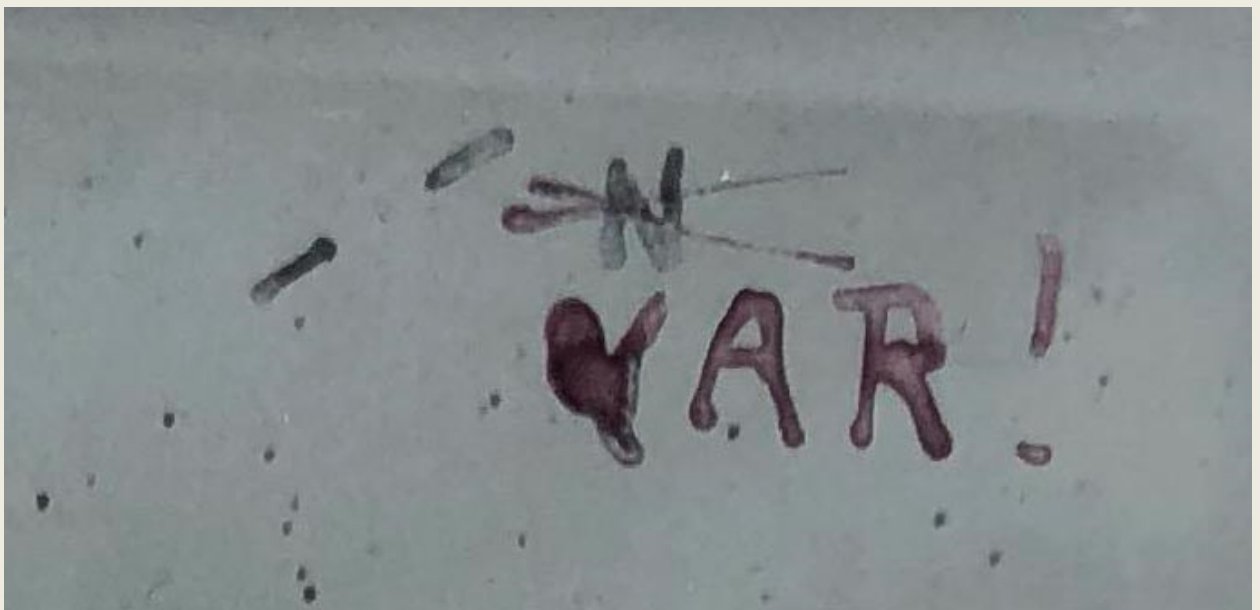
И он бросил на палубу целую пригоршню замерзших слов, похожих на драже, переливающихся разными цветами.

[Илл. 18-12-11-1. Там же, с. 5. Фрагмент.]

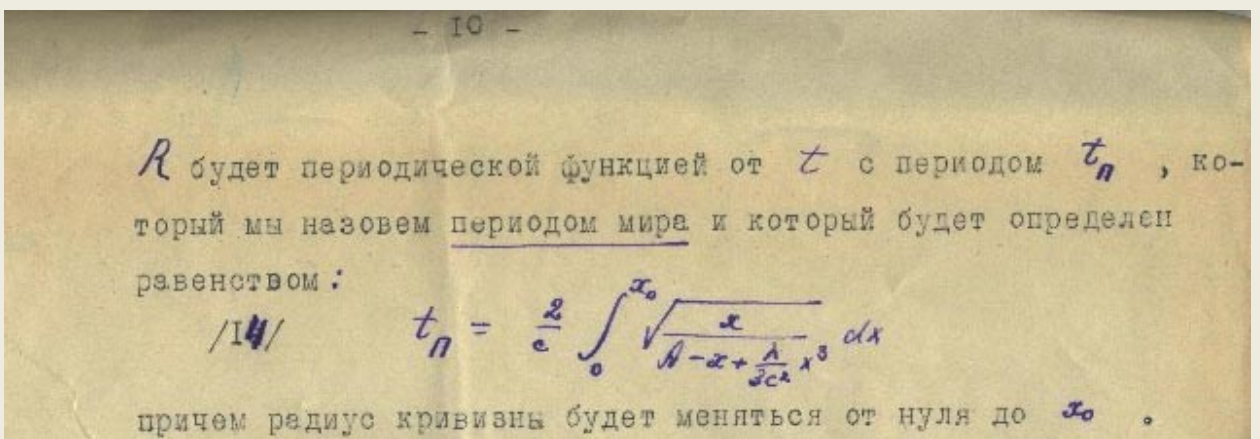
А 23 сентября 1924 Николай Пинегин увидел с борта самолёта «Юнкерс-20» «бабочку» М-острова, во взмахе крыльев которой Эдвин Хаббл прозрит свой «Остров Мироздания» (первую не-нашу Галактику), а Александр Фридман откроет нестационарную многолистную Вселенную – а затем поднимется на «планковскую высоту» М-Камня, чтобы увидеть оттуда «чёрную наковальню» и уйти в «планковское время».

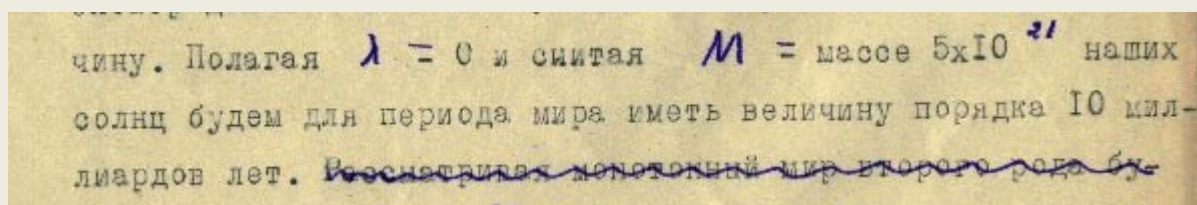
[Илл. 18-12-11-3. Сообщение агентства Associated Press от 22 ноября 1924, 17:18, об открытии Эдвином Хабблом первой не-нашей Галактики.]

[Илл. 18-12-11-4. «Плата Н335Н» (фрагмент), на которой была зафиксирована первая цефеида в Туманности Андромеды.]

[Илл. 18-12-11-5. Автограф статьи Александра Фримана «О кривизне пространства», в которой было получено периодическое решение для Вселенной.]

[Илл. 18-12-11-6. Там же. Оценка возможного возраста Вселенной на основе полученного решения уравнений ОТО.]

В «Книге Перемен» («И Цзин») гексаграмма «Кунь» (坤, №64 по Фу-си, №2 по Вэнь-вану) состоит из двух одинаковых триграмм, расположенных одна над другой. Значение каждой из этих двух триграмм (☷) – «Земля».

Традиция азимутальных соответствий «И Цзина», восходящая к полумифическому императору Фу-си, располагает «Кунь» (и только одну её) точно на Севере.

Таким образом, мы имеем здесь две северные «Земли», расположенные одна над другой – точь в точь, как два главных острова Новой Земли – Северный и Южный – располагаются в Ледовитом море. И как и сквозь Новую Землю – сквозь гексограмму «Кунь» (и только одну её) проходит навывлет сквозной канал.

Текст к начальной черте этой гексограммы звучит так:

«Ступивши на иней – в тяжёлых окончишь во льдах»

(«Книга Перемен», гексаграмма «Кунь», третий слой)

А за словом «иней» в китайской понятийной системе всегда явственно встают «колокола»:

«Колокола, индевея, гудят...»

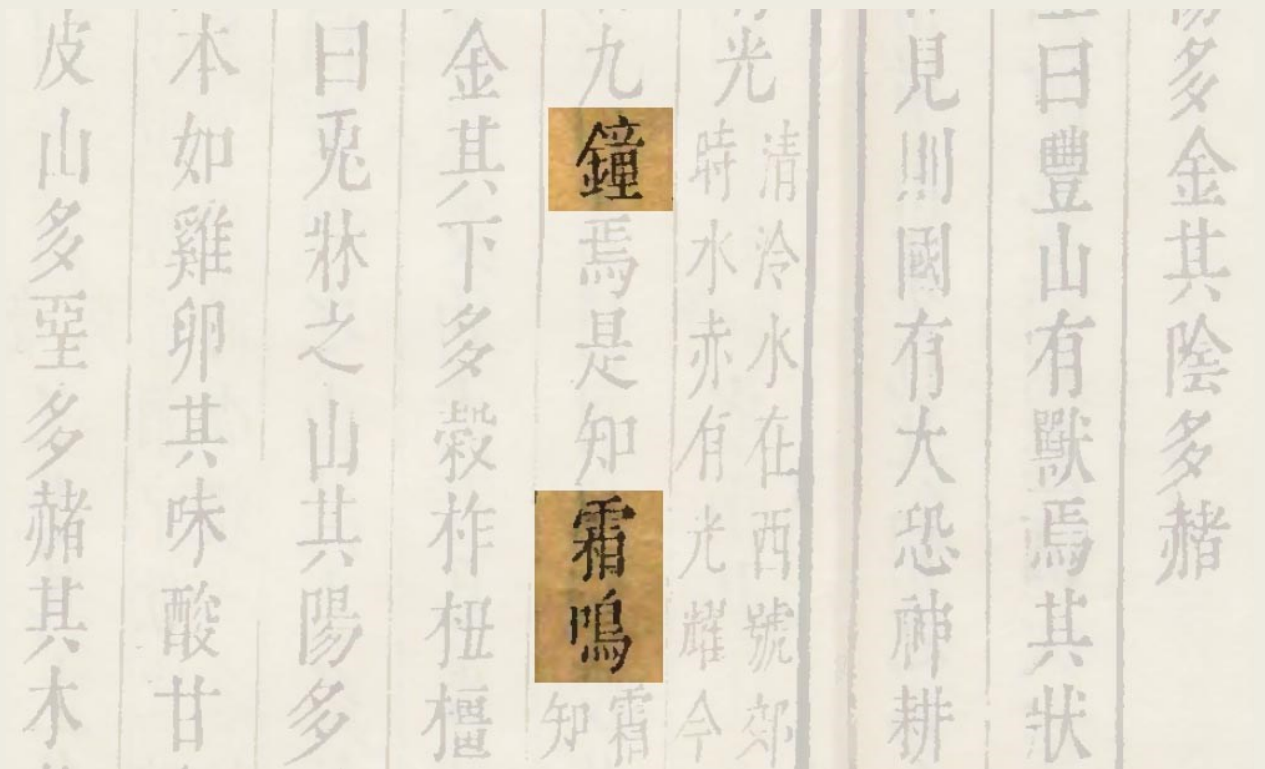
(Ли Бо, «Слушаю, как Цзюнь, монах из Шу, играет на цине»)

«Звон колокольный как иней прозрачен и чист»

(Ли Бо, «Ночные раздумья в Дунлиньском монастыре на горе Лушань»)

«Там [на горе Фэншань] есть девять колоколов, гудящих от [оседания на них] инея»

(«Каталог Гор и Морей» («Шань Хай Цзин»), цзюань 5, кн. 11)

[Илл. 18-12-12-1. «Каталог гор и морей», цзюань 5, кн. 11. «Колокола от иней гудят».]

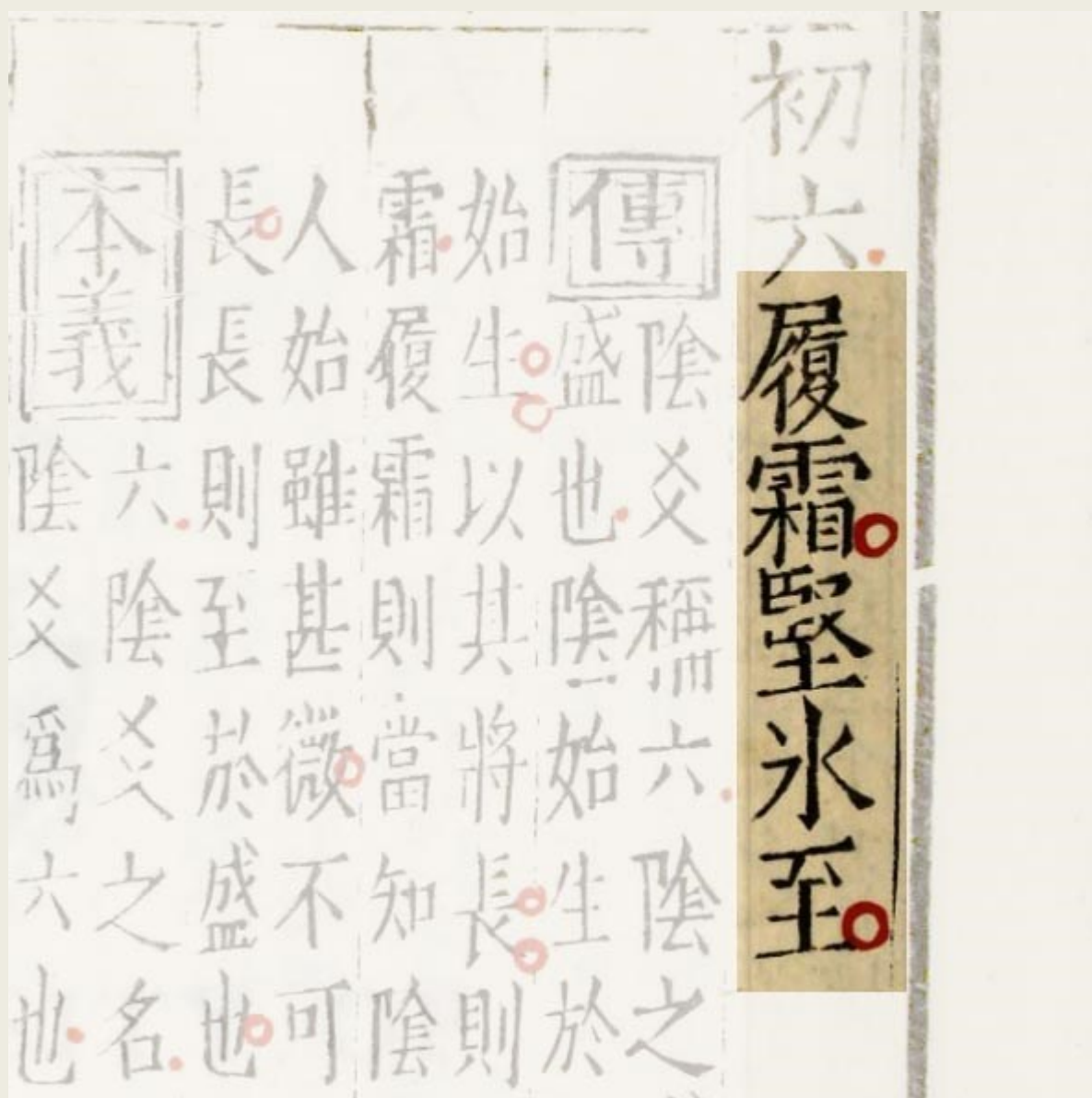
Так что Ступивший-На-Иней не может не слышать звон колоколов призрачного Града Небесного, что явился взору безвестного помора над горой Митюшёв Камень.

Висить <...> гора ледяная, а на этой горе все церкви да церкви. <...> И только я стою вдруг съ всехъ эфтихъ колоколенъ звонъ поднялся.

Да.

«Ступивши на иней – в тяжёлых окончишь во льдах»

Ли шуан цянь пин чжи.

[Илл. 18-12-13-3. «И-Цзин», текст к гексограмме «Кунь». Фрагмент. «Ли шуан цянь пин чжи».]

[Илл. 18-12-14-1. «Ли шуан цянь пин чжи» в архаичном написании. Мавандуйская «шёлковая рукопись» Книги Перемен, кол. 44, нижн. часть. Не позднее 190 г. до н. э.]

Ось

2010. Нарушается топонимическое равновесие Митюшёвского мега-кластера.

1961. В небе над горой Митюшёв Камень вспыхивает гигантский огненный шар – самый мощный термоядерный взрыв за всю историю человечества, бомба «АН602» Андрея Сахарова.

1937. Десятилетний капитан Валерий Митюшёв проводит через пролив «М-шар» свою виртуальную «Красную Арктику».

1921. Взмах крыльев бабочки *Plutella Mariae* над Митюшёвым островом, отразившись в «сне Чжуанцзы» и полёте Пинегина, вызывает ускоряющееся расширение Вселенной во фридмановском многолистном пространстве-времени.

1873. Фёдор Достоевский публикует в своём журнале «Гражданинъ» некий рассказ о явлении подростку-помору Небесного Града над горой Митюшёв Камень – рассказ, оказавший решающее влияние на дальнейшую жизнь самого Достоевского и приведший к появлению романа «Братья Карамазовы».

1820. Александр Пушкин заканчивает поэму «Руслан и Людмила», в которой помещает замок Черномора на вершине этой горы.

1767. Штурман Фёдор Розмыслов проходит от устья до устья пролив «М-шар» в поисках волшебного «самосветящегося камня» размером с изделие «АН602», испускающего «разных цветов искры» – но находит только новый путь в никуда.

1674. Шведский капитан-инженер Эрих Пальмквист создаёт фантастический альбом рисунков о жизни Московского царства и включает туда карту с обозначением мыса «Митюшёв нос» и залива «губа Митюшёва».

1600. Уильям Шекспир в пьесе «Двенадцатая ночь» обыгрывает особенности расположения пролива «Митюшёв шар».

1594. Виллем Баренц выходит к Новой Земле в районе Митюшёва острова. В небе над ним сияют три солнца – образ грядущей термоядерной вспышки.

1583. Антоний Мерш, под влиянием «сверхновой Тихо Браге», вспыхнувшей в небесной букве «М» созвездия «Кассиопеи», вносит в свою загадочную лоцию пролив «Митюшёв Шар», ставший первым документально зафиксированным топонимом Новой Земли.

1556. Капитан Стифен Бэрроу у берегов Новой Земли слышит от поморов про «высочайшую на Земле гору», под которой подразумевается Митюшёв Камень.

1320. Моислав-новгородец находит «Рай Земной» на вершине этой горы. Его спутники остаются там навечно, но Моиславу удаётся уйти назад невредимым.

1320. Данте Алигьери размещает свой «Земной Рай» на некоем острове «Новая Земля» на вершине горы, по всем признакам совпадающей с описанием Митюшёва Камня.

67 (условно). Во «2-м послании Петра» его автор сообщает о Новой Земле, как о месте, где «правда живёт».

125 до нашей эры. На западном берегу Мёртвого моря неизвестный переписчик изготавливает самый древний дошедший до нас экземпляр книги Исайи, в которой пророк говорит про «Новую Землю», а также делает некий «Остров на северном краю Земли» одним из центральных образов своего пророчества. И остров этот прочитывается у него, как «М-т-ш-в остров».

700 млн. лет назад. Происходит интрузия расплавленной магмы в верхние слои земной коры, которая в будущем, застыв и поднявшись на поверхность, станет горой Митюшёв Камень, которая во время планетарной «криогениевой катастрофы» сохранит от исчезновения земную жизнь.

...

Если в глобус воткнуть спицу так, чтобы она прошла через вершину горы Митюшёв Камень и центр Земли, то с другой стороны глобуса спица выйдет точно через жерло вулкана Сайпл, одиноко возвышающегося на одноименном острове у берегов Антарктиды.

Итак, две оси. Одна проходит через Храмовую гору в Иерусалиме (774 м) и, с другой стороны Земного шара, выходит через Дантов «Земной Рай».

Другая ось (или та же самая) проходит через жерло вулкана Сайпл в Антарктиде, и выходит в северном полушарии через вершину горы Митюшёв Камень (780 м) – там, где Полярный океан рассыпает изумрудные волны по алмазному берегу острова, испускающего «разных цветов искры».

Исходная точка

Пробивайтесь ко мне, острова.

Митюшёв остров, яже аз творю, пребудет перед лицом моим.

